



СМЕНА

№ 18 сентябрь 1979

ЭТАЖИ
ТВОРЧЕСТВА



Сегодня я на своем «луноходе» (так мы называем между собой наши ЛиАЗ-677) на маршрут не вышел — ремонтируюсь. Вожусь вместе со слесарями, но вот что сломанное реле поворотов они мне не заменяют, я знал заранее. Можно даже сказать, давно знал. Не потому, что не захотят или не могут, не заменяют потому, что нет их у нас на предприятии уже давным-давно, забыли, откуда они и берутся. Мне везло, у меня реле держалось долго, но вот дошла очередь и до меня — полетело...

Ездить по городу с неисправным реле я не могу, да и стыдно было бы. Перед людьми стыдно. Они же по моей машине судят, что я за водитель, как к своей работе отношусь. А что они, видя машину с неисправностями, подумают? Каждому же не объяснишь, в чем тут дело. Да и сам себя на такой машине чувствуешь неловко, хотя и знаешь, что не виноват. В общем, хорошо, что сегодня могу выкроить время и успеть съездить

Владимир КУЛИКОВ,
водитель пассажирского
автотранспортного
предприятия № 2 г. Омска,
член Кировского
райкома ВЛКСМ

в автомагазин — там реле должно быть. Куплю, поставлю, и перед собой и перед людьми не стыдно будет.

Так что с реле у меня еще выход есть. А вот выкрутятся ли слесари с моим двигателем? Не знаю. Тут и магазин не поможет.

А дело в том, что 320 тысяч километров двигатель уже отходил. Ну и изношен соответственно, и надо бы поменять поршневую группу. Надо, да нечем. Нечем — и все. И помочь с этим на предприятии мне никто не может. Вот и выходит: не знаю, что с двигателем будет. Другие ребята наши с такими же двигателями тоже не знают. Одна у нас надежда — на слесаря. Только они же не фокусники, из воздуха извлекать поршневых колец не умеют.

Трудности с запчастями у нас вообще дело обычное. Но вот сейчас просто невмоготу стало. Достаем, как только можем. Или сами поодиночке выходим из положения, или сообщаем — маршрутами. Так, наш маршрут № 46 заключил договор с одним из заводов — они фактически всех их рабочих с работы и на работу возят. Завод им с запчастями помогает. Пробовали и мы сделать то же самое — не вышло. Нет у нас на маршруте такого предприятия, мы возим всех понемногу...

Но ведь еще не так давно положение было значительно легче. А вот с прошлого года началось.

Такого собрания, где мы бы не критиковали службу главного инженера, я, пожалуй, и не вспомню — того нет, другого не хватает. Они вроде бы и стараются, отчитываться тоже пробуют конкретно — что сделано по этому вопросу, что по тому... А вот с кольцами ответ один: нет, и достать не можем. И не знаем, когда сможем.

Что же, спрашиваем, они сквозь землю провалились, что ли? Кто-то же их выпускает! И тогда директор нам объясняет: так вот и так, товарищи, дело в том, что завод, который эти кольца выпускает, выполнил свой годовой план на... 30 процентов...

Знаете, это было просто как... обухом по голове. На 30 процентов!.. Смотрим мы друг на друга и ничего не понимаем. Что для этого должно было произойти?! Какое ЧП? Пожар, землетрясение... Что? Как это иначе можно разумно и понятно объяснить?

Я вот еще потом долго пытался представить, как они там, рабочие люди, специалисты своего дела, полноправные граждане нашего общества, после этого себя чувствовали? Как они могли такое допустить, ведь знали же, что их продукция и так не хватает! Теперь же просто беда. Неужели им в голову не приходило, как такая работа — не знаю, как ее и назвать можно, — на других отзовется? Какие от нее круги пойдут?!

Что я имею в виду? Только то, что наносится вред производству, попадающему из-за безответственности поставщиков в тяжелейшее положение? Нет, не только. Может быть, еще хуже то, как такая ситуация воздействует на людей — на каждого из нас. Вещи, до этого представлявшиеся невозможными, вдруг оказываются возможными. А

ТОРМОЗ

повторившись раз, другой — и допустимыми. Вещи по сути своей абсолютно недопустимые! Тут и на свои обязанности взгляд меняется. Наверняка на том собрании кое-кто подумал: ну, если люди так работают — и ничего, то что о наших-то недостатках говорить!.. А ведь своих проблем у нас хватает.

С июня прошлого года бригада наша, обслуживающая маршрут № 24, работает подрядным методом. Считаем, что основным нашим производственным показателем должна стать регулярность движения. А вот зарплата нам начисляется от размера привозимой выручки. То есть выходит, что мы за показатель хорошей работы считаем одно, а платят нам за другое. Как это совместить?

У нас в городе по линии проспект Маркса — улица Красный путь — проспект Мира чуть ли не все маршруты проходят. Сами понимаете, ездить не просто, а тут еще у водителей между собой гонки начинаются: как другой маршрут опередить, подскочить к остановке первым и больше пассажиров набрать. А если еще попадутся два шофера азартных, так сцепятся намертво — и пошла борьба. Какой уж тут график, какая регулярность!..

Вот мы и говорим: не за то нам платят. Неправильно. Платят так, что и добросовестные водители и пассажиры только проигрывают в результате. Я об этом с трибуны районной комсомольской конференции говорил. И боремся мы сейчас бригадой за то, чтобы платили нам за регулярность движения. Но боремся безуспешно. У начальника планового отдела В. Р. Соловьевой, у остального нашего руководства взгляд иной: они боятся, что снизится выручка, если водители не будут повязаны с ней напрямую — зарплатой. Хотя как она может уменьшиться — ведь пассажиров меньше не станет?! По-моему, так даже увеличится, потому что на самом-то деле в переполненном, битком набитом автобусе платят зачастую меньше — рассчитываться трудно. И выходит, что пассажиров было столько, что

аж двери выворачивались, а денег в кассе столько, сколько кресел в салоне. Потому что есть и такие, что, пользуясь толкучкой, не платят. А вот в автобусе не перегруженном не заплатить просто психологически труднее.

Но пока переубедить администрацию нам не удастся. И мы думаем: что же, опять как с подрядом будет? Мы тогда предлагали его ввести, а от нас все отмахивались. Пока то же самое не предложили свыше. Вот тогда только о нас и вспомнили. Теперь опять того же ждать? А пока гоняться со спокойной совестью в переполненных автобусах по улицам, бить машины? Но ведь не хочется же так!.. Тут что еще — проигрывают в таких гонках чаще всего наши начинающие, молодые водители. Они же из-за них и в аварии чаще попадают. И потом они же и уходят от нас.

А этот разговор — особый. Потому что это еще, наверное, полбеды, что уходят. Важнее тут, как уходят — с каким настроением, с какими мыслями, с каким взглядом на свое дело. Работать-то предстоит долго, много, и если что-то обрушилось в душе, если ты пережил разочарование в работе, в людях, с которыми делал одно дело, то это не пустяк. Бесследно такое не проходит. И очень многое должно потом произойти, чтобы разрушенное восстановилось.

Расскажу еще об одной конфликтной ситуации.

Был у нас в бригаде экипаж — два брата Яковлевых, Валерий и Сергей. Ездили они на старенькой машине, до-

так сильно, как текущая, как постоянная нехватка кадров, из-за которой у нас хронически переработки. Те самые, из-за которых и не держатся у нас многие водители долго. Круг пока замкнутый.

И вот есть люди, которых эта замкнутость вполне устраивает. Которым она ничуть не мешает, потому что они научились ею пользоваться. Одни с нею борются, работают здорово и вопреки ей, а другие из нее для себя выгоду извлекают. Две противоположные позиции. Непримиримые, несовместимые. И пусть первая порой требует сверхобычной отдачи сил, предельного напряжения в трудные для предприятия минуты — здесь у нас большинство. Недаром бригада наша в прошлом году стала второй в РСФСР, все время выполняют и перевыполняют планы другие бригады, например, Коршунова и Агалакова. Многие можно назвать: Тыркова, Орынбаева, Усенко, Чечуна... Все наши успехи именно от них, от их отношения к делу, от их умения никогда не опускать руки, отдавать работе столько, сколько требуется.

Что же до тех, кто научился извлекать персональные выгоды из общих бед (а как же иначе назвать текущую и переработки и для нас, и для предприятия, и для пассажиров наших), — считаю, что ни к чему хорошему такое умение привести не может, потому что распахиваться за это приходится тяжело — своим достоинством, человеческим и рабочим.

ставшей им после одного «гонщика», возиться им с ней приходилось много, но они ездили, и неплохо ездили. Мечтали, конечно, о новой машине. Наконец, пришло и им время получить новый автобус. Событие это для каждого шофера — праздник, и Валерий с Сергеем уже представляли себя на новой машине на улицах города. А им вдруг объявляют: хотите получить новую машину — переходите на первый маршрут... Ребята из бригады уходить не захотели — сработались, сжились с нею, как родные. Я бы, например, тоже не захотел. Тогда братьям сказали, что новую машину они не получат.

Я, как бригадир, пошел к директору. Как же так можно с ребятами? Он говорит: «Новая машина нужнее на «единице», туда ее и передадут». Я говорю, что и ребят надо понять — все-таки уходить из своей бригады... «Да какая разница — на предприятии же они остаются!..» Значит, есть, говорю, для них, раз они настаивают. Так мы ни о чем и не договорились. Ребята остались в бригаде, на своей старушке. И, конечно, задела их эта история сильно. А тут еще нашли среди диспетчеров шутники:

— Ну, вам теперь, ребята, на своем старье до пенсии кататься. Не видать вам теперь новой машины...

Терпели они, терпели, а потом Валера не выдержал — ушел. Сергей, правда, остался. Вот так потеряли мы хорошего парня, хорошего водителя... Да, я, конечно, могу понять, что на «единице» новая машина была нужнее. Но вот с потерей этой согласиться не могу! Не должно было ее быть, не была она неизбежной! Так легко расстаться с человеком... Ребята потом усмехались, что, мол, с каждым из нас при случае — так. Это, конечно, преувеличивают в запале, но осадок-то остался. Куда его денешь?..

И тут нужно вернуться от потерь нравственных к хозяйственным. Переход этот в данном случае напрашивается сам собой. Ведь ничто не давит нас

Работал у нас Анатолий Нацевич, молодой еще совсем водитель. Не раз разбирали мы его работу на комсомольском бюро. Отношение у него к ней было такое: хочу — еду в рейс, хочу — не еду. «Так ведь люди тебя ждут стоять!» — втолковывают ему. «А... много их...» Сколько пришлось возиться с ним администрации, да еще осторожно так, чтобы не очень обидеть, — народу-то не хватает. Его и гонки вполне устраивали — с их помощью он зарплату себе приличную делал.

Между прочим, одним денег приличных ему уже было мало. Сейчас многие хорошо зарабатывают. Ему еще от работы было нужно, чтобы она нетрудная была и чтобы можно было чем-то для себя попользоваться. Такую он все и присматривал. Не он один, кстати. Появились сейчас ребята, которые к работе именно с таким набором требований подходят. Среди этого «поколения» тех, кто ради денег на самую тяжелую работу согласен, уже не встретишь, — деньгами их не удивишь. Но у нас Нацевич нашел работу, его требованиям не соответствующую. Погонял он у нас, погонял, раз совершил аварию, второй — и перебежал на другое предприятие. Там загнал автобус в Птичьую гавань — есть у нас такое озеро. Хорошо, в тот момент в машине пассажиров не было. В общем, лишили его водительских прав. Итог, думаю, закономерный, он к нему сам шел, хотя, наверное, и не думал, что к нему.

И надо признать, потерять вот такого водителя при всей нашей острой нехватке было вроде бы и не жалко, потому что пришел он к нам чужим, чужим и ушел.

Мне близка мысль, высказанная в прошлом номере «Смены» московским слесарем К. Андреевым в статье «Не хочу так работать»: что бы мы ни делали, в нас есть постоянно совершаемая работа внутренняя, духовная. Наверное, не всегда она отливается в какие-то конкретно сформулированные выводы,

но наше отношение к своему труду—это как раз результат именно такой работы. Это отношение может меняться, оно меняется. Весь вопрос—как? В каком направлении? Считаю, что многое тут зависит от сравнения того, как мы работаем, и того, как мы могли, хотели и должны были бы по идее работать, если бы не... Вот от этого сопоставления.

Да, думаю, и вообще нет на производстве моментов, результатом которых был бы эффект только экономический. Человек на все реагирует, из всего выносит нравственные уроки.

...Самое трудное время работы у нас—лето. Приходится много возить горожан на сельхозработы, и порой на маршрутах остается чуть ли не половина подвижного состава. Согласитесь—суровый экзамен для нашей ритмичности и регулярности. Самое напряженное время для всех, но особенно для молодых. Выдержит, не спасует, не решит для себя, что настоящая полноценная работа все равно невозможна,—будет из него водитель.

А испытания ему предлагаются не из легких. Только сейчас мне хотелось бы сказать не об испытаниях на мастерство и выносливость. Есть и другие.

Каждое утро из ворот многих наших автопарков, обслуживающих городские маршруты, выезжает около 300 автобусов, которые в этот день на маршруте не обнаружишь. Это машины, заказанные различными предприятиями города для собственных нужд. Где-то эти машины действительно нужны, а где-то...

Потом ребята обычно рассказывают, чем они занимались, работая по заказам. Веселыми эти рассказы слишком часто бывают. Веселыми прямо до слез. Ну, вот, например, такой рассказ: о том, как из шести машин, заказанных у нас моторостроительным заводом имени Баранова, у которого, кстати, имеются свои 27 машин—целое автохозяйство!—весь день отработал только один автобус, а остальные пять или простаивали, или разъезжали пустыми. Бывает и еще «смешнее»: кто-то из водителей, выполняя заказ, проспал целый день в кабине, кому-то пришлось везти одного(!) экономиста в управление. Двое других доставили продавщицу на базу за апельсинами и директора на совещание. Разумеется, каждого по отдельности. И все это на наших мощных, вместительных машинах!

После такого то, как использовали «Икарус», способный перевозить сразу по 110 человек, в СМУ-2 треста № 4 может показаться просто образцом рационального хозяйствования: сначала он доставил на стройплощадку ящик болтов, потом водитель сгонял его за 30 парами рукавиц, а потом на нем же доставил 20 малярных кистей... Целых три с половиной часа провел шофер в этих разъездах. Ну, а в путевой лист ему проставили 12.

Только ли этой машиной пользуются в тресте подобным образом? Невольно начинаешь по таким фактам судить о порядках на его стройплощадках. И вот уже, узнав о заказе с этого предприятия, водитель начинает прикидывать, что он сегодня из своих личных дел сможет сделать—времени-то свободного наверняка будет предостаточно. А что попусту загорать? А километраж, время щедрые заказчики ему проставят от всей души—на всю возможную катушку. Не так ли вот учатся прихвывать за чужой счет? Не там ли учатся прихвывать, где хозяйствуют такие вот «щедрые» за государственный счет люди?

Когда экономиста, отправившегося в управление на «персональном» автобусе, спросили, во сколько обходится такая поездка, она невозмутимо ответила: «А мне до этого какое дело?» А кому же тогда дело?! Неужели так человек привыкает пользоваться не своим, что уже и не замечает, что не его? Не видит, как он этим и других к тому же толкает?

Что же должно было с ним, челове-

ком, произойти, чтобы он стал вот таким невозмутимым да безмятежным, когда хоть караул кричи, да не по другим—по себе?! Когда в нем это началось? Родители в детстве научили? Трудно, не хочется в такое верить, хотя и знаю, что может быть. И все-таки, наверное, больше научила работа. Не о работе самой по себе тут речь, о том, как принято работать, вести дело у иных работников. Когда человека словно искушают, провоцируют на дурное. Не могу оправдывать того, кто не устоял, но и о тех, кто подтолкнул, молчать не хочу. Не должно быть такой работы, когда уродуется человек.

Вот, помню, у нас молодого водителя чуть не уволили за то, что он вместо того, чтобы выполнять рейс, отвез на автобусе свою жену с базара домой. Правильно ему тогда досталось, по делу, но я тогда еще подумал: а не ездил ли он накануне как раз по такому «заказу»? Не потому ли иной водитель себе позволяет не выйти сегодня в рейс, что вчера он вообще целый день проспал, а в путевом листе у него повышенный километраж? Чему человек, особенно молодой, за такой «рабочий» день научиться может? Тому, что можно получать, не работав. А он-то думал, что только по труду...

Возник разрыв между представлениями о жизни и ее реальными уроками. Что перетянет?

Работа у нас такая, что равнодушных к ней, наверное, и не сыщешь. Все с нею сталкиваются. Чуть что не так у нас—сразу же напрямую все на людях отзывается. Пока эту связь не почувствуешь, никакой ты не водитель автобуса. А почувствуешь, уже со спокойной душой на пустой машине по городу разъезжать не сможешь. Потому что гоняешь ее зазря не по пустыне, а мимо переполненных автобусов на маршруте, мимо толп нервничающих людей на остановках. И они на тебя смотрят... И ты на них посмотри внимательно. И нажми на тормоз... Нет, я не призываю всех водителей самовольно пересматривать маршруты и графики. Я хочу, чтобы в душе они остановились, потому что не должно быть у нас таких поездок—пустым мимо ждущих тебя людей. Сама такая поездка—дело безнравственное. И если ты это понял и в душе своей притормозил, ты уже не успокоишься—будешь добиваться, чтобы такое вообще стало невозможным.

Потому что люди стоят и ждут. Ждут, когда ты остановишься.

Да, работа у нас такая, что все убытки от нас, когда мы по своей ли, по чужой вине срабатываем плохо, подсчитать несложно—они у всех на виду. Опаздываем, не соблюдаем график—пассажиры наши, люди тоже все рабочие, опаздывают на работу—ущерб предприятию. Там с них дисциплину, добросовестность требуют, а они работу государственного автобуса, у которого все должно олицетворять лишь одно—государственному четкий порядок,—забыть не могут. А нервы в ожидании на остановке, нервы в переполненной машине—это же все и на настроении и на здоровье сказывается.

Но разве у других, у тех же наших поставщиков, последствия плохой работы иные? Да нет, те же самые. Только у них, может, не так явно это видно. Но не так же, чтобы и вообще о них не догадываться!

Вот и получается, что на плохой работе теряет не только сам плохой работник—все.

Порой мы оправдываемся: мешает это, не дает хорошо работать то. Есть недостатки, есть такие, что просто в бешенство иной раз придешь—что творится!.. Но и выбор у каждого из нас есть. Или сломаться, смириться с ними, подстраиваться под них, попирая, уродуя свое достоинство рабочего человека, или работать вопреки им, против них, добиваясь их устранения.

Выбор есть у каждого из нас.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 18 (1256) СЕНТЯБРЬ 1979

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
ДВОРЕЦ МОЛОДЕЖИ:
ЭТАЖИ ТВОРЧЕСТВА



Фото
Сергея ВЕТРОВА

- 1 КОЛЛЕКТИВНЫЙ КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ:
РАБОТА В ТЯГОСТЬ, РАБОТА В РАДОСТЬ.
Владимир КУЛИКОВ, водитель пассажирского автотранспортного предприятия № 2 г. Омска, член Кировского райкома ВЛКСМ. «ТОРМОЗ».
- 2 РАБОЧИЕ—ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА.
Илан ПОЛОЦК. «ВСЛЕД ЗА ЯЧМЕННЫМ ЗЕРНОМ».
- 3 АВТОБИОГРАФИИ. Евдокия САПУНОВА, ткачиха Калининского ордена Ленина хлопчатобумажного комбината, Герой Социалистического Труда. «СВОЯ НОША».
- 6 С НАМИ ГОВОРIT ЛЕНИН.
Валентин ЧИКИН. «ПИСЬМО НАРОДНЫМ КОМИССАРАМ».
- 8 Стихи Владимира САВЕЛЬЕВА.
- 9 Рассказ Эдуарда БАБАЕВА «СТАНЦИЯ «ВОЙНА».
- 12 Беседа секретаря Центрального комитета ЛКСМ Армении Фрика МКРТЧЯНА со специальным корреспондентом «СМЕНИ» Валерием ЕВСЕЕВЫМ.
«ДИЛИЖАНСКИЕ ВСТРЕЧИ».
- 14 Генрих ИГИТЯН, искусствовед, директор музея детского творчества Армении. «ВОЙДИ—И УДИВИСЬ».
- 18 СЕНТЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.
- 20 Андрей ЛЕВИН. «АНАТОМИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ».
- 22 Стихи Ивана КИУРУ.
- 23 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».
- 25 СИЛУЭТЫ. Виктор ПЕТЕЛИН.
«ХУДОЖНИК ВЕСЕННЕЙ ЖИЗНЕРАДОСТНОСТИ».
- 28 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Агата КРИСТИ. «ЧАЕПИТИЕ В ХАНТЕРБЕРИ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САОШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Г. Сорокин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена», 1979 г.

ВСЛЕД ЗА ЯЧМЕННЫМ ЗЕРНОМ

Илан ПОЛОЦК

Перловка должна быть красивой,—серьезно сказал Игорь Кудлай, рушаль Рижского комбината хлебопродуктов. Он сидел, вольно откинувшись на спинку стула. Весь день стояла густая, тяжелая жара; к вечеру она чуть спала, но только не здесь, в ячменнице. Цех был вытянут не по горизонтали, а по вертикали: с первого на пятый этаж и обратно тянулись светлые жестяные и плексигласовые стояки, по которым со свистом летел ячмень, громыхали и подрагивали сепараторы, сита, обойные машины и другие агрегаты, за которыми надзирали Игорь Кудлай и его бригада. На Игоре просторная белая рубашка, от жары расплапанная до пояса; легкая светлая ячменная пыльца не видна на ней, но, когда Игорь, глотнув кофе в дежурке, неторопливо обходит дозором свои владения, она осыпается невесомым облачком.

Вы, конечно, знакомы с Игорем Кудлаем. Естественно, заочно. Ведь нет, наверно, человека, на столе которого никогда не стояла ячневая каша. Или перловка. Через руки бригадира рушальной ячменноцеха крупозавода проходит тот ячмень, из которого получаются ячневые и перловые каши.

Вообще-то Игоря надо называть по имени-отчеству — уважаемый на заводе человек (каждый встречный без запинки подкажет, где найти Игоря Ивановича), бригадир, лауреат премии Ленинского комсомола. Но в свои 25 лет Игорь еще не привык к полному титулованию: он чувствует себя проще и непринужденнее, когда к нему обращаются по имени.

Впрочем, на заводе все его так и называют. Еще участь в техникуме пищевой промышленности, 18-летним парнишкой он пришел сюда на практику, а когда в 1974 году получил распределение, предприятие уже было для него «своим».

Уже через шесть месяцев он получил шестой разряд рушала и стал бригадиром комсомольско-молодежной бригады, а за два последних года бригада Кудлая четыре квартала занимала первое место в соревновании комсомольско-молодежных коллективов и четырехжды — второе.

Неторопливо и словно бы чуть удивляясь: как это можно не знать таких простых вещей? — Игорь рассказывает о ячмене: какой идет на пиво, как сортируется по размерам перловая крупа, как дробится ячка, но внезапно обрывает рассказ.

— Это все теория,—говорит он.—Идемте, я вам покажу, чем мы занимаемся...

И мы пошли вслед за ячменным зерном.

С полей и из элеватора зерно приходит в таком виде, что не раз и не два оно должно просеяться через сепараторы. В бункерах я видел и камни, и куски жести, и проволоку, отсеянную магнитолавалятелями. Эту коллекцию Игорь показал молча, но с легкой укоризной в адрес неведомых сил, засоряющих прекрасное, чистое зерно столь никчемными вещами... Больше десяти раз зерно самотеком льется на нижний этаж огромного здания крупозавода и столько же раз, гонимое тугим потоком сжатого воздуха, взлетает вверх. (Кстати, надо сказать, что предприятие одним из первых в стране применило пневмоподачу зерна, и это новшество блестяще оправдало себя.)

Процесс подготовки зерна непрост. За четыре прохода оно пролетает через обойные машины; согреваясь до теплоты тела — зерно не чувствуешь в руке, — оно шлифуется между наждачными кругами; испытав адскую тряску на сепараторах, оно снова падает на сита, которых ровно пятнадцать штук, и сортируется по размерам: рушальные машины «рушат» зерно, превращая его в ячневую крупу трех различных размеров — более сорока агрегатов внимательно и заботливо перекидывают зернышко друг другу, и все это без малейшего вмешательства человеческих рук, пока, наконец, в плотный мешок, охватывающий горловину бункера, беззвучно и тяжело не падает точно отмеренная порция ячневой крупы или перловки.

Таков очень скупо и схематично описанный путь зерна. Главным крупяником предприятия, один из ведущих в стране специалистов, Леон Янович Папе, конечно, сокращенно покажет головой и, конечно, укажет на одну фразу, которая нуждается в уточнении, и существенном.

— Это не совсем точно,—скажет он,—«без вмешательства человеческих рук...»

Строго говоря, к зерну на всем его пути действительно не должны прикасаться человеческие руки; на заводе строжайшим образом следят и за промышленной санитарией и за стерильностью производственного процесса — каждые два часа лаборатория берет анализы.

Но не случайно план, который дает комсомольско-молодежная бригада, стабильно держится между цифрами 102—112 процентов. Весь путь зерна бдительно контролируют члены бригады Игоря Кудлая; любая неполадка, любой сбой устраняются в ту же минуту...

Мы стояли между огромных «комодов», сложенных из деревянных сит, просеивающих зерно, которые с грохотом лихорадочно прыгали на своих основаниях, когда сквозь ровный гул цеха прорезалась чей-то крик и по лестнице затопали шаги.

— Игорь! — вбежала в цех Галя Крейсман, рассеянная.— Давай вниз! Там... прямо обстрел идет!

Игорь буквально скатился по лестнице.

Прозрачный плексигласовый стояк гудел и подрагивал под напором летящего зерна.

Еще издали Игорь оценил обстановку и движением руки показал, с какой стороны безопаснее всего подходить. Я не послушался и тотчас же получил хлесткий точечный удар в лоб. Легкие, невесомые зернышки, которые рассыпаются на зубах горькой пылью, гонимые по трубам сжатым воздухом, превращаются в тугие дробинки и с такой силой лупят в твердые стенки трубопроводов, что те порой не выдерживают, и зернышки вырывают в стенках рваные отверстия, откуда вылетают с силой пули, пушенной из пневматической винтовки.

Игорь поднес к отверстию руку — на кончике пальцев задела рубиновая капля крови — и куда-то исчез. Появился он через несколько секунд с тугим коротким рулоном плексигласа. Общими усилиями мы надели его на стояк: рулон, шепнув, сошелся на противоположной, «здоровой» стенке, и Игорь, отворачивая лицо от ячменных «пуль», все еще летящих сквозь какие-то невидимые щели, натуго заматал два проволочных кольца и придирчиво оценил дело рук своих.

Мы спустились в дежурку, и я попросил Игоря расшифровать составные части формулы, в соответствии с которой ему было присуждено звание лауреата премии Ленинского комсомола: в Постановлении Бюро ЦК ВЛКСМ о присуждении премий Ленинского комсомола в области производства за 1978 год было сказано, что Игорь Иванович Кудлай в числе других молодых рабочих отрасли этой премии удостоивается «за высокие достижения в труде, инициативу в социалистическом соревновании, изыскание и использование резервов повышения эффективности и качества производства».

— Когда я пришел на завод,— неторопливо подбирая слова, стал рассказывать Игорь,— о достижениях не могло быть и речи. Шла доводка и наладка недавно пущенного предприятия, приходилось работать и по две и по три смены: все настраивать, налаживать, переделывать. Моим наставником, которыми я считаю Леона Яновича Папе и начальника цеха Станислава Болеславовича Цакулиса, пришлось немало со мной повозиться. Еле-еле вытягивали план. А теперь... вы же видели цифру. У нашей бригады даже один день остается на профилактику. Слова «высокие достижения», согласитесь, можно понимать по-разному. Я понимаю их так: мы работаем стабильно, с перевыполнением плана, у нас нет штурмовщины. И еще, несмотря на то, что на заводе трехсменная работа, у нас практически нет текучки, сложился дружный коллектив.

— Это и обеспечивает успех в соревновании?

— О, тут у нас такая борьба идет! — засмеялся Игорь.— Начальство порой и не знает, кому отдавать предпочтение! Но если в позапрошлом году мы только один квартал занимали первое место, то в прошлом — уже три квартала. По каким показателям оценивается место? Во-первых, качество...

— У бригады Кудлая оно только хорошее,— подхватывает нить разговора Станислав Болеславович.— Даже очень хорошее. Строго говоря, его можно было бы назвать отличным, но... Это зависит от качества сырья. Далее — план. Ну, об этом вы уже знаете: постоянная стабильность перевыполнения. Высокий уровень промышленной санитарии: на полу, образно говоря, хоть обедать можно... Вот Игорь недавно внес рационализаторское предложение, которое позволило улучшить качество продукции. Что еще? Ах, да, нарушения дисциплины... Таковых не имеется.

О своем участии в общественной жизни предприятия Игорь скромно умолчал, и потом уже я узнал, что он является заместителем председателя совета мастеров, принимает регулярное участие в Днях мастера, а на конкурсах мастеров (нечто вроде внутривозовского производственного КВН) команда, возглавляемая Игорем Кудлаем, всегда дает четкие и глубоко продуманные ответы. Стоит еще упомянуть, что он был и ответственным редактором выпусков «Комсомольского прожектора» и наставником в подшефном классе.

В бригаде четыре специальности — сепараторщик, обойщик, рассеиватель и рушаль. Так вот, каждый из членов бригады владеет двумя-тремя специальностями. А Лида Козлова, рушаль 6-го разряда, может заменить любого выбывшего члена бригады. Понимая, что технике не прикажешь

работать быстрее, чем это ей положено по инструкции, Игорь Кудлай все внимание обратил на то, чтобы его бригада действовала с точностью и безотказностью хорошо выверенного механизма. Могут заболеть два члена бригады из шести — перебоев в ритме не будет. Сокращены внутрисменные простои: бригада и сама ухаживает за оборудованием и помогает делать капитальный ремонт своих машин.

— Я слышал, Игорь, что на предприятии работает целая династия Кудлаев.

— Ну, не совсем династия,— улыбнулся Игорь.— Вот, кстати, познакомьтесь: рассеиватель нашей бригады Нина Сергеевна Филиппова... Это моя мать. Галя — сестра...

— Таковую семейственность мы только приветствуем,— засмеялся Цакулис, а я осторожно осведомился, не мешают ли внутрисемейные отношения авторитету бригадира, на что Игорь искренне удивился: «Зачем же мешать? Мы ведь дело делаем...»

В одно из моих первых посещений комбината, когда я только познакомился с Игорем, меня провожал до ворот предприятия Станислав Болеславович Цакулис. Игорь побегал в детский сад за сыном Дениской.

Шел легкий теплый дождик, мы прыгали меж луж, и я слушал, как Цакулис, знающий Игоря с первых шагов на предприятии, рассказывает то, что сам Игорь скорее всего не знает о себе.

— Лауреат — о, это очень высокое звание. Но не надо думать, что он обязательно должен быть такой... большой и высокий.— И Цакулис, вскинув руки, изобразил лавровый венок на голове «большого и высокого» лауреата.— Он должен быть одним из нас. Самым лучшим. Но таким, чтобы до него могли дотянуться все остальные. В нашей отрасли Игорь именно такой. Он отлично работает. Говорить об этом приятно. Он не загордится, не задерет нос. Он все правильно понял. Звание лауреата — это только аванс. Его еще надо отрабатывать. И он это делает.

...Закончив очередной обход всех пяти этажей — все нормально, сбоев нет,— Игорь распахнул узкую железную дверь в дальнем конце цеха, и мы неожиданно очутились на небольшом железном балкончике, повисшем над огромным двором. Просторная чистая площадь была пуста и недвижна; от нее волнами шло легкое тепло.

Игорь стал рассказывать, как в будущем расширится предприятие, где поднимутся новые цехи, стояки элеваторов и хлебопекарня и откуда вереницей потянутся колхозные машины, в кузовах которых из горловин бункеров потекут струи комбикормов; прищурившись, он по-хозяйски расставлял по местам еще только проектирующиеся коробки цехов, и я думал, что Станислав Болеславович действительно хорошо знает своего недавнего воспитанника.

— Я помню, сколько хлопот доставлял он нам в свое время. Он многого не понимал. А потом понял самое главное — это его работа, он для нее создан. А она — для него. Он работает красиво и... вкусно — можно так сказать? Он чувствует зерно. Пальцами, всем организмом, каким-то шестым чувством. Мы рады этому. Наша работа — одна из самых древних на земле. И она стоит на таких, как Игорь...



Евдокия САПУНОВА, ткачиха Калининского ордена Ленина хлопчатобумажного комбината, Герой Социалистического Труда

СВОЯ НОША

Фото Альберта ЛЕХМУСА

Большее всего не люблю, когда напоминают мне о возрасте...

Я—ткачиха. Пятьдесят третий год у станков. Но усталости, груза лет не чувствую. Однажды меня попросили: «Поделитесь секретом вашей молодости; вы, наверное, каким-либо спортом занимаетесь?» Да нет, говорю, куда уж. Мне и на работе спорта хватает—набегаешься за день вокруг станков! Их ведь у меня 34 вместо 26 по норме.

Нет, во время работы о годах думать некогда. Домашняя дума, как говорят, в дорогу не годится. А работа—тоже как дорога, только по жизни. Поэтому, когда вошел в цех, забудь обо всем, кроме дела. О неприятностях забудь, о болезнях, о невеселых мыслях. И это, я уверена, не одних ткачей касается.

Но иногда, бывает, человек—из лучших побуждений, конечно,—посочувствует, пожалеет вроде: «Пора бы вам, Евдокия Борисовна, и отдохнуть, пусть теперь молодые порабатуют». Вот тут и сожмется больно что-то в груди. И подумаю: ну, как объяснить, почему не могу я уйти на покой, почему дорог мне этот цех и все мое шумное ткацкое хозяйство, без которого дня себе не представляю? Какие слова найти?

Мама моя, Аграфена Васильевна, стала ткачихой в восемь лет. Чтобы дотянуться до станка, специальную скамеечку подставляла. Как-то проходила по фабрике владелица «Тверской мануфактуры» Варвара Морозова, статная, красивая женщина, вся в драгоценностях, в дорогих перстнях, подошла к девочке, погладила по голове и еще конфету подарила. Маленькая Феня решила тогда, что любит ее щедрая

хозяйка, и лишь много позже поняла причину этой «любви»: крупно наживалась Морозова на труде детей—платили им жалкие гроши за полный, как и у взрослых, рабочий день. Фабрика отняла у мамы здоровье...

Ничего удивительного в том, что она и мой отец не хотели для дочери такой же судьбы.

— Да и какая из тебя ткачиха,—говорил он мне, семилетней.—Смотри, совсем маленькая и худенькая.

Отец тоже был ткачом. Хорошим ткачом. Но когда станком ему оторвало руку, хозяйка выбросила его на улицу. Кому нужен безрукий работник? Никакой денежной компенсации он не получил, и жаловаться было некому. Позже, «смиловившись», хозяйка согласилась принять его сторожем.

Нас было шестеро детей в семье, и жили мы в казарме, построенной для рабочих.

Денег в семье не бывало. По «харчевой книжке» мать брала в лавке хлеб, кашу, картошку. В день полочки лавочник подсчитывал стоимость продуктов, и вечно мы оказывались в долгу... Одевались во что придется: плели лапти из веревок, платья шили из лоскутов.

Улица Советская называлась тогда Миллионной, и жили на ней одни богачи. Мы иногда видели их детей: холеных, разряженных, в бантах и с роскошными куклами. Как разительно отличалось все это от полунищенского казарменного быта! Я отлично помню, как дети рабочих мастерили свои игрушки из... картошки. Воткнут в картофелину четыре спички, глаза подрисуют—вот и готова кукла...

Часто я прислушивалась к разговорам взрослых (да и как не прислушаться, если жили в восьмером в одной тесной комнатенке!). Разговоры были все больше невеселые: о том, что опять задолжали лавочнику, что мастер вконец донял штрафами, что работают как каторжники. Отец мрачнел, а мать нередко плакала.

Не знаю, чем это объяснить, но уже тогда, несмотря на слова отца, я твердо решила, что буду ткачихой. Кто-то, может быть, усмехнется: что там в состоянии решать семилетний ребенок? Кто-то не поверит, будто можно было найти хоть что-то привлекательное в условиях работы и жизни ткачей. И действительно, то, что я видела—непосильный труд, бесправие, нищета, голод,—плохая «профориентация». Но что я могу ответить? Только то, что я—ткачиха и ни разу в жизни об этом не пожалела. Правда, судьба моя сложилась совсем иначе, чем мамина.

Однажды отец пришел домой радостно возбужденный и чуть не с порога сообщил:

— Скоро, большевики говорят, не будет богатых и бедных, а будет все поровну! Если так—пускай и наша Дуся ткачихой станет.

Кто такие большевики, я, конечно, не понимала. Но зато понимал это мой старший брат Иван. И потому в числе первых шел на забастовки; на демонстрациях с красным флагом и песней тоже в первых рядах ходил. Во время такой демонстрации его и схватили жандармы, велели вести к нам домой. А дома приказали собрать вещи и в двадцать четыре часа убраться всем вон из казармы.

Собирать-то было почти нечего, в полчаса уложились. Завязали узелки, вышли на улицу. Дождь льет, а идти совершенно некуда. Спасибо, одна фабричная женщина сжалась, приютила в своем и без того тесном домишке. Пожили у нее, потом соорудили себе что-то вроде землянки. В ней и жили до Октября. А вскоре отца большевики вызвали в Совет, разузнали, где и как он живет, и дали комнату—первое счастливое событие в нашей жизни!

Иногда, по торжественным дням, мне приходится надевать костюм со всеми наградами. Приходится выступать перед самой разнообразной аудиторией с рассказами о себе, о фабрике, о работе. Кто-то, возможно, подумает: «Хорошо Сапуновой говорить—вон наград сколько. И живет, наверное, неплохо». Насчет живет—как и всем, разве что чуточку потруднее: раз я на виду, то никакой побрякки люди мне не простят. На работу выхожу, как и все: в любую из трех смен—по графику. Ну, а насчет наград... Не помню уж кто, но, видно, умный человек был—он сказал примерно так: если художник, прежде чем начать создавать произведение, думает о будущих почестях и благах, ничего хорошего из его работы не выйдет. Точно так же и у нас: только отдача всей души труду определяет место человека в жизни.

Вот поучительная история... Была у нас на комбинате работница, хорошая ткачиха. Но в какой-то момент, видимо, не хватило характера, и ушла она от нас—ис-

катель, где полегче да получше живется. Приглянулось ей место, где, как казалось, можно быстрее получить разные материальные блага. Однако наивное это представление о жизни—будто счастье, удача где-то в стороне бродят, и за ними бегать надо. В себе их ищи! Короче, вернулась ткачиха на комбинат. Снова работает на своем месте, и неплохо работает, но... отношение к ней изменилось, недоверчивым стало, усомнились, что ли, люди в ее надежности. Комбинат от ее временного отсутствия не пострадал, но судьба человеческая? Я очень хочу, чтобы сложилось у ткачихи все, как надо, чтобы пришел к ней настоящий, большой успех. Но если придет он поздно—кто ж его сам отдалил?

Впрочем, отвлеклась я немного... В конце двадцатых годов обычным делом было прийти на фабрику... с биржи труда. Даже не то чтобы обычным делом,—огромной удачей! В то время была безработица. Тысячи людей стояли в очереди на бирже. Стояла и я, ежедневно ходила отмечаться, потому что, если хоть раз не явись на биржу,—вылетишь из очереди. Мне, считалось, очень повезло: не прошло и трех месяцев, как в один прекрасный день я увидела себя в списке принятых на фабрику «Пролетарка»—так до войны именовался наш комбинат. Домой летела, не помня себя от счастья. Мне удалось «обогнать» многих в очереди, потому что я была еще подростком, и таких, как я, брали на черновую, подсобную работу.

Знакомство с фабрикой началось с подвала, где я всякое старое тряпье разбирала: пряжу, еще годную в дело, обрывки материи. Не знаю, долго ли пришлось заниматься этим, если бы не наш комсомольский секретарь Саша Кондратьев. Он считал, что комсомолок надо «вытащить» из подвала и научить настоящей работе. Каким-то образом он сумел найти несколько свободных станков и для меня. Однако, заботясь о нас, Саша рассчитывал и на нашу активность...

Надо представить себе тогдашнюю обстановку на фабрике. Да, назывались мы гордо, революционно—«Пролетарка»! Но далеко не все еще соответствовало этому названию. Нельзя забывать, что с октября семнадцатого минуло лишь десять лет—а это мгновение в истории. Из книг нынешняя молодежь знает, как трудно проходила коллективизация—ломка всей системы сельского хозяйства. Перемены в промышленности не сопровождались такой острой борьбой—ведь у нас не было кулаков и середняков, но нам приходилось менять психологию людей, привыкших всю жизнь гнуть спину на хозяина и не вполне еще осознавших, что отныне работают для самих себя.

В коридоре фабрики висела икона; по церковным праздникам зажигали лампаду. Комсомольцев-безбожников пожилые ткачихи не любили, а помощник мастера прямо говорил: всяких болтунов мне не надо. Можно представить его «радость», когда меня привели к нему...

За станок встала, глотая слезы и вспоминая мамы рассказы о работе. Когда у меня станок первый раз остановился, я даже не знала, что сказать, как объяснить причину поломки. Старые ткачихи «научили», я доверчиво передала их слова помощнику мастера—и долго еще слышала, как он хохотал и издевался надо мной. Его отнюдь не безобидные насмешки продолжались до тех пор, пока я не выполнила норму на 118 процентов.

Между тем положение складывалось такое, что в нашем исконно текстильном крае не было... ткани; магазинные полки пустовали. Достаточно сказать, что материю выдавали по ордерам—10 метров в год на семью. Почему же так получалось? Молодежи, на ее свежий взгляд, разобраться было не так уж трудно.

...В коридоре куб с кипятком стоит. У каждой ткачихи под станком—здоровенный чайник. Что ни час—перерыв, начинается чаепитие. Чаю напьется—пройдет по фабрике, всех родных навестит. Время идет, станки стоят. Вольготная жизнь многих устраивала, но нельзя было больше так работать. Саша Кондратьев рассчитывал на нашу помощь именно в том, что мы, комсомолки, встряхнем застоявшийся уклад фабричной жизни. Однако сделать это было непросто. Когда мы стали показывать высокую выработку, открыто критиковать на собраниях любителей почаявничать, доказывать, что можно обслуживать не по 8, а по 16 станков—тут-то наши «старушки» и забеспокоились.

В том, что старое не уходит без боя, мы убедились сразу же. Кто-то обрезал основу на станках комсомольцев и пускал слухи, что они сами это сделали; кто-то мелом на асфальтовом полу у станков писал угрозы в наш адрес; кто-то в шихтовальном отделе

бросил болт в машину. Однажды мы с подругами Катей Гребневой и Ксенией Абрамовой обнаружили подброшенную записку: «Не переходи на много станков, глаза сожжем кислотой». Мне тогда мама сказала: «Ты вечерами ходи поосторожней, поглядывай». Но нас нельзя уже было остановить. Саша Кондратьев добивался, чтобы комсомолок в цехе становилось больше, и все чаще я видела среди станков мелькающие красные косынки—мы носили их как дополнение к комсомольскому билету. И с помощником мастера больше не конфликтовали—им стал комсомолец Вася Сапунов, мой будущий муж.

Да, многих тогда молодежь вывела из полусонного состояния, а самое главное—подготовила добрую почву семенам, которые были брошены в апреле 1929 года.

7 апреля был выходной день. Я встала пораньше, повязала любимую красную косынку, вышла на улицу. Прохладно было еще, но солнечно. Вижу; и моя «Пролетарка» просыпается, на площади рабочие трибуну красной материей обтягивают, из клуба музыканты с трубами идут. А людей все больше и больше. Пошла и я в общем потоке. От фабрики мы в половине первого отправились на центральную площадь города, где уже тогда стоял памятник Ленину. Несли плакаты: «Да здравствует «Трехгорка!»», «Вызов принимаем!» Фабзавучники тоже с транспарантом: «В школе ФЗО не будет брака, простоев и прогулов». Весь город на площадь пришел с песнями. После митинга двинулись к Большому Пролетарскому театру. Места там всем желающим не хватало, но мне повезло, протиснулась в уголок и все видела...

Видела я, как там, на сцене, наша прядильщица Мария Таврунова подписывала легендарный «Договор тысяч». Много лет прошло, но разве забудешь такое! А началось-то все с того, что мы вызвали на соревнование ивановцев, нас вызвала московская «Трехгорка», и решили затем текстильщики трех губерний—Тверской, Московской, Иваново-Вознесенской—соревноваться вместе.

Вышли мы из театра, а расхотелось не хочется. Возникли стихийные митинги; почему-то запомнилось, как пробрался на трибуну рабочий механического отдела и потребовал слова от имени... прогульщиков. Кругом—хохот. Однако это его не смутило, и он от имени прогульщиков пообещал, что за пятилетку ни разу не прогуляют. Посмеялись, похлопали. После газеты писали, что «Договор тысяч» даже прогульщиков усомнил. И это чистая правда.

Так вот, «Договор» надо было выполнять, и мы с подругами стали брать по 16, а то и по 20 станков. Впрочем, не скажу, что после заключения договора все сразу поголовно стали энтузиастами-многостаночниками. Были и такие, кто жалел о прежней спокойной жизни, косо поглядывал на молодежь. Но их с каждым днем становилось все меньше.

Оплата труда до двадцать девятого года была какая-то странная: не учитывалось количество метров ткани (сейчас это звучит невероятно), поэтому не было заинтересованности работать лучше. После «Договора тысяч» учет и оплату упорядочили. Если кто-то опасался, что из-за этого снизятся заработки, то он ошибся: заработки снизились только у лентяев—тем самым они показали свою настоящую цену. Многостаночницы же стали зарабатывать намного больше.

В ткацком повесили доску показателей, можно было каждый день смотреть, кто как работает. А если кто-нибудь хотел соревноваться, мог на листке бумаги написать вызов любой работнице. Тогда у нас появлялись первые отечественные станки, но больше было старых, марки «Рюти». Я работала и на тех и на других. Подруги Катя Семенова и Катя Гребнева смело взяли по 24 станка, когда у меня было еще 16. Ну, неудобно мне было отставать, решила и я на 24. И не отставала, хотя не заканчивала училище, а обучалась профессии прямо в цехе.

Многие втягивались в соревнование. Даже наши «старушки» начали писать заявления с просьбой доавить им станков.

Тем временем произошло известие из Вичуги, что Маруся и Дуся Виноградовы взяли по 100 станков! Наше самолюбие это задело—мы-то чем хуже? Перешли на новое уплотнение. У нас в большинстве были старые станки, неудобные—в этом смысле мы отставали от ивановцев. Я помню, как приехали из Москвы двое товарищей, весь день они провели на моем участке, что-то записывали, замеряли время. А в конце смены сказали мне: «Красиво вы работаете—как танцуете. Но это оборудование у вас пять лет жизни отнимет». Я тогда не очень испугалась.

знала: питерские рабочие уже готовят нам новые высокопроизводительные станки.

Становилось известным слово «многостаночница». Многих уже знали в лицо; и нередко бывало, что даже мальчишки, встретив меня на улице, кричали: «Смотрите, многостаночница идет!» А мне это название нравилось, больше даже собственного имени, честное слово.

Тогда же появились первые сквозные бригады. Я, например, знала, что пряжу мне поставляет только прядильщица Шевалева. Вот однажды я работаю и чувствую: что-то не то. Никак не управляюсь, совсем с пряжей замучилась. Пошла в прядильный. Оказалось, Шевалева нет, ее подменяет другая работница, не из нашей сквозной бригады... Если сегодня кто-то недоверчиво относится к сквозным бригадам или считает их пустой формальностью,—он очень ошибается, я это хорошо знаю по собственному опыту.

А магазин на «Пролетарке» мы завалили тканями! Никаких тебе ордеров—приходи и покупай. Тем более стало на что покупать.

...Ровно через 39 лет, 7 апреля 1968 года, на нашей фабрике подписывали новый «Договор тысяч». Это комсомолки трех областей, по предложению бригады Юрия Байдукова, заключали комсомольский договор под девизом «Больше продукции отличного качества от каждого молодого рабочего!». День был такой же солнечный, как и в том далеком двадцать девятом году. Я в президиуме стояла, на той же площади. Мы, старшие, подписывали обращение комсомольцев всех поколений в поддержку нового «Договора тысяч». Под первым договором мне не довелось подписаться; горжусь, что под комсомольским договором моя подпись стоит первой.

На воротах фабрики висел замок, и это было страшно. Казалось невероятным, что мы не сможем сейчас пройти знакомой аллеей к цеху, запустить свои станки. Но мы должны были покинуть и фабрику и свой родной город. Заставляла война. Муж с первых дней ушел добровольцем в ополчение; я же во время оккупации Калинин с сыном и маленькой дочкой перебивалась кое-как по деревням.

После того, как фашистов выгнали из города, мы, ткачихи, пришли на пепелище. Все разбито и сожжено. Мы стояли и рыдали, как над покойником, а мозг сверлила одна мысль: «Разве можно все это восстановить?!» Тут подошел начальник ткацкого Анатолий Парамонович Синев и повел нас в сторону родного цеха.

...Фабрика горела две недели, но пока огонь добрался до ткацкого, то малость поутих, и от цеха кое-что осталось. Мы немного воспрянули духом и решили домой не ходить, а тут же начать ремонт. Выбитые окна и двери закрыли листами горелого железа. По шурупчику собрали несколько станков, вычистили их. Не было ни водопровода, ни отопления—котельную фашисты взорвали. Работали в ватниках, кожа примерзала к металлу. Но уже через три месяца пустили цех.

Поднималась в то же время фабрика. Когда после освобождения города вернулись прядильщицы, то увидели, что при пожаре многие детали машин сплывались и пришли в негодность. Неожиданно обнаружили, что на оконных проемах четвертого этажа лежат не тронутые огнем нитеразделители, кольцевые гланки, крепежный материал. Но как их достать? Соорудить леса? Нет ни досок, ни гвоздей. По водосточной трубе полезли вверх Надя Федякина, Нюра Соколова, Клава Лаврова, Нюра Зайцева. Детали они спускали на веревках. Прядильные машины были собраны.

...Станки пустили—как музыка заиграла. Только теперь делали мы не пестрый ситчик, а то, что нужно фронту,—марлю для госпиталей, ткань для солдатской одежды. Работать мы решили по 12 часов в сутки, а после смены шли в госпиталь, который размещался в школе. Убирали палаты, мыли полы. На сон оставалось часа два-три.

Голодной и холодной зимы не пережила моя дочка. А вскоре еще несчастье: по глазам почтальона я догадалась, что за письмо у нее в руках. Похоронка на мужа... Почти в то же время погиб и брат Иван. Спасала работа; горе заглянуло уже почти в каждый дом. Обстановка же на фабрике напоминала фронтную. Часто бомбили. Как-то авиабомба упала у входа в цех. Пovyлетали железные листы, которыми мы забивали окна и двери. Двое суток мы не уходили с фабрики, пока все не восстановили.

Письма с фронта мне уже не приходили... Представьте же мое удивление, когда получила я солдатский треугольник с письмом от неизвестного мне солдата Матвея Смирнова. «Прочитал в газете о вас,

Евдокия Борисовна,—писал солдат,—что вы за месяц выработали ткани на одежду для 2460 бойцов, и стало на душе очень радостно. Крепитесь, победа будет за нами!»

О текстильщицах Калинина газеты тогда часто писали, поэтому и начали приходить письма с фронта. Письма разные. Один боец сообщал, что холодно им зимой без шерстяных носков и варежек, просил прислать, сколько можно, им в часть. Не учел он, наверное, что у нас хлопчатобумажное производство, а шерсти нет ни грамма. После этого письма мы два дня не разговаривали, переживая свое бессилие. Но потом собрались и начали искать выход из положения. Достать бы шерсть, а варежки и на руках связать можно! Но где же шерсть раздобыть? Многие сняли и распустили платки, кофточки, но этого было мало. И вот в воскресенье, в пять часов утра, мы, ткачихи, собрались у фабрики, взяли санки и пошли по деревням—просить шерсть.

В первой деревне не повезло. Во второй, когда мы показали председателю колхоза письмо бойца, он пригласил нас в избу, картошки с чаем дал, попросил подождать, а сам куда-то надолго ушел. Вернулся с мешком шерсти. Как оказалось—остриг собственную собаку и односельчан на то же уговорил... Таким же способом собрали нам шерсть и в других деревнях. На фабрику мы вернулись к вечеру, как раз к началу смены. Шерсть раздали вязальщицам. Дня через два мы сшили из суровья мешочки, сложили в них по паре варежек и носков и отправили на фронт.

Какие же бывают неожиданности в жизни! Нина Осипова положила в варежку записку с приветом незнакомому бойцу. Вскоре пришел ответ, завязалась переписка. Солдат дошел до Берлина; после войны приехал в Калинин, нашел Нину на фабрике. Такой brave солдат, вся грудь в орденах и медалях. В общем, увез он нашу Нину. После она писала, что счастлива, что двое хороших ребятшек растут у них, вспоминала фабрику. Вот ведь как бывает...

А самыми первыми после Победы были у нас летчики. Мы вспомнили, как военной зимой, когда мы еще ничего не знали о судьбе Москвы, четверо летчиков пришли к нам на фабрику, все смертельно усталые, и попросили девчат помочь расчистить аэродром: был сильный снегопад, завалило поле и самолеты. Мы попробовали чистить снег лопатами—ничего не получается: лопаты валяются из рук. Пошли в землянку к летчикам, чтобы сказать об этом, а они уже спят, сидя за столом, видно, намаялись побольше нашего. Стало нам совестно, вернулись к самолетам и уже не лопатами, а руками откопали машины. При нас заправили самолеты, и летчики улетели—на Москву. Обещали обязательно приехать к нам после Победы. И сдержали слово, приехали. Только не четверо, а двое...

А к нам привезли новые станки и начали отстраивать предприятие заново, по-настоящему. Считается, сейчас комбинату 120 лет. Но практически не осталось старинных построек, все цеха возведены уже после войны. Так что комбинат наш и стар и молод...

У меня недавно была ученица, Лида Тихомирова. Милая, простая девушка, выпускница нашего профтехучилища. На комбинате быстро пошла в гору: не раз побеждала в соревнованиях, была делегатом XVIII съезда комсомола. Смелая к тому же девушка—заявлялась парашютным спортом, прыгает с самолета. Вот бы никогда не решилась! Сейчас Лиде 24 года. На последних выборах стала она депутатом Верховного Совета СССР. Пришла ко мне, немного налуганная, за советом: я ведь тоже была депутатом Верховного Совета; многие годы—депутат горсовета. Ну, стала я вспоминать, с чего начинала...

Для меня было полнейшей неожиданностью, когда на митинге в 1958 году меня выдвинули кандидатом в депутаты. Да, я была тогда неплохой ткачихой, но представить себя членом правительства—этого я не могла и была почти в ужасе.

Начались предвыборные собрания. Говорить я не умела, сбивалась, смущалась. Перед самой первой встречей с избирателями в библиотеке имени Горького выпила такое количество валерьянки, что организаторы встречи внимательно приглядывались ко мне и подозрительно потягивали носами... Последняя встреча состоялась в роддоме. Главврач ввел меня в палату и представил молодым мамашам. И вдруг со всех сторон послышалось: «Евдокия Борисовна, да ведь мы вас все хорошо знаем!» Приглядываясь, а мамаша-то—все мои бывшие ученицы... Но даже в день выборов я не вполне была уверена, что меня выберут. Когда узнала—совсем разволновалась... Вот так и началась моя депутатская деятельность.

И неизвестно еще, что легче—отстоять смену у станков или провести один прием населения. На прием записывалось человек до пятидесяти, а то и до ста. Люди обращались с самыми разными просьбами, рассчитывая, что я, простая ткачиха, помогу им.

Получаю однажды отчаянное письмо из Бежецка. Дети женщины, обвиняемой в преступлении, пишут, что их мать не может быть ни в чем виновата. Завтра—суд. Я бегом к прокурору... Наверное, и без моего вмешательства ошибка обнаружилась бы; но после того случая очень много посетителей стало приезжать именно из Бежецка. Видно, та женщина чересчур расписала землякам мое участие в ее судьбе.

Ясно, что человек, всем обеспеченный, на прием к депутату не шел; каждая встреча становилась встречей с людскими бедами, тревогами. Одной из острейших была жилищная проблема. Если сейчас депутата просят помочь получить отдельную квартиру, то двадцать лет назад обстановка была много сложнее.

Депутатский прием не ограничивался рамками отведенных часов. Посудите, как скажешь «приходите завтра» безногому инвалиду войны, обившему пороги многих учреждений и пришедшему с надеждой к своему депутату? Через три часа—начало ночной смены, но мы с секретарем Лидой решаем, что надо успеть зайти к инвалиду, посмотреть, как он живет. Разыскиваем в темноте старый деревянный дом, поднимаемся по лестнице, которая вот-вот развалится. Да, тут и здоровому-то ходить опасно; и с утра я начинаю «выбивать» фронтовику комнату... В основном мне приходилось заниматься делами, связанными с жильем и работой, детскими садами и яслями, но эти с виду обычные житейские дела нередко были очень обострены и становились, без преувеличения, вопросами жизни, здоровья.

Молодому депутату Лиде Тихомировой уже не придется видеть столько человеческого горя, сколько приходилось видеть мне.

За годы работы у меня было больше трехсот учениц. Первая пришла в двадцать девятом году—Людмила Георгиевна Коптяева. В этом году мы провожаем ее на пенсию. Последняя—Лида Тихомирова, у нее вся дорога еще впереди.

Наставничеству меня никто не обучал, и отношения свои с молодыми я старалась строить так, как подсказывало сердце. Ремеслу обучить—это в принципе не так и сложно. В любой профессии есть проверенные приемы, и овладеть ими может каждый. Скажем, если основа натянута туго—отверни ручку; ниточка на полотне обрезана—проверь челнок. Старалась добиться, чтобы девочки мои были внимательны, проще говоря—не глазами по сторонам во время работы. Когда я иду вдоль действующих станков, не замечу и рядом стоящего директора комбината, бывало и такое.

Из трехсот учениц неудачных мне не попадалось. Хотя у каждой, конечно, был свой характер, свои слабые и сильные стороны. Самым трудным было найти верный подход, добиться взаимопонимания, завоевать доверие. Когда у ученика ничего не получается, причины надо искать не в технической, а если можно так выразиться, в человеческой стороне дела. Есть много пособий, рекомендаций для наставников. Но ничто не заменит главного—чувства ответственности за судьбу подшефного, а не только за усвоение им каких-либо профессиональных приемов. Быть наставником—трудная ноша. Надо научиться во многом себе отказывать: например, пойти в молодежное общежитие, когда хочется в кино; суметь развеселить девушку, когда у самой на душе кошки скребут. Особенно это необходимо, если родители живут далеко, в другом городе.

Я сказала—не было неудачных учениц. Это не значит, что не было трудных, заставлявших изрядно поволноваться за них.

Помню, пропала Люся С. Не вышла на работу в ночную смену. Конечно, бывают всякие обстоятельства, но здесь я почему-то встревожилась, стала расспрашивать девушек—соседок Люси по общежитию. Девочки рассказали: сшила Люся белое платье и сегодня с первой электричкой отправляется в Москву, а там ее будет встречать жених. Какой такой жених? Да вот был проездом один москвич, познакомился с Люсей, звал к себе—жениться, мол, хочет.

Еле дождалась конца смены—и бегом на вокзал. Села в электричку и еду. К кому, зачем, что я смогу сделать? Этого даже не представляла.

В Москве вышла на перрон и вижу вдруг—из соседнего вагона выходит Люся в белом платье. «Как, вы здесь?»—изумилась она. На совещание, отвечаю, приехала, а ты? Что-то невразумительное бормочет.

Ну, что ж, говорю, мне еще рано на совещание, давай вместе посидим. Нашли лавочку, ждем, разговариваем о каких-то пустяках. Не выдержала Люся, рассказала мне все. Конечно, никто ее не встретил. Подождала еще, потом я увезла ее к себе домой. Думала позже: а если б я не села тогда в тот поезд, надеясь неизвестно на что?

А Люся? Она повзрослела, создала хорошую семью, стала опытной ткачихой.

Мои ученицы семидесятих годов гораздо грамотней, культурней, чем мы были в их годы. Собственно, так и должно быть. Я часто бываю в нашем профтехучилище. Оборудовано оно по последнему слову техники, есть разнообразные кружки по интересам; училище дает также среднее образование. У меня же не было возможности учиться в таких условиях. В то же время хорошие условия—своего рода серьезное испытание. Иной человек, привыкая жить «на всем готовом», позже обретает самостоятельность.

Вот были у меня две девочки. Катя Семенова—та и себя полностью обеспечивала и матери регулярно деньги высылала. Другая же не то чтобы помогать родителям, сама до зарплаты еле дотягивала. Частенько займет полтинник на обед—и не отдаст. Стала я приглядываться (что поделаешь, и в денежные дела учеников входить надо)—курит тайком, деньги на сигареты и прочие совсем не обязательные вещи разлетаются. А человек, безалаберный в быту, и в работе таким будет. Если, конечно, вовремя не помочь.

Для меня эталон современной молодой ткачихи, молодого коммуниста—Валя Голубева. Встретились мы впервые в Москве, на праздновании 59-й годовщины революции. Валя узнала, что я живу в той же гостинице, пришла познакомиться. Сидели в номере весь вечер, чай пили, о жизни разговаривали. Попросила тогда Валя: «Можно потрогать вашу «Звездочку»?» Я сказала, что и у нее скоро такая же будет, и, как видите, не ошиблась. Прошло не так уж много времени, и приехала я в Иваново—поздравлять Валю со Звездой Героя Социалистического Труда. Знаю, что до конца 1980 года она решила выполнить три пятилетки. Что ж, это ей по силам.

Из моих учениц трудно выделить самую любимую. Знаете, как для матери—все дети любимые... Пожалуй, все-таки Лида Тихомирова. Подкупает в ней ее самостоятельность, желание все знать и уметь. Золотые руки, одним словом. Перед съездом комсомола поехали вместе в Москву. Журналисты спрашивают: как это вы, Лида, все успеваете? А Лида смеется: у меня в сутках больше часов!

Кстати, Лида первая завоевала приз моего имени. Это комсомольцы комбината несколько лет назад предложили учредить приз имени Сапуновой для лучшего молодого рабочего. Мне, признаться, было неловко. Одно дело—орден, он дается за хорошую работу. Но приз твоего имени... И все же комсомольцы настояли на своем. Вспомнила я своих родителей: могли ли они представить себе, что тысячи молодых ткачих будут соревноваться за приз имени их дочери? Раз такая честь, то и мне негоже ронять марку. Пятилетку я уже закончила.

Тесная связь у меня с комсомолом комбината. Приглашают ребята меня на свои конференции, зовут на торжественные приемы в рабочий класс, на экскурсии, участвую в субботниках. Однажды летом выехали все вместе за город на выходные дни (заставили тряхнуть стариной!). Жили в палатках, варили обед на костре, выпустили веселую стенгазету, устроили спортивные соревнования, а я вручала призы самым ловким.

Много моих бывших учениц работают сейчас на других комбинатах—от Вышнего Волочка до Ташкента, часто присылают письма. Пишут и совсем незнакомые люди, просят рассказать о комбинате, спрашивают, можно ли приехать к нам на работу. Писем бывает так много, что я, каюсь, не успеваю вовремя отвечать. Когда уезжаю в отпуск, забираю с собой всю пачку писем: пишу ответы. Я не зову всех приезжать к нам, хотя лучше нашего комбината для меня нет; советую—прежде всего оглянитесь вокруг себя, может, ваше место, ваше призвание—рядом, а не за тридевять земель...

Не знаю, сумела ли я объяснить, чем дорог мне наш комбинат. Всеми линиями переплелись наши судьбы—моя и «Пролетарки».

Но годы идут. И если все-таки придется уйти на пенсию, попрошу оставить мне постоянный пропуск. Иногда приду, поработаю, сколько силы позволят, помогу молодым. Комбинату будет польза и мне—радость.

Записал Владимир АНИСИМОВ.

Валентин ЧИКИН,
лауреат премии
Ленинского комсомола

ПИСЬМО НАРОДНЫМ КОМИССАРАМ

Слово о власти

РЕДКОСТНЫЙ, уникальный снимок этот впервые был опубликован в «Смене» через полтора десятилетия после Великого Октября с указанием, что в кадре «Одно из первых заседаний Совнаркома в Смольном в ноябре 1917 г.». Другие публикаторы еще категоричней утверждали, что фотография сделана во время исторического первого заседания. Но присутствие наркома почт и телеграфов, левого эсера П. Прохьяна (он сидит слева от Владимира Ильича) никак не могло быть раньше декабря... Пожалуй, правильнее всего было бы предложить для подписи к снимку такую редакцию: первый снимок Совнаркома. Другого нет. Достоверно установлено только, что он мог быть сделан не раньше чем через пятьдесят дней после штурма Зимнего и не позже чем четыре месяца спустя.

Кстати, еще один человек, запечатленный на снимке, представивший ленинцам важные свидетельства, — Елизавета Константиновна Кокшарова (мы видим эту двадцатипятилетнюю женщину в строгом платье с белым воротничком в правом углу стола между А. М. Коллонтай и Н. И. Подвойским) так же не могла присутствовать на первом заседании. Секретарем Совнаркома она стала работать именно с декабря. Запечатленное полуночное заседание наркомов она относит к концу января 1918 года.

— Заседание Совета Народных Комиссаров, — уточняет Елизавета Константиновна, — происходило на 3-м этаже в так называемом Красном зале (в левом крыле, если стоять лицом к зданию Смольного). На заседании мне пришлось писать протоколы. Секретаря Совета Н. И. Горбунова сначала не было. Он приехал к концу заседания, примерно в 2 часа ночи... и привез с собой неожиданно для всех фотографию-любителя. Владимир Ильич не хотел сниматься, но все же его удалось уговорить...

Значит, это не 17-й, не великая октябрьская ночь! И все равно угадываешь в этом начало — очень уж хочется

одним хоть, что называется, глазом взглянуть: как было, как начиналось, в какой обстановке, кто был рядом с Ильичем, какая атмосфера царил кругом... Нет документальных зрительных свидетельств. Но рождение первого в мире рабоче-крестьянского правительства запечатлено в памяти тех, кому выпало стоять в решающий момент на ответственном посту в штабе революции — Смольном.

Для УПРАВЛЕНИЯ страной образовать рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров. Заведовать отраслями поручается комиссиям. Правительственная власть принадлежит коллегии председателей этих комиссий. Прежде чем эта ленинская формула во вторую октябрьскую ночь станет государственным актом, будет многолетний поиск ее решения, трудный тем более, что невероятно сложно найти общее понимание с попутчиками и союзниками. Сколько Ленин ни убеждал Марию Спиридонову принять общую с левыми эсерами программу правительственной деятельности — не согласилась; так и осталась сидеть на красном диванчике темным угловатым шипом с миной неприступной значительности... Что ж, выдвинем социалистических министров из одних большевиков!

Только вот министров ли? Разумеется, дело не в названии: правительственная власть будет совершенно новой формации, ничего общего не имеющей со старым чиновничьим аппаратом. Но важна тут и форма. Победивший народ и в символическом имени власти должен ощущать решительный разрыв с ненавистным прошлым, видеть олицетворение демократических целей и идеалов. Что подсказывает история революционных движений? Вспоминаются комиссары Конвента, Великая французская революция, славное время якобинства. *Kommissaire* — по-французски «уполномоченный». Народный комиссар — уполномоченный народом. Да, это образ революции...

Ближайшим помощникам Ленина запомнилась мимолетная, но озаряющая сцена в один из решающих моментов



падения Зимнего. Под градом донесений, запросов, рапортов Владимир Ильич, слитый в единый мускул и нерв, энергично переходит от телефона к телефону и чеканит, будто диктуя:

— Надо устроить комиссии по управлению страной, которые и будут комиссариатами. Председателей этих комиссий назовем народными комиссарами. Коллегия председателей будет Советом Народных Комиссаров, которому и принадлежит полнота власти...

Слово «нарком» как революционный титул явно нравилось Владимиру Ильичу, он впоследствии охотно им пользовался, но с не меньшим уважением называл своих коллег и министрами («...Вы нужны в министры»).

Рабочий-большевик Эйно Рахья, охранявший Ленина в последнем подполье, помнит ту крохотную комнатку в нижнем этаже Смольного, полутемную, заваленную пальто и шапками, без единого свободного стула, где «назначались комиссары». Он сидел в уголке у двери, поджав колени к подбородку, и наблюдал, как рождается правительство обновленной России.

Однако при формировании большевистского кабинета возникли свои сложности. Самоотверженные поборники коммунистических идей, большевики видели себя во главе рабочих демонстраций, на баррикадах, в подполье, в ссылке, но менее всего — в министерских креслах. Всякий раз, когда Владимир Ильич склонялся над плохо освещенным столом, чтобы назвать очередного кандидата в наркомы, он ждал и очередного «самоотвода»: «Нет опыта». Смеясь, парировал: «А вы думаете, у кого-либо из нас есть такой опыт?»

С этого диалог потом начинался не раз. Владимир Иванович Невский, большевик почти с двадцатилетним революционным стажем, бывший партийным организатором в крупнейших городах (на снимке он третий справа, единственный безусый здесь мужчина), получив в свое распоряжение Наркомат путей сообщения, отказался. «Мне не хотелось занимать никакие высокие должности, мне казалось, что я работник не канцелярии, а массы. Я всячески старался уклониться от этого назначения». Но

после серьезного объяснения с Владимиром Ильичем он снял свою «круговую оборону». В другой раз, при назначении народного комиссара по внутренним делам, выслушав хитроумный отказ Григория Ивановича Петровского («Назначьте другого товарища, а я буду его помощником»), Владимир Ильич, не выдержав, заметил: «Во время революции от назначений не отказываются» — и, смягчившись, улыбнулся: «Дать Петровскому двух Выборгских рабочих с винтовками, они отведут его в помещение министерства внутренних дел...»

При «формировании кабинета» будущий нарком просвещения А. В. Луначарский усмотрел несоответствие «портфель» и специальной подготовки кандидатов. Владимир Ильич устало возразил: — там, мол, посмотрим — «нужны ответственные люди на все посты; если окажутся негодными — сумеем переменить». И в проекте постановления переименовал пятнадцать имен предварила фразой: «В настоящий момент Совет Народных Комиссаров составляется из следующих лиц...» А потом сам же нарком просвещения признавал: сколько, мол, среди наркомов было таких, что «не без робости приступали к порученному делу, а потом оказались вполне на высоте его».

Из наркоматов первым возник Комиссариат иностранных дел, размещившийся чуть ли не в самом кабинете Ленина. Старый и Новый Свет проявляли жгучий интерес к народившимся Советам, и надо было немедленно «выработать отношения». Второй комиссариат Владимир Ильич вскоре обнаружил... на диване близ своего кабинета. Где-то к ночи В. Р. Менжинский получил назначение наркомфином вместо Скворцова-Степанова, так и не выбравшегося из Москвы. На Совнаркоме от него потребовали скорейшего исправления катастрофически складывающихся финансовых дел. И он, оказываясь, тут же стал «организовываться». С кем-то из товарищей притащил диван в Управление делами, вывесил над ним уведомление: «Комиссариат финансов» — и тут же уснул, скошенный многосуточной усталостью. Ночью, когда Владимир Ильич наткнулся на диван, Управдела-



ми Совнаркома (на фотографии мы видим В. Д. Бонч-Бруевича четвертым слева) шутя представил: «Смотрите! У нас уже организован и второй комиссариат... Позвольте вас познакомить...» Конечно, выглядело это комично, но нравилось, что комиссары начинают с того, что набираются сил.

КОММУНИСТИЧЕСКИМ АДМИНИСТРАТОРАМ Владимир Ильич готов изо дня в день повторять один и тот же наказ: учиться! — исследовать жизнь во всей ее полноте и неприукрашенной реальности; постигать и уметь считать с тем, что выработала наука; овладеть искусством управления, анализировать каждый сделанный шаг. Не пройдет и года — он предложит подвести первые итоги; направит специальное «Письмо народным комиссарам» с высокоуважительным обращением: «Позвольте себе выразить следующие пожелания...» И попросит особо отметить в правительственных отчетах: как улучшено положение масс, каково участие рабочих и крестьян в управлении; «показать конкретно, фактами, как именно сделала Советская власть определенные шаги (первые) к социализму».

Экономическая политика, хозяйственное дело — самая для нас интересная политика. Развивая эту мысль, Владимир Ильич всякий раз не только утверждает один из важнейших стратегических лозунгов большевизма, но, кажется, доверяет нам и самое сокровенное из своих желаний, самую неутолимую свою потребность: скорее и надежнее строить ту просвещенную, светлую, сытую и здоровую Россию, о которой мечталось всю жизнь. Жаль, что уже четыре с лишним десятилетия жизни, каждый из пятнадцати тысяч отданных революции дней, пришлось только сражаться — с царизмом, с идейными противниками, с контрреволюцией, интервенцией. Теперь же приступило время — за дело! — хотя на строительной площадке пока одни руины прошлого; хотя в руках строителей больше энергии, чем умения; в сердцах — больше порывов и желаний, чем терпения и настойчивости... надо учиться!

Благодарны судьбе те, кто вблизи

Владимира Ильича, при непосредственном его наставничестве прошел школу социалистического хозяйствования, советского управления. Они имели перед собой идеальный образец руководителя нового типа — самого Ленина, единственного, по выражению Бернарда Шоу, деятеля Европы, обладающего талантом, характером и знаниями, соответствующими его ответственному положению. И их повседневная деятельность служит Владимиру Ильичу практической основой для выработки целого свода принципов и норм, которыми, как кодексом жизни, могут руководствоваться те, кому доверил народ управление делами страны. Первым советским наркомом адресованы сотни и сотни ленинских документов, где в каждой фразе — гроздь мыслей, в каждом слове — упругая сила экспрессии, в каждом эпизоде — нравственный урок.

Прежде всего надо до тонкости осознать саму диалектику социалистического и демократического характера Советов. Что это такое? Поголовное управление и дискуссии, дело же страдает сугубо. Другая буквальная наивность: каждый сам себе голова, решает вопросы по своему усмотрению и разумению, только в общем соотносясь с директивной. Получается многовластие и безответственность...

Свой демократический и социалистический характер Советы выражают через принцип коллективного управления. Коллективность необходима при решении всех жизненных вопросов, но это не должно обращаться в помеху практическому делу. Тут должен складываться разумный баланс.

— Всякий раз, когда к тому представляется хотя бы малейшая возможность, коллегиальность должна быть сведена к самому краткому обсуждению только самых важных вопросов в наименее широкой коллегии, а практическое распоряжение учреждением, предприятием, делом, задачей должно быть поручаемо *одному товарищу*, известному своей твердостью, решительностью, смелостью, умением вести практи-

ческое дело, пользующемуся наибольшим доверием. Во всяком случае и при всех без исключения обстоятельствах коллегиальность должна сопровождаться самым точным установлением личной ответственности *каждого лица за точно определенное дело*.

Итак, к революционности, к самовыражению масс нужно прибавить четкую исполнительность, дисциплину; к коллегиальному управлению — единоначалие... А не будет ли единоначалие подавлять инициативу и самостоятельность комиссий, не ослабит ли обратную связь с массами?

— Чем решительнее мы должны стоять теперь за беспощадно твердую власть, за диктатуру отдельных лиц для определенных процессов работы, в определенные моменты чисто исполнительских функций тем разнообразнее должны быть формы и способы контроля снизу, чтобы парализовать всякую тень возможности извращения Советской власти...

И не убаюкивать надо себя словесной заботой об обратной связи, а обеспечивать первейшую, прямую, непосредственную связь с массой. Памятка, сделанная однажды для памяти, вполне может считаться руководящим правилом для руководителей:

«Связь с массой.
Жить в гуще.
Знать *настроения*.
Знать *все*.
Понимать массу...
Завоевать ее **абсолютное доверие**».

Не было ни одного наркома, которому Владимир Ильич позволил бы засидеться в кабинете, — направлял в долгие рейды по фронтам, глубинным районам страны, на трудноподъемные участки. Не засиживался и сам.

Работать, где есть масса, — значит для Владимира Ильича идти в заводской цех, крестьянскую избу, солдатскую казарму. После переезда Советского правительства в Москву примерно за четыре года Председатель Совнаркома выступил около 250 раз, иногда по несколько раз в день. Он считал своим долгом информировать трудящихся о

положении в стране, о деятельности правительства, очередных задачах революционной борьбы. На митингах, конференциях, собраниях Ленин не только говорил. Он умел слушать, умел «понимать массу». В конце 1920 года на собрании беспартийных крестьян — делегатов VIII съезда Советов Владимир Ильич делает краткие записи 28 выступлений, в которых выплеснулся весь тогдашний крестьянский мир: от просьб помочь семенами до подхода к решающим социальным мерам. Размножив свой конспект, он направляет его «к осведомлению цеккистов и наркомов».

Знание жизни, связь с массой, безусловно, составляют солидный фундамент в практической работе каждого руководителя. Но практика хозяйствования постоянно меняется, усложняется. Надо быть предельно взыскательным, иметь охоту переучиваться. Конечно, это не обязательно тому, кто утопает в бюрократическом чванстве, кто упивается дилетантизмом.

— Но тот, кто присматривается к практической жизни и имеет житейский опыт, знает, что, чтобы управлять, нужно быть компетентным, нужно полностью и до точности знать все условия производства, нужно знать технику этого производства на ее современной высоте, нужно иметь известное научное образование.

Создавая государственный аппарат, отлаживая весь экономический механизм, Ленин исходит не из традиционного комплекса российской второсортности, а из истинных возможностей раскрепощенного человека, из могучего потенциала социалистической системы, из всей совокупности мировых достижений. Он неустанно внедряет в систему управления научную организацию труда, всячески предохраняет от «игры в бумажки», от бюрократизма. «Нас затягивает поганое бюрократическое болото в писание бумажек, говорение о декретах, писание декретов, и в этом бумажном море тонет живая работа». Ленин привнесит революционные идеи в новые методы хозяйствования — государственное планирование, всенародное соревнование, — отлично сознавая, какие исполнинские силы развернутся при социалистическом устройстве общества. Он добивается эффективного использования в развитии народного хозяйства таких мощных рычагов, как государственный банк, — необходимо превратить его в деятельный регулятор всей экономики; такого надежного инструмента, как статистика, — ЦСУ должно стать органом текущего анализа, статистики должны быть нашими практическими помощниками, а не схоластами.

Смело, решительно идет Владимир Ильич на внедрение новшеств в систему управления, даже на перестройку, если видит ее целесообразность. Но он стеной встает перед всякими скоропалительными реорганизациями, легкими на руку реформаторами. Он всем советует взять за правило: семь раз отмерить (то есть испытать практикой) и один раз отрезать (ликвидировать, пересоздать). «Я смертельно боюсь реорганизаций, — убедительно призывает он к осмотренности в одном из писем. — Мы все время реорганизуем, а практического дела не делаем». Он прямо связывает увлечение реорганизацией со слабостью практического дела. Практика, практика и практика — вот критерий жизнеспособности любого элемента хозяйственной системы.

Наркомом он советует опираться на людей с опытом, на практиков. И сам при всякой возможности выделяет, выдвигает, возмозливо растит талантливых людей из простонародья. Скажем, зарекомендовал себя ногинский электро-

монтер Василий Есин как инициативный энтузиаст электрификации, архиполезный в работе ГОЭЛРО,— есть смысл рекомендовать его членом Госплана, поставить рядом с учеными, спецами. Заинтересовал своим реализмом, житейской мудростью владимирский крестьянин, «старик со светлой головой» — Иван Афанасьевич Чекунов — тотчас записку в Наркомзем: захватить, втянуть в работу Чекунова, ввести в коллегия наркомата; нужны еще такие советчики и посредники с деревней, сколотить из них ядро совета беспартийных крестьян либо другой подобной корпорации. Куйте железо, пока горячо.

Забываясь об автономной продуктивной жизнедеятельности каждого звена государственного аппарата, забываясь об упрочении авторитета советского руководителя, Владимир Ильич представляет каждому широкое поле самостоятельной деятельности. Даже специально подчеркивает иной раз: вы нарком, вы и решайте. Но он в то же время бдительно следит за тем, чтобы деловое администраторство не обернулось игрой в администрирование. «Если коммунист — администратор, его первый долг — остерегаться увлечения командованием». Напоминает о приемах Тит Титыча («я могу утвердить, могу не утвердить») — поменьше, мол, таких приемов, побольше изучения наших практических ошибок.

Владимир Ильич считает естественным и законным энергичное проявление характера — ведь неплохо, если у человека богато одаренная натура и он желает ее проявить — дай бог всякому. Но нужно смотреть за тем, «чтобы натура проявлялась с пользой», чтобы не страдало дело, не ущемлялись другие люди, не возникало болезненных трений. Если такая угроза возникает, «нужно свои способности умерить».

Не по делу энергичных, разворотливых людей Владимир Ильич называет «рукастыми» и следит за тем, чтобы в угоду им не утрачивались какие-либо ценные качества и ценные кадры. С одним таким «рукастым», позволившем себе ряд личных вылазок против наркома Чичерина (ненастоящий, мол, министр и пр.), вышел жесткий спор. Написал откровенный ответ на интригу: «Сердит я на Вас, по правде сказать, до крайности. Людей мало, все переработались до чертиков, а Вы устраиваете такую вещь». И о Чичерине (крайний справа на снимке): «Чичерин — работник великолепный, добросовестнейший, умный, знающий. Таких людей надо ценить. Что его слабость — недостаток «командирства», это не беда...»

СЛОВО НАРКОМАМ. Теперь предоставим возможность самим наркомам ответить на несколько вопросов.

Народному комиссару внутренних дел **Г. И. Петровскому.** — Ваше первое самостоятельное решение и оценка Владимира Ильича?

— Вспоминаю — это было уже после переезда правительства в Москву, — как я очень просто «решил» судьбу таких учреждений, как сенат и некоторые другие: повесили на дверях замки, и все. В. И. Ленин рассмеялся, когда услышал о таком «решении», и сказал мне, что перед тем, как закрывать эти учреждения, надо было изучить их деятельность, лучше ознакомиться с людьми, которые там служили, и тех, которые желают сотрудничать, привлечь к работе.

Народному комиссару по военным делам **Н. И. Подвойскому.** — Возникли у Вас когда-нибудь конфликты с Председателем Совнаркома?

— Положение только что организовавшейся рабоче-крестьянской республики было критическое... Товарищ Ленин явился ко мне в штаб и потребовал, чтобы ему поставили в моем кабинете стол, и заявил, что он хочет все время быть в курсе событий. В сущности,

создалось два штаба: в кабинете Ленина и моем... Чем чаще тов. Ленин посещал свой кабинет, куда непрерывно вызывались по его приказу всевозможные работники, тем более распоряжения случайного характера превращались в непрерывную цепь. Правда, эти распоряжения не касались ни операций, ни воинских частей, а только мобилизации «всех и вся» для обороны. Но этот параллелизм работы страшно нервировал меня. Наконец я резко и совершенно несправедливо потребовал, чтобы тов. Ленин освободил меня от работы по командованию. Тов. Ленин вскипел, как никогда: «Я вас предаю партийному суду, мы вас расстреляем. Приказываю продолжать работу и не мешать мне...» Только на следующий день оценил я все значение параллельной работы Ленина...

Народному комиссару здравоохранения **Н. А. Семашко.** — Оставались ли Вы когда-нибудь без поддержки Владимира Ильича в правом деле?

— Ненависть Владимира Ильича к курению послужила одним из комических эпизодов в моей жизни. Один раз при встрече он сказал мне: «Что вы не поведете борьбу с табачным зельем? Я поддержу вас». Ободренный этим, я, тоже враг курения, повел наступление. Все предлагавшиеся мной мероприятия распались на: 1) культурно-просветительные — пропаганда против курения в печати, через комсомол, женотделы, запрещение курения в общественных местах и т. д. и 2) народнохозяйственные — ограничение табачных культур, сокращение производства табака, торговли табаком... В СНК меня встретили в штыки. На меня напали все хозяйственные наркомы. Я вижу, что хозяйственники меня проваливают, и с мольбой взирал на Владимира Ильича: но он ниже нагнул голову и лукаво улыбался. Так меня хозяйственники и провалили. После я упрекал Владимира Ильича: «Что же вы меня не поддержали?» «Ну, вы, батенька, и загнули!» — ответил он мне.

Народному комиссару иностранных дел **Г. В. Чичерину.** — Что Вам, как политику и дипломату, больше всего импонирует в Ленине?

— Его неподражаемый политический реализм... Самым тяжелым моментом было убийство графа Мирбаха, когда можно было опасаться со стороны германской военной партии немедленного перехода в наступление. В этот момент у меня было несколько продолжительных разговоров с Владимиром Ильичем. Он совершенно правильно оценил трудности, какие представило бы для Германии наступление на Москву. И, считая необходимым отклонить требование германского правительства о вводе в Москву германского вооруженного отряда, Владимир Ильич с полнейшим спокойствием ожидал результатов нашего ответа. Чутье не обмануло Ленина, и достигнутый компромиссный результат соответствовал тому как он в разговорах со мной оценивал положение.

Народному комиссару просвещения **А. В. Луначарскому.** — Чем Вас прежде всего впечатляла работа в ленинском Совнаркоме?

— При Ленине в Совнаркоме было дельно и оживленно... Требовалась чрезвычайная сжатость и деловитость от каждого высказывающегося. В Совнарком царил какое-то сгущенное настроение, казалось, само время сделало более плотным, так много фактов, мыслей и решений вмещалось в каждую данную минуту. Но вместе с тем не было заметно ни самонадеянности, ни привкуса бюрократизма, игры в высокопоставленность или хотя бы напряжения людей, производящих непосильную работу. Больше, чем когда-нибудь, при Ленине казалась эта работа при всей своей ответственности «легкой»... Работали в Совнаркоме спорно, работали бодро, работали с шутками.

Владимир САВЕЛЬЕВ



Под локоть не толкни, судьба слепая:
я, помнящий, какая ей цена,
с ладони на ладонь пересыпаю
сухую горсть целинного зерна.

Пересыпаю смены той работы,
что часто — от зари и до зари,
недели — от суббот и по субботы
и годы — с январей по январю.

Пересыпаю даты, веки, вешки
былых побед, дававшихся не вдруг.
Пересыпаю щедро, вперемишку
минуты наших встреч и дни разлук.

С любовью — ненависть,
с враждою — братство.
Сквозь времена и через целину
течет, шурша, несметное богатство
с ладони на ладонь. Зерно к зерну.



К добру обращая судьбу великана,
дыхание туч ощущая спиной,
я в тесной кабине огромного крана —
как сердце
за ребрами клетки грудной.

А сам богатырь,
напрягаясь до дрожи,
но силясь усталости не выдавать,
над миром и над головами прохожих
пушинкой несет геркулесову кладь.

Ненастной порою, пронзая пределы
и слой темноты выжигая дотла,
братаются молнии неровные стрелы
и рослого крана прямая стрела.

И ветры свистят у плеча исполина.
Я счастлив и тем, предсказанья гоня,
что, в общем, могучая эта машина
хоть разумом не превосходит меня.

И все-таки подозреваю в душе я,
что краны,
застыв за решеткой дождей,
притихнув и вытянув длинные шеи,
внимательно всматриваются в людей.

И людям от них не уйти и не скрыться
ни в сон, ни в загул,
ни в семейный уют.

Вновь краны,
как будто бессонные птицы
с ладони России клюют и клюют.

Клюют, а, похоже, им этого мало,
и что-то они выжидают подчас.
Да, благодаря тормозам и штурвалам
не мы для машин, а машины для нас.

Да, верные пульты у нас под руками,
но стоит, наметив, продумывать цель.
Мы много работаем: камень на камень,
кирпич на кирпич и панель на панель.



Ну, что бы отойти им чуть в сторонку,
а то открыто, среди бела дня,
целуются мальчишка и девчонка
на лестнице у Вечного огня.

Длинноволосы.
В джинсиках потертых.
А рядом я, ссутулившись, стою.
А мы скрывали от живых и мертвых
любовь нерасторопную свою.

Мы дух проти-вопоставля-ли плоти.
Мы слышали в чаду суровых дней:
«Любовь, оно, конечно!
Кто же против?
Но только нынче ненависть важней!»



Да, вспышки взрывов
не салютов вспышки...
А между тем у Вечного огня
целуются девчонка и мальчишка,
не замечая — хмурого — меня.

Не думают о долге поколений
перед священной памятью утрат.
Целуются — и в этом всех лишений,
как ни крути, конечный результат.



Мне прежде верилось не очень,
что я когда-нибудь умру.
А тут, в больнице, ждет укола
сосед мой — бывший партизан,
седым потряхивает чубом.
И тайно курят второпях
больные, выжившие чудом
в атаках и концлагерях.

Касаясь тапочками пола,
полярный летчик пьет нарзан.
Чуть нервничая, ждет укола
сосед мой — бывший партизан,
седым потряхивает чубом.
И тайно курят второпях
больные, выжившие чудом
в атаках и концлагерях.

В делах пилюльных нерадивы,
поскольку горе не беда,
больные, нянечкам на диво,
в палате нашей — хоть куда.

Но гасит истина восторги:
никак без истины нельзя,
когда уходят и профорги,
и родственники, и друзья.

Палату, где стихают байки,
уравнивают с этих пор
пикамы из безликой байки
да настроенье медсестер,

да завтрак, превращенный в ужин,
да страх перед грядущим сном,
да боль... Но легче ли снаружи
тебе, стоящей под окном?



Беда, коль не силен
в родном ты языке,
тебе ни с кем другим
не быть накоротке.
Тебе употреблять все чаще
невпопад
и мимику, и жест, и паузу,
и взгляд.

И, песню уловив, не забывать
про сон.
Беда, коль в языке родном
ты не силен.
Беда, хотя она не то чтобы
врасплох:
ведь ты не онемел и вроде
не оглох.

Но все-таки нет-нет
и попадешь впросак:
толкуешь, знаешь, о том,
да строишь речь не так.
То фразы тяжелы.
То ходят ходуном.
Беда, коль не силен
ты в языке родном.

Беда — она твоей
становится судьбой:
история ведет беседы не с тобой.
Окраски для тебя лишаются слова:
Любовь. Отчизна. Смерть.
Сомненье. Синева.
Дорога. Мать. Порог.
Надежда. Хлеб. Вода.
Коль в языке родном ты не силен,
беда.

СТАВНИЦА "ВОЙНА"

РАССКАЗ

Рисунок Вениамина КОСТИЦЫНА

1

Мы разбирали трубы на разъезде. На путях стояли платформы. Шел 1942 год. По мобилизации на разъезде работали школьники. Каждому полагался рабочий паек хлеба за каждый день труда.

Трубы были литые, тяжелые, ржавые. Нужно было по двое поднимать их с земли и переносить на платформу. Весь этот металл должен был пойти в переплавку.

Стояла жаркая осень.

Я работал вместе с товарищем Савари. Жаном Савари, Иваном Жоресовичем Савари, нашим учителем французского языка. У него было красное лицо и седая пышная шевелюра.

Иногда он выпрямлялся так, как будто говорил речь перед народом, хотя не произносил ни слова. Он поднимал трубы таким жестом, который мог бы убедить парламент. И сбрасывал их с плеча так, как если бы хотел показать миру, как это делается.

Я не встречал никогда такого красноречивого человека. Вся его работа была тацитовской, демосфеновской, чеканной и, я бы сказал, исторической. Париж был оккупирован немцами, фашисты бомбили Москву, и мы разбирали трубы на глухом разъезде в Азии. Это было в XX веке.

Мы вынесли на платформы, наверное, уже с полсотни труб. Я невольно подражал парламентской поступи Савари и его красноречивым жестам. В небе было жаркое солнце войны.

Вдруг Савари посмотрел на меня, пошевелил губами, как будто усталость отвлекла его от главной мысли, поморщился, припоминая что-то, опустил глаза, потом вскинул голову с седой шевелюрой и сказал:

— Перекур!

Мы сбросили еще одну ржавеющую, с нарезками на концах погнутую трубу, предназначавшуюся, наверное, для городского водопровода, а теперь годную лишь для военной переплавки, и сели в тени высокого каштана.

Савари достал пачку папирос «Борцы», раскрыл ее крепким продыmlенным ногтем, размял табак в рисовой бумаге, сунул папиросу в рот и стал искать спички. Они оказались в нагрудном кармане его защитной блузы. Это были спички «Гигант» с красными головками. Они зажигались о любую поверхность.

Савари чиркнул спичкой о ствол каштана и закурил. Речь его, обращенная к невидимым слушателям, продолжалась. Он совершенно не замечал моего присутствия. И даже произнес гневную фразу по-французски: «Когда события, постоянно изменяющиеся, ставят перед нами вопрос, справедливость, всегда неизменная, требует, чтобы мы отвечали на него...»

Тогда мне казалось, что Савари был стар. Но ему было не больше сорока лет. Он рассказывал нам о Парижской коммуне, о Викторе Гюго. Мы знали, что он получил три ранения в Испании, в интернациональной бригаде, и теперь, как он говорил, годился только на то, чтобы быть школьным учителем. Его любимой книгой был роман Гюго «Девяносто третий год».

— Пусть будет стыдно тем, кто думает, что с тех пор, как Тьер расстрелял коммунаров,— говорил он,— во Франции остались только шарлатаны и прохвосты.

К нам подошел военрук Ромашов с талонами. Он знал всю бригаду в лицо, но всегда переспрашивал фамилию:

— Савари?

— Савари.

И Ромашов вручил ему талон на хлеб. Но не ушел, а покосился на папиросную коробку, которая лежала на траве вместе со спичками у ног Савари.

— «Борцы»?

— «Борцы».

— Довоенная,— протянул Ромашов, когда Савари предложил ему закурить, и взял одну папиросу.

— Подарок от одного некурящего друга,— сказал Савари.

На папиросной коробке были изображены борцы, схватившиеся в поединке. Платформа тронулась, загудел паровоз, завывла сирена, школьники под насыпью провожали состав криками, махали руками.

Ромашов сделал какую-то заметку в своем списке и вручил мне такой же талон, какой он вручил и Савари. Восемьсот граммов хлеба.

— Рот фронт! — сказал Ромашов, взял под козырек и удалился.

К платформе подтягивался новый состав, и снова ожил наш муравейник. Всего на путях в ту осень работали несколько тысяч школьников со своими учителями. Перекур был окончен, Савари убрал коробочку с борцами в нагрудный карман, бросил окурок в пыль и поднялся с травы под каштаном.

— Петэн ответит за позор Франции,— сказал Савари, продолжая свою речь и не обращая ко мне.— За каждый город, сданный бошам без боя. Париж будет сражаться, несмотря на капитуляцию. Ничто не капитулирует, кроме несправедливости!

И мы направились к новым платформам, которые нужно было до конца рабочего дня нагружить трубами для переплавки. Труб было великое множество, их привозили со всего города на машинах, в телегах, в фургонах. Войне нужен металл— это хлеб войны. И мы разгребали мусор, вытаскивали железо из-под обломков глины и деревяшек.

У самой платформы мы встретили Елену Николаевну, нашего завуча. У нее были каштановые волосы и рыжая шляпка, которая очень шла к ее серым глазам.



— Вот вам еще пачка папирос,— сказала она, обращаясь к Савари.— Я нашла ее у себя в комодке.

Савари поблагодарил ее, принял подарок и поцеловал руку Елены Николаевны. Я отошел в сторонку, выбирая трубу полегче. Вскоре ко мне присоединился и Савари. Он был взволнованным, как на пожаре. И лицо его горело вдохновением.

— Запомни мои слова, мальчик,— сказал он, обращаясь ко мне.— От этих труб рухнут стены Иерихона!

И мы подняли с земли ржавое железо.

2

Рядом с котельным цехом помещался отсек для сверлильных станков. Здесь готовились колосники перед сборкой в цельные решетки на паровозах.

Я прочитал медную табличку на одном из станков: «Варшава, 1897 г.».

Мастер, который указывал рабочее место каждому из пришедших на завод по комсомольской мобилизации, сказал:

— Станок исправный! Смотри! Ничего, что старый, как трехлинейная винтовка— в хороших руках тоже оружие.

И он показал мне, как затягиваются тиски и опускается сверло. После этого он ушел к другим станкам, а я остался один на один со стальной громадиной.

Пришлось подставить ящик под ноги, чтобы доставать до всех механизмов управления. И станок безукоризненно повиновался не мне, а своему механизму.

Когда я затянул тиски и включил мотор, сверло покорно опустилось, надавливая на металл. В чугуне образовалась сначала лунка, потом углубление, и серая пыль посыпалась на колосник.

День был горячий. В открытые двери лилось сухое солнце.

Надо было приготовить за день пятьдесят колосников. Такой план дал мне мастер Шумов. И не мне одному, а всем сразу, каждому— по пятьдесят колосников. Двадцать, тридцать штук до обеда и столько же или чуть меньше после перерыва.

— С утра колосники будут полегче,— сказал мастер,— а к вечеру потяжелее. Все колосники, сваленные у станка, были одинаковые, и я не сразу понял, что он хотел сказать.

Во всяком случае, я решил не тратить времени даром, не отвлекаться, а заготовить впрок побольше готовых плиток.

Колосник— это тяжелая чугунная решетчатая плитка с выступами для крепления. На ней горит уголь в топке паровоза, а пыль и зола сыплются через решетку вниз.

Пятьдесят таких плиток нужно было поднять на станок, укрепить в тисках и просверлить несколько отверстий равного диаметра.

На подъездных путях стояли друг за другом огромные глухие локомотивы, ожидающие ремонта. Их по одному вкатывали в цех. На боках паровозов можно было прочесть всю географию войны. На одном из них было нацарапано: Тихвин, на другом— Белосток. Страшные шрамы и пробоины зияли в обшивке.

Это были фронтные локомотивы, рядовые великих сражений, идущие на поправку в госпитали индустрии, чтобы вернуться на фронт.

Тыловые школьники влезали в котлы с отбойными молотками, стояли у

станков, получали план-задания от мастера — и стальные машины повиновались своим механизмам.

Мастер Шумов требовал организованной чистоты в цехе. В углу стоял баллон с водой. А перед воротами цвели цветы. Сирень росла у входа в мастерскую.

Шумов сказал, что будет строго взыскивать за любую поломку и брошенный инструмент. И выдал нам каждому талон на обед в заводской столовой.

Первый колосник был самым неловким. Пришлось с ним повозиться... Он выскальзывал из рук, поворачивался углом, но я затянул тиски до отказа, и он прилип к станке так, что сверло легко прошло именно там, где были поставлены мелом белые точки.

Когда я в первый раз опустил резец на металл, откуда-то сверху, из скрытого бака, обтекая сверло, полилась вода. Это было так неожиданно, что я выключил мотор и побежал к мастеру.

— Что случилось? — спросил он.

— Станок протекает, — сказал я.

Шумов махнул рукой:

— Это так и должно быть.

И объяснил мне, что даже сталь устает, накаляется, и нужна обтекающая ее вода, чтобы она не перегрелась и не сломалась.

Сталь и вода, твердость и податливость — я впервые видел эту мудрую механику резьбы.

Второй колосник был гораздо легче. Он сразу стал на место, и тиски прилипли к его бокам. Сверло прошло через металл с легким шорохом и скрипом. Влага сочилась через свежее отверстие. Работа получалась, шла, мотор гудел...

За вторым колосником последовал третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой. От напряжения слегка подрагивали руки. Во рту пересохло от жары и пыли. На минуту я выключил мотор и пошел к баку напиться.

Кружка на стальной цепочке гремела, но я не слышал этого, потому что вся мастерская была наполнена гулом моторов.

Когда я выпил две кружки воды, мне показалось, что на моем лбу сразу выступило семь потов. Влага застилала глаза, и я вытирал ее платком, и платок сразу потемнел от влаги и пыли. Даже ржавчина на нем откуда-то взялась.

С этого и начались неполадки. Когда я вернулся к станку, мне показалось, что его мотор звучит как-то иначе, гулко и надсадно. Как только я включил машину и опустил сверло на чугун, она задрожала и зарычала недовольно. Я увидел, что и колосник в тисках дрожит от негодования...

Следующий колосник, несмотря на то, что я, как мне казалось, захватил его накрепко, не то что дрожал, а раскачивался так, что я долго не решался опустить сверло.

С большим трудом, помогая себе коленями, я потянул его повыше и снова завернул тиски. Но лучше от этого не стало. Теперь колосник под сверлом вибрировал, а вместе с ним вибрировал и весь станок. И я не мог понять, отчего это происходит.

Все было в порядке — и станок и колосник на месте. Сверло опускается, как прежде, но белые точки ускользают от меня. Вибрация передается рукам, всему телу, и унять эту дрожь металла нет никакой возможности.

Я подумал, что вибрация исчезнет, если резко и решительно опустить сверло на металл. Это была моя первая ошибка.

Сверло покорно опустилось и смело врезалось в металл. Вот оно прошло через первую белую точку. Но вибрация не угасала, а усиливалась. Сверло вгрызалось в чугун отчаянно, стараясь удержать колосник в неподвижности. Но колосник раскачивался. И сверло сломалось.

За спиной у меня стоял Шумов. Он смотрел на меня сердито, сжав губы.

— Сломал? — спросил он.

— Сломал, — ответил я.

— Работа взыскивает строго, — сказал Шумов и достал из инструментального шкафа новое сверло.

Вода обтекала обломок витой стали.

— Закрой глаза, — сказал Шумов. — И вытхни руки перед собой.

Я закрыл глаза и увидел красные пятна и витые линии. И почувствовал, что руки мои плавают в воздухе, как во сне.

— Вибрация, — услышал я голос Шумова. — Открой глаза.

Я открыл глаза и увидел, что руки мои, одна выше другой, дрожали неестественно и странно.

Шумов наладил сверло, отбросил обломок витой стали. Потом он затянул тиски на четыре дополнительных оборота, хотя мне казалось, что я уже повернул гайки до отказа. Колосник замер, вибрация исчезла, и сверло, разбрызгивая воду, погрузилось в металл.

А над заводом уже плыл гудок, возвещавший окончание первой смены. И голос гудка показался мне вибрирующим, столько в нем было стальной усталости.

3

Война доставала нас всюду. Она обступала нас со всех сторон. Мы привыкали к ней, как привыкают к повседневности. Завтра мы должны были стать ее солдатами.

На завод приходили порожняком длинные составы. Их пригоняли ночью. Они шли с запада. Меня поразила нацарапанная на одном вагоне надпись: «Станция «Война». Все эти составы должны были вернуться на ту же станцию.

Вагоны были наглухо закрыты, хотя бока и крыши зияли пробоинами от осколков орудийных снарядов и авиационных бомб. Если колеса были в сохранности, их гнали к нам, на переоборудование.

Был среди нас мальчик, очень странный человек. Он знал множество стихов, но урывками, строчками. Одну и ту же строчку он мог повторять целыми днями, и она всегда получала какой-то новый смысл, когда он говорил: «Европа мне напомнила гранату со снятым неожиданно кольцом».

Мы шли вдоль состава, исчерченного пулями и надписями. «Европа мне напомнила гранату со снятым неожиданно кольцом». Что-то было в этой строке важное, чего мы тогда еще понять не могли.

Это были новые стихи, которые он находил в журналах. Их еще не было ни в книгах, ни в сборниках. Да и попадали они в наши руки редко, эти книги. «Далека, далека эта песня, знойный август обжег кусты, и три месяца мне неизвестно, что с тобою и где же ты...» Это был август 1941 года. Наверное, тогда поэту, сложившему стихи, еще не приходило в голову, что война будет долгой, не три месяца, а четыре бесконечных года.

Мальчика со стихами звали Сергей Муратов. Он вырос в военной семье. Толстые стекла его роговых очков отделили его от военной службы в будущем. И он считал это какой-то своей виной.

С ним всегда происходило нечто такое, что касалось каждого из нас. Это был удивительный человек. Я думаю, что он мог бы стать большим поэтом. Не

потому, что он помнил и повторял удивительные строки стихов, а потому, что он слышал голос времени.

Впрочем, он мог бы стать и выдающимся историком. И вообще, где бы он ни оказался, ему, наверное, предназначалась какая-нибудь особенная участь, неотделимая от судьбы его поколения.

В пустых вагонах, в которые мы проникали через пробоины, мы находили обрывки писем, фотографии, газеты. Он собирал эти бумаги, уверяя нас, что со временем они станут документами нашей эпохи.

— Чаще всего, — говорил он, — историческим документом становится именно то, чему современники не придают значения.

В обрывке какого-то письма говорилось о Заячьей горке. О горке, на которой во время половодья собираются зайцы. Совсем простое, сельское, невоенное письмо. Только вскользь упоминалось Варшавское шоссе и какая-то деревня Фомино. Писал неизвестный солдат, имени которого разобрать было невозможно. Письмо, по-видимому, было неотправленным...

И адреса на нем тоже не было. Обрывок листка из ученической тетради. Письмо, написанное химическим карандашом. Были там такие строки: «Как там поживают мальчишки с нашей улицы? Живы ли они?» Этот вопрос не показался нам странным. Многие из нас были под бомбежками, кочевали по вокзалам в дни эвакуации, холодали и голодали на открытых платформах, жили где попало... Женька Серафимов говорил, что под мостом спать плохо, потому что мосты бомбят по несколько раз, даже если они уже разрушены. Гораздо спокойнее бывает в открытом поле, подальше от дорог и строений: если найдется сухая воронка, то лучше всего. По теории вероятности второй снаряд в одну и ту же точку не попадает.

— Так говорил Паскаль, — сказал Серафимов.

— А ты его видел? — спросил вдруг кто-то.

— Нет, — ответил Женька. — Паскаль жил в семнадцатом веке.

— Тогда и бомб таких не было...

— Бомб не было, а теория вероятности была, — заметил Сергей Муратов.

В тендере разбитого паровоза среди всяких обломков и сора мы нашли полевую сумку. Было уже поздно, темно. И кто-то зажег спичку. В желтом пламени мы увидели в руках Сергея гранату. И в следующий миг прозвучал его срывающийся голос:

— Кольцо!

Он отбросил гранату, и мы выкатились под насыпь.

Над нашими головами просвистели осколки. Война, таившаяся в тендере паровоза, накрыла нас пылью, толкнула взрывной волной.

Мы поднялись и увидели Муратова, зажимавшего рукою плечо. Из-под его ладони сочилась кровь. Он едва успел спрятаться за железную переборку, отделявшую тендер от кабины машиниста.

Когда мы вышли из медпункта завода, Сергей сказал:

— Нет, ребята, наши раны не в счет. Они достались нам даром... Одно только принадлежит нам по праву — память. «Европа мне напомнила гранату со снятым неожиданно кольцом».

4

Она была похожа на Любовь Орлову.

И ее называли актрисой.

Она укладывала косы валиком и носила шапочку с загнутыми вверх маленькими полями.

Ее все любили.

Она прекрасно пела «Лунный вальс». Это была тогда песенка из кинофильма «Цирк»:

Мери едет в небеса.

Мери видит чудеса.

Вместе с солнцем и землей

Закружился шар земной.

Мы тогда работали в котельном цехе.

Крыша цеха была стеклянная. Она поднималась над стенами и держалась на угловых металлических опорах. А по стенам были проложены рельсы. По этим рельсам передвигался мостовой кран, перекинутый поперек цеха, от стены к стене.

Мостовой кран был снабжен мощным механизмом, который позволял поднимать и переносить из одного конца цеха в другой огромные тяжести.

Стальной кран опускался и поднимался на любую высоту и к тому же перемещался по всей длине мостового крана.

Чем бы мы ни были заняты внизу, мы всегда чувствовали над собой эту громаду, неслышно скользящую и всюду поспевающую.

Грохот в цехе стоял такой, что своих голосов мы не слышали. Работали отбойные молотки, сбивающие накипь внутри паровозных котлов, размахивали раскаленными клещами клепальщики, гремели молоты.

Мостовым краном управляла маленькая женщина в ватнике. У нее под рукою была сирена. Если она видела, что кто-то зазевался и оказался под грузом, она включала сирену.

Техника безопасности была простая: если ревет сирена — оглянись!

Мы не сразу освоились с цехом и его правилами. Начальник смены опасался, чтобы с нами чего-нибудь не случилось. Забот у него и без нас было много.

Рабочих не хватало. Он нуждался в нашей помощи, но не хотел, чтобы мы попадались ему на глаза. На всех углах появились фанерные щиты с надписями: «Будь внимателен! Мостовой кран!», «Осторожно. Ток высокого напряжения!».

На каждом щите был рисунок. Девочка, похожая на Любовь Орлову, Головачев, взбирающийся по лестнице и потерявший шапку... Сходство было поразительное.

Плакаты эти рисовал сам начальник смены, который был художником-любителем.

Начальник смены был из фронтовиков. Правая нога не сгибалась в колене. И ему трудно было ходить по лестницам. Его раздражала наша беготня, в которой часто не было никакого толка и смысла.

— Цирк! — говорил он, глядя на Любовь Орлову, которая преспокойно сидела на полумесяце крюка мостового крана и смотрелась в зеркальце.

У Клавы не было замены. И тогда Леша Головачев стал просить ее, чтобы она научила его управлять краном. Леша был прирожденным механиком. По воскресеньям он уезжал к деду на подсобное хозяйство и водил трактор, старенькую машину, которую нужно было все время чинить.

Клава сказала:

— Да разве можно?

Ей казалось, что мостовой кран никому, кроме нее, служить не будет. Она управляла им со страхом и любовью. Кран казался ей каким-то одушевленным

существом. Чем-то вроде большой бодливой коровы, к которой чужого человека и подпустить страшно.

Однажды Клава опускала тяжелый груз на платформу. А там, на этой самой платформе, на которую должна была опуститься плита весом в несколько тонн, кто-то расстелил газету и положил на нее хлеб, луковичку и нож.

Клава остановила кран в двух миллиметрах от этого натюрморта. Каким образом она увидела со своей высоты все то, что было на платформе, понять было невозможно. Начальник смены объявил ей благодарность за мастерство.

Леша был настойчивым. Он принес Клаве целую корзину кукурузных початков с подсобного хозяйства. А у Клавы были дети дома. И она согласилась учить Лешу. Даже объяснила ему, как включается сирена.

Мы многому научились на заводе. И скоро перестали бегать без толку по лестницам: не хватало ни времени, ни сил.

И все же мы были тем, чем были тогда.

В конце обеденного перерыва, когда Клава еще не вернулась в кабину, Леша сдвинул мостовой кран, и огромный, вытертый добела стальными тросами крюк тихо опустился к ногам нашей актрисы.

И она прыгнула на стальную дугу, похожую на полумесяц, и поплыла над нами.

*Мери едет в небеса,
Мери видит чудеса.
Вместе с солнцем и землей
Закружился шар земной.*

Она была худенькая, в матерчатых брючках и лыжной курточке. Косы ее были уложены коронкой, и Клава всплеснула руками:

— Цирк!

Начальник смены тоже засмотрелся на Любовь Орлову, но потом сказал сердито:

— Мальчишки!

И голос его утонул в звуках заводского гудка, возвещавшего начало новой смены.

5

Ольга Николаевна вернулась из института поздно вечером. Она открыла ключом дверь подъезда и поднялась на второй этаж.

В квартире, как всегда, было очень тихо. В комнате горела лампа на тумбочке возле окна. Вера Васильевна, наверное, не слышала, как щелкнул замок.

И вдруг Ольга Николаевна заметила в передней неловко поставленный старый чемодан. Потом увидела Веру Васильевну в зеркале и бросилась мимо нее в комнату.

Там, укрытая пледом, отвернувшись к стене, на диване спала девочка.

— Катя! — вскрикнула Ольга Николаевна.

Девочка пошевелинулась, повернулась к ней лицом, но не проснулась, только смутная улыбка скользнула по ее губам.

Ольга Николаевна опустилась перед ней на колени.

— Катя! — повторила она и заплакала.

Вера Васильевна наклонилась, обняла ее за плечи и сказала дрожащим голосом:

— Успокойся! Она вернулась. Успокойся. Она так устала. Пусть спит. Потом...

— Доченька, — сказала Ольга Николаевна, как бы не слыша того, что говорила ей Вера Васильевна. — Вы видите, Вера Васильевна, она вернулась...

Ольга Николаевна называла свою свекровь по имени и отчеству и на «вы». Они никогда не были близки. Но теперь у них все было общим — и горести и радости. От прежних размолвок не осталось и следа.

Андрюша был на фронте.

— Теперь, — сказала Вера Васильевна, — ты можешь ему написать правду, что Катя вернулась.

— Да, да, — согласилась Ольга Николаевна, — теперь мы вместе напишем ему правду, что Катя вернулась. И пошлем ему фотографию. Боже мой, завтра воскресенье. Надо нам сняться всем вместе. Ведь он в каждом письме просит прислать фотографию. Теперь я понимаю: он нам не верил!.. Вера Васильевна, ведь он нам не верил? А она вернулась. Вы видите?

Ольга Васильевна хотела снова подойти к спящей девочке, но Вера Васильевна ее остановила:

— Она так устала, — сказала Вера Васильевна. — Пусть спит. Три недели в эшелоне...

— Доченька моя! — говорила Ольга Николаевна, чувствуя, что в ней поднимается какая-то смутная тревога. — Как она исхудала, совсем не похожа на себя.

— Нет, она очень похожа на Андрюшу, — сказала Вера Васильевна. — Я знала, что она вернется, у нее мой характер.

— Она ела что-нибудь? — беспомощно спросила Ольга Николаевна.

— Немного, — ответила Вера Васильевна. — И уснула за столом.

— А отец? — вдруг спросила Ольга Николаевна. — Почему вы ничего не говорите об отце? Что с ним?

Отец Ольги Николаевны перед самой войной приезжал в гости и увез с собой Катю в Воронеж. Он был учителем в сельской школе, любил далекие конные прогулки по окрестностям.

У него была уникальная коллекция рукописей, которые он собирал всю жизнь. Вера Васильевна решительно возражала против этой поездки. Но Николай Арсеньевич настоял на своем.

Вера Васильевна считала Николая Арсеньевича и Ольгу Николаевну людьми непрактичными, мечтателями. Говорила, что они погубят Катю, потому что позволяют ей, как амазонке, скакать на дикой лошади. Напрасно Ольга Николаевна убеждала ее в том, что лошадь совсем не дикая. Она сама выросла в степи и так же, как Катя, в четырнадцать лет любила лошадей.

Ольга Николаевна стояла выпрямившись перед Верой Васильевной. Их разделяла только бронзовая лампа, которая вдруг показалась Ольге Николаевне похожей на светильник с открытым пламенем, обжигающим лицо.

— Почему вы молчите? — повторила Ольга Николаевна. — Что с отцом?

Вместо ответа Вера Васильевна неловко придвинулась к ней, обняла ее и заплакала, спрятав лицо у нее на груди.

Николай Арсеньевич успел вынести из дома, зажженного фугасной бомбой, рукописи. «Это все, что я мог сделать для России», — сказал он.

И Катя привезла его коллекцию. Пронесла ее через смуты вокзалов, через эшелонные пересадки, через многие города. Ее вывезли вместе с учениками Николая Арсеньевича в эвакуацию и с большим трудом добрые люди, попутчики, кондукторши поездов довели до родного города.

Катя долго не могла поверить в то, что она дома. И только когда Вера Васильевна уложила ее на диван и укрыла стареньким пледом, как в раннем

детстве, она успокоилась и уснула. Ольга Николаевна не говорила ни слова, пока Вера Васильевна рассказывала ей обо всем этом. Казалось, она ей не верила...

Вера Васильевна положила на стол стопку бумаг, перевязанных суровой ниткой. Ольга Николаевна присела на стул и коснулась пальцами рукописей. Ей были знакомы эти бумаги.

Это было как прикосновение к отцу. Сквозь слезы она видела степь, отца в чесучовом костюме и в соломенной шляпе, еще совсем молодого, каким он был в те годы, когда она ездила вместе с ним разыскивать следы библиотек и архивов на местах, где некогда стояли старые усадьбы.

Письма Петра Великого, записка Сперанского, счет Орлова-Чесменского, миниатюра декабриста Бестужева... И еще тетрадка комментариев к этим находкам.

А кто напишет комментарий к жизни того, кто спасал эти бумаги из огня, от уничтожения, кто передал их в детские руки вместе с уверенностью, что это руки, способные спасти историю от забвения?

Воронежские рукописи лежали перед ней. Вера Васильевна стояла рядом. И Катя спала на диване, укрытая пледом.

Она свято исполнила то, что должна была исполнить.

— Мама, — позвала Катя, открывая глаза. — Это правда?

И она села на диване, протягивая к ней руки.

6

Школа работала в три смены. Утром приходили малыши, днем учились средние классы, а вечером парты занимали старшие школьники.

Уборку школы производили раз в неделю все вместе — младшие и старшие. Мыли полы, чистили стекла, починая парты, которые за неделю так расшатывались, что приходилось их заново сколачивать.

За партами сидели не по двое, а по трое и даже вчетвером. Тесно было, особенно зимой, когда сидели в пальто, потому что было холодно, а дров и угля не хватало. Замерзшие пальцы отогревали дыханием.

Молодых учителей в школе не было. Литературу нам преподавал Василий Никифорович Воскресенский. Седой старик, говоривший тихим голосом, как бы по секрету, о Пушкине и Толстом. Его жена приносила ему на большую перемену завтрак, завернутый в полотенце. Она вся светилась от худобы. И мы называли ее лампадкой.

Военному делу нас учил фронтовик с пустым рукавом. Он учил нас разбирать и собирать трехлинейную винтовку и ее затвор, повторяя наименование составных частей: «Стебель, гребень, рукоятка». А в армии уже был на вооружении автомат. Но автоматов мы еще не видели. Изучали плакат, на котором от каждой детали шли длинные стрелки к пояснительным надписям.

Писали мы не в тетрадях (тетрадей где-то было купить), а кто на чем, была бы лишь бумага, линованная или чистая, все равно: на бланках, на сшитых листках, на оборточной, на оборотной стороне афиш или просто на листочках из конторских книг.

Мелом очень дорожили. Не было мела, и заменить его было нечем. Иногда целыми неделями доска оставалась чистой: нечем было писать. Настоящие чернила тоже были редкостью. Поэтому искали чернильные карандаши, расщепляли их, и грифель разводили в воде. Получались хорошие лиловые чернила, похожие на довоенные. Только просыхали они очень медленно.

Впрочем, иногда нам выдавали тетради и карандаши, а также и стальные перья, по надобности, по необходимости, минимум, и мы их очень берегли.

Если у кого-нибудь ломается перышко, помочь ему было трудно. Запасных перьев не было. А вот ручка ломается — не беда: перышко можно вставить в камышинку или крепко привязать простыми нитками к тонко оструганной палочке.

Берестов писал мелкими буквами для экономии бумаги камышовой ручкой стихи тех лет:

*В извечной смене поколений
Судьбой гордиться мы должны.
Мы современники сражений
Дотоле неслыханной войны.*

Тетрадочку со стихами он взял с собой в больницу, куда попал в середине года, потому что у него началась подагра от недоедания.

Однажды к нам в класс пришел новичок.

— Давно я не был в школе, — сказал он, поживаясь.

Звали его Зяблов. Он пристал к воинской части, отходящей на новый рубеж. Прodelал с ней многокилометровый переход, пока его через несколько месяцев не отправили в тыл эшелонам.

Месяц он ехал в теплушке, питался на продпунктах, как солдат, и, наконец, добрался до нашей школы.

В городе он разыскал свою дальнюю родственницу, которая приняла его как родного сына, одела, как могла.

В нашем классе были дети отовсюду. Кто из Москвы, кто из Ленинграда, кто из Грозного, из Киева... Из великих и малых городов, к стенам которых подступила война.

Как-то мы пошли в кино. Смотрели картину «Подкидыш». А там Москва довоенная на экране. Лена Прохорова вскрикнула, когда увидела улицу Горького, а потом заплакала и не могла смотреть на экран.

— Ой, мальчишки! — сказала она. — Как я по Москве соскучилась!

Сестры Лихачевы ее утешали и успокаивали, потому что они были из Ленинграда. А про Ленинград тогда фильмов не показывали.

Зяблов досмотрел картину до конца и поехал. А потом, когда мы вышли из зала, стал рассказывать про отступление. Как он вышел из леса, увидел наших солдат и побежал к ним. И как в эшелоне печку топили щепками от разрушенной бомбой сторожки. А поезд шел медленно, и можно было спрыгнуть на землю и бежать рядом с вагоном, чтобы ноги размялись, а потом тебя втащат за руки в теплушку.

Кто из Москвы, кто из Ленинграда, кто из Киева — а домой всем хочется. Учительница наша Вера Васильевна была родом из Грозного.

Однажды она читала нам летопись. Хорошо читала. Повесть временных лет. Учила нас истории. Как пришли половцы и потянулись люди по дорогам, между собою тихо говоря: я был из такого-то города, я был из такого-то села.

— Я был из Ефремова, — сказал Зяблов.

И стало тихо.

Вера Васильевна опустила книгу и сказала:

— Дети мои!

И все увидели, что она плачет.

У нее два сына были на фронте.

В этот день мы больше ничего не читали.

Осенью нынешнего года исполняется три года с принятия постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью». За это время советами по работе с молодыми при творческих союзах, Советом творческой молодежи ЦК ВЛКСМ и подобными советами в республиках и областях, созданными в ответ на постановление, накоплен немалый опыт работы с молодой художественной интеллигенцией.

Одно из последних выездных заседаний Совета творческой молодежи ЦК ВЛКСМ состоялось в Армении, где Совет принял участие в ежегодном семинаре творческой молодежи республики, традиционно проводимом в Дилижанской долине.

Комсомолом республики совместно с творческими союзами и организациями создана стройная система эстетического воспитания молодежи, изучить которую ЦК ВЛКСМ рекомендовал всем СТМ страны.

В этом номере журнала мы публикуем два материала, рассказывающие о работе, проводимой в Армении по эстетическому воспитанию подрастающего поколения.

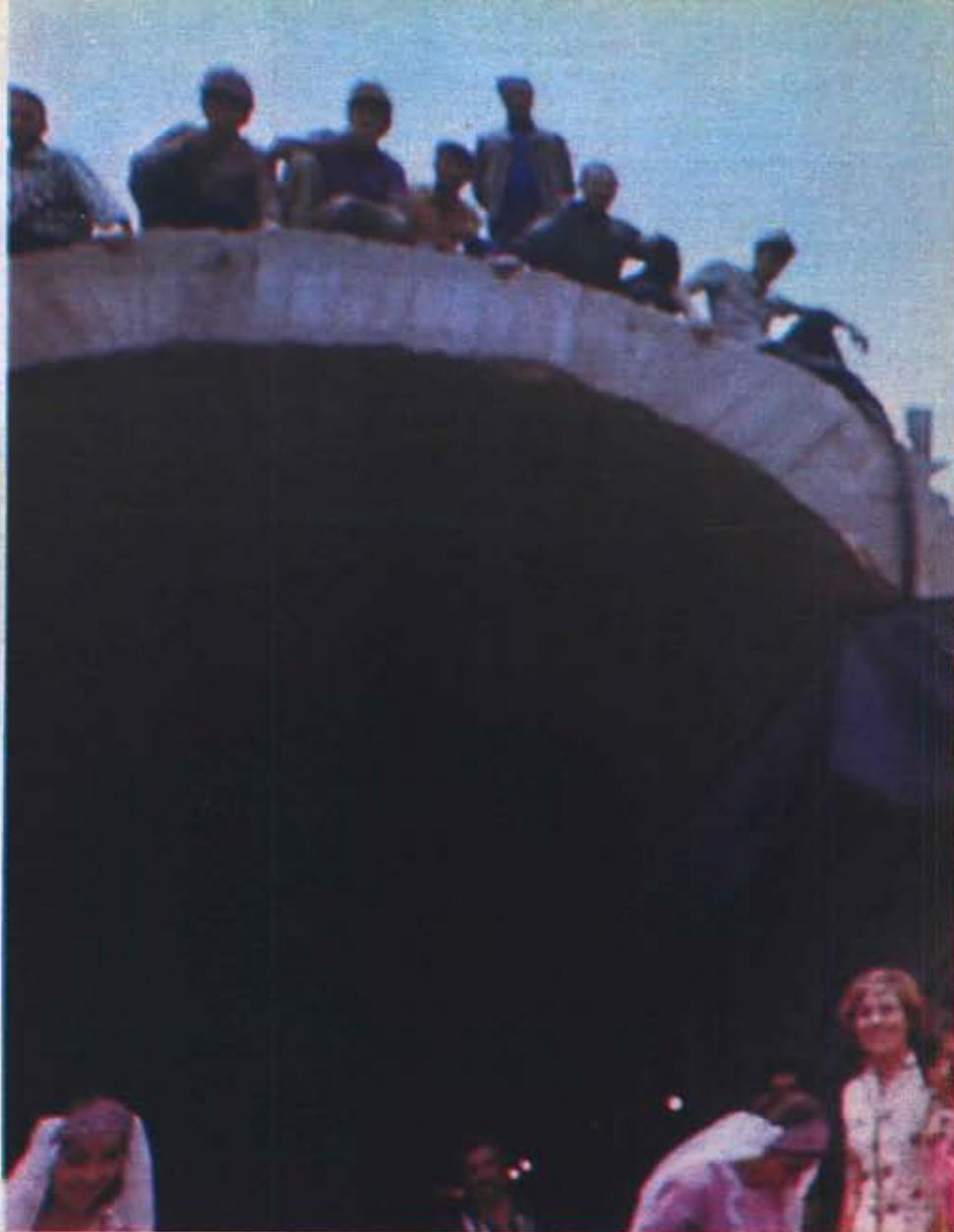


С секретарем
Центрального
комитета
ЛКСМ Армении
Фриком
МКРТЧЯНОМ
беседует
специальный
корреспондент
«Смены»
Валерий ЕВСЕЕВ

Дилижан — небольшой городок в северной Армении, известный в основном своим курортом и лечебной минеральной водой, состав которой выражается длинной, в целую строчку, химической формулой. Но в последнее время имя его стало все чаще звучать в разговорах людей, совсем еще не нуждающихся в услугах бальнеологической здравницы.

Встречаясь с молодыми деятелями культуры республики, непременно услышишь: «Когда я третий раз был в Дилижане...», «Мы с ним в Дилижане познакомились...», «В Дилижане мы решили...». Секрет популярности курортного городка среди творческой молодежи Армении прост: это место проведения ежегодных встреч молодых художников, артистов, композиторов, литераторов... И вряд ли сегодня заседание любой творческой организа-

Фото Сергея ВЕТРОВА



ДИЛИЖАНСКИЕ ВСТРЕЧИ



ции в Армении может пройти без ссылки на Дилижан.

Вот почему, начиная разговор, я попросил Фрика Ашотовича Мкртчяна рассказать о целях и задачах, которые ставил ЦК комсомола республики, организуя дилижанские встречи, о значении этих встреч.

— Нынешней весной представители творческой молодежи Армении в двенадцатый раз собрались в Доме творчества композиторов, который находится в Дилижане. С предложениями предоставить свои дома для проведения встреч обращаются к нам и другие творческие союзы, но Дилижан стал уже не просто традицией, он стал своего рода символом творческой жизни молодой художественной интеллигенции республики. «Изменить» Дилижану — значит хоть косвенно, хоть формально, но подвергнуть сомнению тот дух, ту атмосферу открытости, поиска, которые характерны для дилижанских встреч.

Здесь молодые музыканты, художники, литераторы, кинематографисты, актеры и архитекторы совместно с ведущими мастерами искусств, руководителями министерства культуры, творческих союзов, комсомольскими работниками подводят итоги сделанному, обсуждают свои планы, намечают, как говорится, новые рубежи. Потом эти планы рассматриваются и утверждаются на заседаниях Бюро ЦК комсомола, коллеги министерства, правлений творческих союзов. Таким образом «дилижанские задумки» приобретают статус совместной программы творческой деятельности на предстоящий год.

Однако это только одна сторона значения встреч в Дилижане. Не менее важной представляется и



ТРУППА МОЛОДЕЖНОГО ТЕАТРА — ВЫПУСКНИКИ ХУДОЖЕСТВЕННО-ТЕАТРАЛЬНОГО ИНСТИТУТА.



АРМЕНИИ НЕРЕСЕЯН ЗАНИМАЕТСЯ В АНСАМБЛЕ ПЕСНИ И ТАНЦА АРАГАЦСКОГО ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ. СЕГОДНЯ АНСАМБЛЬ ПРИЕХАЛ К СТРОИТЕЛЯМ ОРОСИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ.

другая, не имеющая итогового документального выражения, но весьма плодотворно сказывающаяся на самой атмосфере жизни молодых. Весенняя неделя в Дилижане — это неделя беспрестанных споров, столкновения мнений, поиска ответов на сотни вопросов... Собственно говоря, ради этого Центральный комитет комсомола республики и выступил с инициативой проведения регулярных встреч творческой молодежи.

Выражение «в спорах рождается истина» стало бесспорной истиной уже само по себе. Но от того, на каком уровне и как ведется спор, зависит и «удельный вес» рожденной истины. Вот почему мы решили вытащить молодого художника со «сквознячка» (так называют у нас маленькие кафе), где, окруженный приближенными почитателями, проповедовал он порой свои взгляды на искусство. Если тебе есть что сказать, чем поделиться, о чем поспорить — Дилижан к твоим услугам. Здесь ты можешь с открытым забралом скрестить мнения и с коллегами-соперниками и с именитыми, признанными мастерами. Разумеется, процесс «добывания» истины в таких профессиональных, порой нелюбимых, но всегда принципиальных спорах несравненно сложнее и труднее «сквознячкового», где немые поклонники-дилетанты жадно ловили каждое слово «непризнанного гения», но, как говорится, тем дороже и ценнее добытая истина. И самый главный результат таких открытых обсуждений — мы сумели развенчать бездарных болтунов-демагогов и действительно помочь тем, чей талант нуждается в поддержке.

Неделя в Дилижане — это еще и новые знакомства, новые творческие контакты служителей разных муз. При каждом творческом союзе существу-

его мировоззрению. Мысли о жизни, которые писатель, художник, композитор воплощают в своих произведениях, те идеи и чувства, которые они вкладывают в них, не даны от рождения. Духовному формированию творческой личности, повышению ее идейно-нравственного потенциала мы уделяем основное внимание.

Центральный комитет комсомола Армении совместно с творческими союзами, учреждениями культуры разработал и осуществляет большой комплексный план мероприятий, способствующих формированию марксистско-ленинского мировоззрения, повышению общественно-политической активности творческой молодежи. Кроме традиционных форм этой работы, таких, как создание в крупных творческих организациях базовых кружков комсомольской политучебы, проведение семинаров-совещаний по актуальным вопросам развития нашего общества, важное значение мы придаем созданию условий, помогающих молодому художнику воочию увидеть то, что называется трудовыми буднями, лучше узнать жизнь рабочего класса, крестьянства. Особенно активизировалась эта деятельность после постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью». За последние три года в нашей республике удвоилось число молодых творческих работников, которые по путевкам комсомольских организаций, творческих союзов, редакций побывали на ударных комсомольских стройках, выступали с творческими отчетами на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах республики, стали инициаторами передвижных выставок, диспутов, проведенных в рабочих коллективах.

Должен сказать, что маршруты наших молодых художников, композиторов, литераторов, артистов не ограничиваются границами республики. Большая дружба связывает молодых представителей нашей творческой интеллигенции со строителями Западного участка БАМ, где трудятся посланцы комсомола Армении. Частые гости там наши агитбригады. Не так давно в Звездном открылась постоянно действующая галерея работ, подаренных строителям молодыми художниками Армении, выпущена грампластинка «Песни о БАМе», явившаяся результатом поездки композитора Врета Григоряна, а документальная повесть «Приближающийся океан и удаляющиеся люди» Меружана Тер-Гуляна была в прошлом году отмечена премией Ленинского комсомола Армении.

— Фрик Ашотович, наряду с премией комсомола республики у вас присуждаются и ежегодные премии...

— В 1977 году ЦК ЛКСМ Армении совместно с Министерством культуры, Госкомиздатом, Госкино Армянской ССР, творческими союзами и обществами Армении учредил премии за лучшую работу года в различных областях искусства. Присуждение

ТРЕЧИ



АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ, В КОТОРЫХ УЧАСТВУЕТ МОЛОДЕЖЬ, ПРИУЧАЮТ БЕРЕЖНО ОТНОСИТЬСЯ К КУЛЬТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ ДАЛЕКИХ ПРЕДКОВ.

СВЫШЕ СТА ТЫСЯЧ РАБОТ В ФОНДАХ ЕРЕВАНСКОЙ ДЕТСКОЙ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ.

ИСКУССТВО СТАРЫХ МАСТЕРОВ—ВАРПЕТОВ—ВДОХНОВЛЯЕТ ТВОРЧЕСТВО СЕГОДНЯШНИХ ХУДОЖНИКОВ.

ют свои советы по работе с молодыми, которые проводят большую и плодотворную работу, но мы считаем, что необходимо и такое широкое, «вневедомственное» общение между собой различных категорий творческой молодежи. Оно позволяет комплексно, «всем миром» решать актуальные и подчас непростые вопросы культурной жизни.

Нынешняя встреча в Дилижане была особой. Мы высоко ценим внимание и поддержку СТМ ЦК ВЛКСМ, которые он оказал нам, проведя свое выездное заседание в Армении.

— На мой взгляд, выбор места этого выездного заседания связан с тем, что в вашей республике действительно накоплен очень интересный опыт работы по эстетическому воспитанию молодежи. Опыт, который должен стать достоянием всех. В связи с этим хотелось бы узнать, что вы считаете главным в работе республиканской комсомольской организации с творческой молодежью.

— В основе воспитательной работы нашей комсомольской организации с творческой молодежью лежит задача максимально приблизить ее к жизни трудового народа, привить потребность служить своим творчеством делу партии, делу коммунизма.

Как известно, решающая роль в развитии таланта художника, в развитии мастерства принадлежит



ВОЙДИ И

Дети рисовали всегда. Если нет красок, кистей, бумаги, рисовали мелом, углем, прутьями на песке, во все времена, во все эпохи. Мы не можем сказать, что, допустим, в XIII веке не было талантливых детей, просто не сохранилось (причем ни в одной стране не сохранилось) примеров детского творчества. Айвазовский, кстати, в детстве рисовал углем на стенах...

Маленькие талантливые художники были на всем земном шаре всегда, просто в наше время детям повезло: стали экспонировать, собирать, изучать детское творчество. В нашу эпоху впервые поняли, что изобразительным талантом ребенка можно не только восторгаться, но и надо сделать его всеобщим достоянием.

Детское творчество в каком-то смысле выглядит выигрышнее: в нем больше искренней красоты, меньше назидательности, претенциозности, лжеавторства и конъюнктуры, чем в ином «взрослом» искусстве. Есть ли какал-нибудь еще область творчества, в которой дети могут выразить себя полнее, чем в рисовании? Думается, нет. Почему?

Для того чтобы ребенок написал рассказ или стихотворение и записал его, надо знать буквы и уметь читать! Для того, чтобы он сочинил музыку и сам зафиксировал ее, надо научиться владеть нотой, музыкальной грамотой. Словом, все виды творчества, кроме рисования, требуют времени для приобретения определенных навыков. Иное дело рисование. Рисование наиболее доступное творчество для всех детей.

Дети, как это ни странно, гораздо активнее, чем взрослые: они молниеносно откликаются на все события, которые происходят в мире. Ведь это поистине удивительно: еще ни один художник не успел подумать о космической теме, как буквально весь мир был заполнен детскими рисунками, посвященными космосу.

Мне встречались грустные, более того, трагические мотивы в детских работах. Я видел в Праге выставку детей, творчество которых родилось в гетто. Я видел работы детей, созданные в тяжелых условиях ленинградской блокады. Дети от такой жизни не становились злыми, но они удивлялись злобе взрослых и глубоко, реалистично запечатлевали, кто как мог, это свое удивление: на клочках картона, на кусочках фанеры, углем, огрызком карандаша, на оберточной бумаге. И должен сказать, что эти детские рисунки говорят о времени не меньше, чем, положим, многие большие сюжетные композиции взрослых художников.

К счастью, наши дети видят мир прекрасным — в этом они не только великие оптимисты, но и великие реалисты.

Взрослых художников привлекают живость и непосредственность, с которой дети откликаются на то, что их волнует, и в первую очередь то, как они это делают. Не имея специальных

познаний в цветоведении, композиции, рисунке, дети удивительно точно komponуют рисунок, удивительно ощущают гармонию автономии линии и цвета. Мы сталкиваемся с такими решениями, где ребенок сочетает локальные цветовые пятна с глубоким ощущением количественных отношений цвета. В отличие от взрослых в детских работах эклектики никогда не бывает, ибо эклектика — результат неверно переваренной информации. Наплыв информации у взрослых художников приводит их нередко к растерянности. Ребенку это не угрожает. На многие проблемы, возникающие перед взрослыми художниками, дети дают четкий, определенный ответ.

Всемирно известные художники Сикейрос, Гуттузо, Рефрежье, побывавшие в нашей галерее, рассматривали работы детей с восторгом и серьезным пониманием.

Притягательность ребячьих рисунков в том, что любой мотив, вынесенный из жизни, дети превращают в красоту благодаря непосредственности восприятия.

То, что кажется нам у детей нелепым, нередко на самом деле является результатом нарушения обычности, причем не надуманным нарушением, во имя оригинальничанья, претенциозности, как очень часто бывает у взрослых художников, а естественным и логичным самовыражением.

Это взрослые ищут — дети просто находят.

Тот, кто видит детские рисунки время от времени, как правило, только удивляется ими. Умиление — вот все, что он выражает, а при постоянной и серьезной работе с детскими рисунками на смену умилению приходит серьезное чувство, рисунки начинают доставлять глубокую радость, приносят знание.

В детском творчестве, особенно у самых маленьких, момент стихийности является главным. Все в итоге определяется той богатой фантазией и тем чистым видением, которые более значительны, нежели конкретная информация, получаемая ребенком из жизни.

Приведу такой пример. К нам должны были приехать итальянцы: в Армении проводились Дни итальянской культуры. И мы решили сделать сюрприз к их приезду — экспозицию рисунков наших детей об Италии.

Дали тему детям, показали открытки, рассказали — в основном о Венеции — о стране, и произошло чудо, буквально чудо! Дети создали такие сценки, связанные с жизнью итальянского народа, такие пейзажи, что потом, когда мы получили из Рима 250 работ итальянских детей и выставили эти работы (колоссальная выставка!), оказалось, что итальянские мотивы выглядят на рисунках наших детей интереснее, активнее, богаче, смелее, чем на рисунках детей, живущих в Италии. О чем это говорит? Конечно, мы не хотим этим сказать, что дети Армении рисуют талантливее (дети талантливы во всех странах мира одинаково, и везде они рисуют прекрасно!), но это доказывает, что в основе детско-

го творчества лежит воображение. Что больше всего детская творческая активность развивается там, где есть место воображению.

Мы только что говорили о том, что дети первыми стали рисовать на космические темы. Но можно добавить, что сейчас эта тема, кажется, иссякла, вернее, не вызывает у детей такого интереса. Что, детям надоел космос? Конечно, нет. Но появилось столько реалистического изобразительного материала на эту тему, что им стало труднее фантазировать.

Детские работы значительны. Сила детского искусства в лаконичности, сосредоточенности и концентрированности мысли. Именно потому, что ребенок лишен многих комплексов, которыми почти без исключения заражены многие взрослые художники. Каждый ребенок — это организм, который откликается на все, что его окружает, радостно и полнокровно. Информация, полученная взрослым художником, в силу его интеллекта овладевает им гораздо в большей степени, нежели ребенком. Ребенок воспринимает доступную ему сущность жизни и выражает свое отношение к ней в самой непосредственной форме.

Свобода развития ребенка заключается прежде всего в том, чтобы взрослые сумели раскрыть в ребенке задатки, которыми он обладает от природы, всячески способствовали бы его развитию. Ребенок должен постоянно чувствовать внимание взрослых, но оно ни в коем случае не должно быть навязчивым и назойливым. С ребенком необходимо вести себя так, чтобы у него возникала естественная потребность общаться со взрослыми. Ребенок не должен приспосабливаться к взрослым, но и взрослые не должны приспосабливаться к детям. Это должна быть дружба равных.

Когда 13 марта 1970 года в Ереване открылась первая в мире Детская картинная галерея, мы вместе с одним из основателей галереи, Жанной Агамирян, планировали многое из того, что сегодня зримо вырисовывается, обретает жизнь.

Первая выставка называлась «Рисуют дети Еревана». Это естественно, ведь у нас тогда не было еще столь широко развитой «дипломатической» работы по установлению контактов с республиками и другими странами. Но, несмотря на это, уровень выставки был достаточно высоким, о чем свидетельствуют работы, вошедшие с первой выставки в основную экспозицию.

Кроме периодических выставок, у нас есть постоянная выставка, что, собственно, и позволяет называть наш дом музеем, а не просто выставочным залом. Постоянная экспозиция — наша гордость. Уровень работ, собран-

ных в основной экспозиции, особенно высок. Ведь для нее отбираются лучшие работы со всех выставок и поступлений в галерею. От их качества зависит авторитет галереи, как это и бывает во всяком настоящем музее. Качественный критерий во многом стимулирует дальнейшее развитие детского творчества в республике. Он обязывает не только детей, но и взрослых...

Все началось с того, что в витринах уже полученного, вернее, только-только еще выделенного для галереи помещения, появились афиши с призывом ко всем детям Еревана: «Всем! Всем! Всем детям Еревана! Приносите свои работы!»

Наши ожидания не только оправдались, но и превзошли себя. Ежедневно приходилось рассматривать очень большое количество работ. Оказалось, как ни странно, что этого приглашения ждали. Ждали не только взрослые — организаторы галереи, — но и самые маленькие художники, которые рисовали и, конечно, даже не подозревали, пока еще не было галереи, сколько ценного в том, что они создают, как много красоты в их работах и как это всем нужно. Это было начало.

Нам очень помогли несколько педагогов, у которых были детские рисунки, основой же для первой выставки детского рисунка у нас в галерее стала экспозиция, организованная Жанной Агамирян, работавшей тогда инспектором по эстетическому воспитанию в городском отделе народного образования и ставшей в дальнейшем первым директором первой в мире детской картинной галереи.

Ну, а дальше — в наш век колоссальной информации это делается просто — пресса, радио, телевидение разносили весть о маленькой галерее по всей большой планете. И адрес нашей галереи стал известен в самых неожиданных уголках нашей планеты.

Галерея приобрела настолько большую популярность, что сегодня, кроме афиш и нескольких работ, сопровождающих каждую афишу в витринах галереи, мы практически никакой рекламой не занимаемся.

Можно сказать, что это один из наиболее посещаемых музеев Еревана. Вряд ли найдется хоть один гость, посетивший столицу Армении, который не побывал бы в галерее. Нередко в дни открытия новых выставок не все желающие могут попасть в галерею в первый день. Мы считаем, что лучшая педагогика — это меньше наставлений и больше атмосферы. Та атмосфера чистоты, света, порядка, которая царит в галерее с первого дня ее возникновения, воздействует на детей гораздо больше, чем иногда таблички с надписями: «Не сорить! Не курить! Не шу-

этих премий позволяет нам более оперативно оценивать достижения текущей художественной жизни и тем самым стимулировать ее развитие в нужных направлениях. Говоря о «нужных направлениях», я отношу не хочу, чтобы меня поняли прямолинейно: дескать, присуждаются премии за произведения лишь на производственную тематику. Несомненно считая, что тема трудового воспитания — одна из важнейших для молодых деятелей литературы и искусства, мы, разумеется, далеки от желания установить им какие-то тематические рамки. Художник волен в выборе «объекта исследования» своего произведения. Пусть на полотне живописца будет изображен просто натюрморт — это его право, но пусть этот натюрморт будет произведением подлинного искусства, которое способно разбудить в человеке чувства, делающие его выше, чище, сильнее... Быть на уровне требований

эпохи — вот что мы понимаем под «нужным направлением» развития творчества.

Важно отметить и то, что лауреатами премии за лучшую работу года могут стать не только профессиональные мастера искусств. Так, например, одним из первых победителей ежегодного конкурса в области живописи стал художник-самоучка Размик Арзуманян.

— Понятие профессиональности и самостоятельности в сегодняшнем искусстве — вопрос очень тонкий. Бывает, что коллектив художественной самостоятельности выступает значительно профессиональнее (в хорошем смысле этого слова), нежели иной ансамбль филармонии...

— Согласен с вами и могу привести немало тому примеров: камерный оркестр Ереванского политех-

нического института, ансамбль танца Дворца культуры алюминиевого завода...

— Тем не менее коллективы эти не являются профессиональными, по крайней мере с точки зрения отделов кадров, поскольку их участники отдают искусству лишь свободное время, работая на заводе, занимаясь в институте и т. д. Иными словами, к категории творческой молодежи они не относятся. Значит ли это, что они остаются вне сферы влияния Совета творческой молодежи при ЦК комсомола республики?

— Ни в коем случае. Во-первых, основная, я бы сказал, стратегическая задача Совета творческой молодежи, как и всей художественной интеллигенции, — это в конечном счете повышение уровня культуры советских людей. Воспитать в каждом

УДИВИСЬ

меть!» Каждый ребенок понимает, что он пришел в свой дом, в свой музей, ему интересно, уютно, его окружает красота, единственное проявление его активности может выражаться в шумных или громких восторгах перед работой сверстника, смехом, удивлением — это у нас не запрещено.

Безусловно, строгий отбор — самый главный стимул воспитания уважения к искусству. Галерея играет принципиальную роль в выработке критериев для оценки детских рисунков. Нас радует то, что рисуют все дети, но это вовсе не означает, что каждый детский рисунок являет сам по себе искусство и что мы можем экспонировать все, что дети рисуют.

Одно дело — самое широкое участие детей в изобразительном творчестве, другое — талантливые дети, которые не просто любят рисовать, а, рисуя, фактически создают произведения искусства.

Во всяком музее могут быть экспонированы только работы, безусловно, талантливых людей, будь то взрослые или дети. Иначе не существовало бы понятие об искусстве, а сама жизнь музеев казалась бы бессмысленной. И нас детские работы интересуют не только потому, что они детские, а потому, что они являются фактом искусства.

Ребенок — это личность. Сам факт выставки повышает его чувство ответственности, он серьезнее относится к себе, к своей работе. Мы уже не боимся того, что маленький мальчик в коротких штанишках играет концерт со взрослым симфоническим оркестром. Мне думается, что вообще мы должны относиться к детям с большим доверием, ибо то, что взрослым иногда кажется игрой, для детей — серьезное дело. И потом не забудьте, что ребенок экспонирует свои работы не в среде взрослых мастеров, а в своей детской галерее. Неужели можно думать, что если маленькая девочка участвует в международных показательных выступлениях на льду, то это пойдет ей во вред? Почему мы не думаем о громадной пользе для остальных детей? «Вот и я так могу, — может сказать каждый из них, — вот и я должен к этому стремиться!»

Вообще педагогическая опека скрывает становление личности: «Он еще маленький! Нельзя его баловать! Нельзя его хвалить!»

Ведь не помешало же признание семилетнему Моцарту стать Моцартом! Не надо обрушивать на детей наши взрослые честолюбивые надежды. Они для детей бывают непосильными. Мы все должны точно знать, что из талантливого ребенка вовсе не обязательно вырастет гениальный художник, и даже в самой глубине

души не должны ожидать этого. Давайте ценить детство за детство, а не за то, что оно обещает в будущем. Талантливые дети не становятся значительными художниками по разным причинам. Может быть, с взрослением у ребенка появится интерес к другой профессии. Может быть, он вообще утратит интерес к искусству — и так бывает. Может быть, у него просто кончатся запасы творческой фантазии, творческого начала, творческого потенциала. Наша цель в другом. Тот, кто рожден художником, тот им и будет. Художниками очень часто становятся и те, кто в детстве не рисовал, например, наш выдающийся современник, армянский художник Минас, талантливый живописец Ашот Ованисян — они росли в деревне, никогда не видели кистей, красок, произведений живописи, но если человек талантлив от природы, этот талант обязательно проявится.

Смешно допускать, что самый талантливый ребенок мог бы создать «Джоконду» или «Страшный суд». Но это вовсе не означает, что к детскому творчеству мы не должны подходить с позиции искусства и не должны его оценивать как искусство. Просто это детское искусство. Оно имеет свои законы и достойно самого большого уважения. И только в том случае, если взрослые художники сохраняют детскую непосредственность, то чистое видение мира, которым обладают дети, только в этом случае они могут достигнуть настоящих высот искусства. Ведь в чем сила талантливых художников? Чем нас радуют Матисс, Миро, Аршил Торки, Пикассо, Сарьян, Минас? Тем, что они, сделавшись большими профессиональными художниками, сохранили чистое и непосредственное отношение к жизни, не потеряли способности радоваться, удивляться и восхищаться.

В искусстве главное не демонстрация навыков, а выразительность. Научиться рисовать может каждый человек, а художники рождаются редко. Ведь не каждый человек, изучающий азбуку, становится писателем, или изучающий музыкальную грамоту — композитором. Они просто приобретают знания. Истинность педагога заключается в умении видеть не класс, а каждого ребенка. Безусловно, к одаренным детям в рисовании он должен относиться с большим вниманием, с большей отдачей времени, не ограничиваясь только часами, отведенными на рисование. Не случайно все хорошие педагоги по рисованию создают в школах кружки, где собираются одаренные дети. К детям же с обычным дарованием он должен относиться с таким же вниманием, прививая им художественные навыки. Что такое

ошибки в детском творчестве? Если убирать эти «ошибки», детский рисунок лишится выразительности. Ведь «что-то не так» — это с точки зрения взрослого человека. Ребенок рисует так, как он ощущает и умеет. Если ребенок рисует усы под глазами, значит, так он видит, значит, так он чувствует это лицо и его особенность. Поместите усы куда им положено — под нос — и нет творчества. Когда Ренуара спросили, почему ваша кошка не похожа на настоящую, он ответил, что настоящих кошек производит мой кот, а я занимаюсь живописью.

Без преувеличения можно сказать, что наш Музей детского творчества приобрел международный авторитет, слава о нем разнеслась далеко за пределами маленькой Армении, об этом свидетельствуют и многочисленные награды, грамоты, медали армянских ребятишек и многочисленная пресса.

На международном симпозиуме в Токио, посвященном проблемам эстетического воспитания детей и юношества, после моего доклада, сопровождаемого красочными слайдами, демонстрирующими уровень детского рисунка Армении, японские специалисты с видимым сожалением отметили: «Музей детского творчества мог родиться только в социалистической стране. Капиталистическому государству дела нет, а частные лица не заинтересованы». Как-то на встрече в Армянском обществе культурных связей с зарубежными странами такую же мысль выразили представители США. Многочисленные записи в книге отзывов детской картинной галереи буквально заполнены словами восхищения, преклонения, восторга.

Галерея начиналась с небольшой выставки, в настоящее время ее фонды насчитывают 1 000 000 экспонатов, среди них работы детишек из 60 стран мира. Здесь успешно проходили персональные, групповые, республиканские, всесоюзные, международные выставки. Большое количество рисунков армянских детей успешно экспонировалось во многих странах мира. Родились замечательные традиции: выставки выпускников с напутствиями в мир взрослого искусства, в училища, институты; праздны «Рисуют дети на асфальте» (ежегодно 20 мая) на площади Оперного театра.

Создание Музея детского творчества Армении способствовало выявлению новой творческой энергии среди молодежи, появились художники-педагоги, которые не ограничились обычными стандартизированными методами преподавания, не приводящими, как показала практика, к каким-либо ощутимым результатам. Профессия художника-педагога требует особого таланта, вкуса, такта, новаторских открытий, постоянных поисков новых форм и методов работы, применяющихся нередко индивидуально и прежде всего с учетом возрастных особенностей детей. В этом смысле значительную роль сыграл талантливый коллектив изобразительного сектора Дома художественного воспитания детей города Еревана под художе-

ственным руководством Асмик Акопян. Чудо красоты — иначе не назовешь потрясающее по красоте и выразительности творчество их воспитанников.

Выпускники Ереванского художественно-театрального института Асмик Акопян, Эльза Акопян, Эрнэ Есаян, Эрнэ Манукян несколько лет практически разрабатывают проблемы эволюции детского творчества с особым акцентом на тот этап возрастного развития, который именуется переходным. Смысл их творческой, во многом экспериментальной педагогики сводится к реализации компактного синтеза интуиции с ремеслом, который является связующим мостиком между детским и юношеским творчеством и послужит реальной базой для вступления в большое искусство. Перспективы детского творчества безграничны, формы и методы разнообразны, тогда как в основном все сводится к рисункам, выполненным фломастерами, карандашами, акварелью и гуашью.

Выставка декоративно-прикладного искусства учащихся Дома художественного воспитания, вторая по счету, опровергает этот несколько застоявшийся догматический подход. Стены галереи украшены куклами, масками, аппликациями, вышивками, мозаикой из спичек, впервые выставлена и керамика. Последовательность и уверенность педагогов, умение привлечь детей к более сложным постановкам привели к новым замечательным результатам. Вторая выставка вновь подтвердила правильность выбранного пути. Акцент деятельности галереи на экспонирование декоративно-прикладных работ не случаен, причем эти выставки функционируют целый год и лучшие экспонаты входят в постоянные фонды. Это подчеркивает ту позицию, которую мы занимаем по отношению к традициям народных ремесел и их дальнейшему развитию. Таким образом, галерея не только стимулирует деятельность детей и педагогов, но и направляет их по определенному руслу.

Рассматривая прекрасную экспозицию Музея детского творчества, мы не можем с особой благодарностью не вспомнить имена художников-педагогов Эдуарда Харазяна, Сатеник Топузьян, Аветика Акопяна, Варгана Айвазяна, Камо Тумасяна, Арусяк Паронян, Каре Мкртчяна и всех педагогов изобразительного сектора Дома художественного воспитания детей города Еревана.

Каждая очередная выставка выливается в праздник красоты, который посещают тысячи детей и взрослых из разных концов Советского Союза и многих зарубежных стран. Небольшое помещение на улице Абовяна, 13 буквально превратилось в место паломничества, вряд ли найдется хоть один гость нашей столицы, который обойдет Детскую картинную галерею: А сколько было скептиков даже среди весьма компетентных людей, которые относились с сомнением, недоумением:

Окончание на 4-й обложке.

молодом человеке чувство прекрасного — вот та благородная цель, ради которой поэты слагают стихи, художники пишут картины, артисты выходят на сцену... Кастовость везде отвратительна, в искусстве особенно. Настоящее дарование всегда щедро. И я не поверю в талант художника, который равнодушно пройдет мимо «колдующего» над листом бумаги и красками парнишки. Художественная самодеятельность — одно из величайших завоеваний нашего общества. И чем масштабнее задачи встают перед обществом, тем актуальнее становится выдвинутая Лениным проблема формирования «всесторонне развитых и всесторонне подготовленных людей, людей, которые умеют все делать». Роль искусства и культуры, составной неотъемлемой частью которых является художественная самодеятельность, в воспитании таких людей все более возрастает. Во-вторых, мы хорошо знаем «закон

пирамиды», который действует в искусстве так же, как и в спорте, — чем шире основание, тем выше вершина. Без массовости не может быть ни рекордов, ни выдающихся творческих свершений.

Вот почему работа с самостоятельными коллективами, самостоятельными художниками, музыкантами, литераторами не только не остается вне сферы влияния СТМ, но и является одним из основных объектов его пристального внимания. Например, секция литературы СТМ при ЦК ЛКСМ Армении своей главной задачей считает работу с членами двадцати литобъединений, созданных на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах республики. О результатах этой деятельности говорит хотя бы тот факт, что за последние два года по рекомендации СТМ из числа членов литобъединений принят 20 человек в Союз писателей.

Не обойдены заботой и те самостоятельные кол-

лективы, которые я назвал в качестве примера. Именно благодаря поддержке и помощи профессионалов их мастерство достигло столь высокого уровня. Заводской танцевальный ансамбль — лауреат премии Ленинского комсомола Армении, лауреат XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Гаване. Во многих городах страны и за рубежом демонстрировал свое искусство студенческий оркестр. Вероятно, кто-то из членов этих коллективов перейдет на профессиональную сцену, большинство же останутся верными своей основной профессии. Важно то, что каждому из них на всю жизнь привит вкус к художественному творчеству...

— Фрих Ашотович, все равно большая часть людей остается просто зрителями, просто слушателями, просто читателями...

— Мы стремимся предоставить каждому человеку возможность заниматься тем, чем он хочет. Для этого нужно создавать широкую сеть различных творческих кружков, студий, объединений, молодежных клубов. Мы сейчас считаем своей задачей создать молодежные клубы в каждом районном центре. Именно клубы, а не молодежные кафе, которые зачастую «открываются» очень легко: повесили на вчерашнюю столовую «молодежную» вывеску — и дело сделано. Суть не в названии, не в «молодежном» выборе закусок, главное — дать молодежи возможность общения. Общения активного, творческого. Поэтому мы и стараемся не просто предоставить молодому зрителю возможность посмотреть то или иное произведение искусства, но и помочь ему встретиться с автором, высказать свое мнение.

Именно таким центром гармоничного развития молодого человека, несомненно, станет открытый в Ереване великолепный Дворец молодежи. Здесь уже действуют выставочный зал, дискотека, в дальнейшем будут открыты различные художественные секции, Клуб творческой молодежи. Во дворце создаются все условия для неформального, поистине творческого общения комсомольцев, для проведения различных встреч, обсуждений новинок искусства.

— Да, если бы спросили меня, что производит наибольшее впечатление в культурной жизни молодой Армении, я, не задумываясь, в числе трех самых ярких воспоминаний назвал бы Дворец молодежи. Похожий на тугой кукурузный початок, вознесся он над Ереваном, удивительно гармонично вписываясь в облик древнего города. Совершенство его архитектурных форм, по-моему, само по себе выступает талантливым учителем на уроке эстетического воспитания. Подобных



КАЖДЫЙ ДЕНЬ ЗВУЧАТ В ЭФИРЕ РАДИОПЕРЕДАЧИ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ ОБ ИСКУССТВЕ.

дворцов еще очень немного в стране. И такому прекрасному подарку, который получила молодежь республики, могут позавидовать самые крупные города.

— Возведение дворца — еще одно свидетельство постоянной заботы Коммунистической партии, нашего государства о творческой молодежи, об эстетическом воспитании молодых рабочих и колхозников. Хочется отметить, что Дворец молодежи спроектирован молодыми архитекторами — Артуром Тарханяном, Гричем Погосяном, Спартакосом Хачикяном, Мартыном Закарянном в соавторстве с Аракемом Габриеляном. Конструкторы дворца — Герасим Геворкян и Игорь Цатурян. Наша задача сейчас — организовать «внутреннюю жизнь» дворца, достойную его внешнего вида. А теперь, нарушая законы интервью, вопрос хочу задать я. Вы назвали Дворец молодежи в числе трех самых ярких впечатлений. Что еще запомнилось вам?

— Тут, думаю, я буду един во мнении с каждым приехавшим в Ереван и интересующимся вопросами эстетического воспитания молодежи. Прежде всего просто восхищает то, что сделано,

делается и задумано в области изобразительного искусства. Первая в мире детская картинная галерея, фонды которой насчитывают свыше ста тысяч рисунков. Первый в стране музей современного искусства, в книге почетных гостей которого Михаил Ульянов написал: «Прекрасное собрание — талантливо и яростно отражающее мир. На мир смотрят разные, но честные глаза. И это, как мне кажется, самое замечательное в музее современного искусства». Создаваемый сейчас, тоже первый в стране, центр эстетического воспитания детей и подростков. Многочисленные студии, секции, кружки в детских садах, школах, домах пионеров всех районов республики. Мне запомнились слова одного из инициаторов и организаторов этого движения, Генриха Игитяна: «Сегодня не один ребенок в нашей республике, желающий заниматься изобразительным творчеством, не остается без внимания педагога-ту-

АРТИСТЫ КАМЕРНОГО ТЕАТРА — ЧАСТЫЕ ГОСТИ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ.

ЧУВСТВО ПРЕКРАСНОГО РОЖДАЕТСЯ С МАЛЫХ ЛЕТ.



дожника». Впрочем, бессменный директор Ереванской детской галереи, искусствовед Генрих Суренович Игитян в этом же номере нашего журнала сам выступает перед читателями. Поэтому, лишь отдав дань восхищения постановке и размаху этой работы, я перейду к другому поразившему меня явлению — созданию в Ереване двух комсомольских театров.

Театры эти — камерный и молодежный — очень, на мой взгляд, разные. Первый родился из самостоятельности, костяк его и сейчас составляют бывшие студенты-кибернетики и преподаватели политехнического института, труппа второго — профессиональные актеры, в основном выпускники художественно-театрального института, занимавшиеся в мастерской режиссера театра имени Г. Сундукяна, председателя театральной секции СТМ при ЦК ЛКСМ Армении Грача Казаряна, который и в новом театре, став его главным режиссером, не оставил своих воспитанников. Различны творческие характеры обоих коллективов. Если камерный театр и своим репертуаром, в котором преобладают пьесы-очерки, и манерой игры тяготеет к музыкально-буффонадному стилю студенческой импровизации, то молодежный, или, как его еще называют, агиттеатр, отдает предпочтение пьесам классического характера, давая своему зрителю возможность увидеть их в остро современной, гротесковой постановке. Роднит же эти театры обращение к злободневным нравственным проблемам сегодняшнего дня, желание найти теснейший кон-



такт и взаимопонимание с молодым зрителем. Роднит их и история создания, а также сами названия — театры при ЦК ЛКСМ Армении...

— Тут я должен вас перебить. Действительно, два новых сценических коллектива Еревана — молодежный и камерный — называют театрами при ЦК комсомола, но, думаю, мне, названия эти не совсем верны. Правильнее будет сказать — театры, созданные при участии ЦК комсомола. Потому что самая главная ошибка, которую порой трудно избежать комсомольским комитетам в работе с творческой молодежью, — это соблазн принять свою заинтересованность в том или ином вопросе за профессиональную компетентность. И хотя даже работников в отдел пропаганды и культурно-массовой работы нашего ЦК мы стараемся подбирать так, чтобы среди них были и актеры, и поэты, и журналисты, тем не менее комсомольский комитет, какие бы умные и эрудированные люди в нем ни работали, не может (и не должен) подменить собой профессиональные творческие организации, государственные учреждения, занимающиеся вопросами культуры. И наши, комсомольские театры, став на профессиональный путь дальнейшего развития, будут работать, как и все остальные театральные труппы Армении, в системе Министерства культуры республики. Это, конечно, не означает, что мы слагаем с себя ответственность за их судьбу. Мы и в дальнейшем будем пристально следить за их творческим и идейным ростом, всемерно помогать им, но все вопросы «театрального хозяйства» будут, разу-





В обсуждении этого проекта принимали участие все секции Совета творческой молодежи. Говорят, что театр начинается с вешалки. Но эту вешалку надо было еще где-то поставить. Для строительства театра мы выбрали подвальное помещение.

— Фрих Ашотович, простите, но, мне кажется, эти слова — «подвальное помещение» — могут ввести в некоторое заблуждение наших читателей. Я был в обоих театрах — и молодежном и камерном — и должен сказать, интерьеры их залов, фойе продуманы и отделаны с таким вкусом и изобретательностью, что могут по праву считаться произведениями искусства. К тому же современнейшее техническое оснащение, например, поднимающийся и опускающийся пол в зрительном зале, позволяющий образовать сцену в разных местах...

— Все это стало возможным в результате объявленного ЦК комсомола конкурса на лучший проект оформления, а также конструктивно-технологического решения театров. Все предложения рассматривались и обсуждались с особой тщательностью, пока не были утверждены окончательные варианты. Надо сказать, что факт создания наших театров сам по себе является лучшим примером совместной деятельности молодой интеллигенции республики. Ну, а для воплощения проектов в жизнь будущим актерам пришлось основательно потрудиться, постигнув не одну строительную профессию.

Нынешний театральный сезон станет первым официальным сезоном для молодежного и камерного театров. Позади организационные проблемы, впереди — трудности роста, творческого становления. Мы ждем от них новых высокохудожественных постановок, отображающих дух времени, дела и помыслы нашей славной молодежи, надеемся, что новые театральные коллективы оправдают ожида-

ния, связанные с их рождением, и станут еще одним центром эстетического воспитания молодежи.

— Встречаясь с руководителями новых театров, я слышал сетования на недостаток литературного материала, отвечающего специфике этих коллективов.

— Проблема «молодой драматургии» на самом деле одна из острейших проблем нашей творческой жизни. И, создавая новые театры, мы ставили целью не только дать возможность молодым актерам проявить себя, но и тем самым привлечь молодых писателей республики к работе в области драматургии. Сейчас все мы с волнением и надеждой ждем от них новых пьес. Однако, пользуясь случаем, хочу обратиться к молодым драматургам всей страны: комсомольские театры Армении будут рады познакомиться с вашими новыми работами.

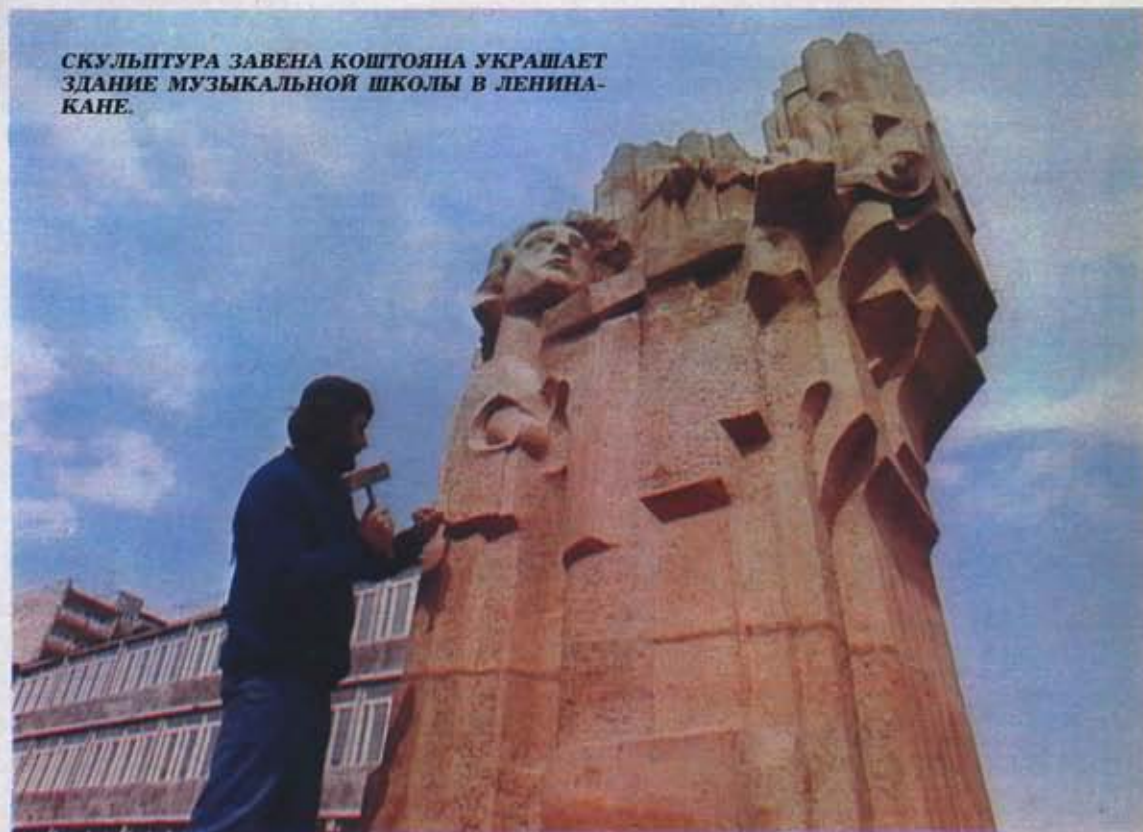
— Оценивая все увиденное, можно без преувеличения сказать, что в Армении уже создана стройная система эстетического воспитания молодежи, которая охватывает все возрастные и профессиональные категории молодого поколения. Но, насколько я знаю, система эта постоянно совершенствуется, развивается. Каковы же планы на будущее у комсомола республики в этой области, какие задумки, родившиеся на дилижанских встречах, предстоит претворить в жизнь?

— В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» особое внимание обращается на необходимость «постоянно заботиться о воспитании высокой идейности, гражданственности, развитии творческой активности писателей, художников, композиторов, деятелей театра и кино, журналистов». В этом мы видим программу своей

меется, находится в ведении соответствующих компетентных (я еще раз хочу подчеркнуть это слово) организаций. И, может быть, в будущем эти коллективы вообще сменят свои сегодняшние вывески, найдя более точные и емкие названия. Главное не в этом. Главное, что первая строка их биографии: рождены инициативой комсомола. А за этими простыми словами стоит труд сотен людей.

— Во всяком случае, в разговоре со мной и главный режиссер Грач Казарян и главный художник молодежного театра Евгений Сафронов предостерегли меня от того, чтобы написать так: «В одно прекрасное утро их осенила идея создать новый театр».

— Сейчас действительно трудно назвать имя автора такой идеи. Предложение это родилось в ходе республиканского смотра работы театра с молодыми актерами, режиссерами, который, в частности, показал, что не во всех театральных коллективах руководство доверяет молодым ответственные роли, постановки. Явно недостаточно было и спектаклей на молодежную тематику. И вот секция театра вынесла на обсуждение СТМ при ЦК комсомола республики проект создания экспериментального коллектива, в котором свои силы могли бы попробовать начинающие талантливые режиссеры, актеры, в котором они получили бы возможность активно откликаться на злободневные вопросы, волнующие молодежь.



СКУЛЬПТУРА ЗАВЕНА КОШТОЯНА УКРАШАЕТ ЗДАНИЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В ЛЕНИНАКАНЕ.



ЗДАНИЕ ДВОРЦА МОЛОДЕЖИ, СО ВКУСОМ ОФОРМЛЕННЫЕ ИНТЕРЬЕРЫ, ЕГО ВРАЩАЮЩЕЕСЯ КАФЕ, ЗАДУМАННОЕ АВТОРАМИ ПРОЕКТА КАК СМОТРОВАЯ ПЛОЩАДКА — ВСЕ ЭТО САМО ПО СЕБЕ ВЫСТУПАЕТ ТАЛАНЛИВЫМ УЧИТЕЛЕМ НА УРОКЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ.



дальнейшей деятельности. Как я уже говорил, главным в вопросах идейного, гражданского воспитания молодых творческих работников мы считаем необходимость их постоянных контактов с рабочей молодежью. Именно поэтому мы сейчас планируем ежегодное проведение фестивалей творческой молодежи, во время которых молодые писатели, артисты, художники будут встречаться с тружениками заводов, фабрик, совхозов и колхозов всех районов республики. Особое внимание будем мы уделять укреплению шефских отношений, дружбы рабочих и творческих коллективов.

Думаем мы и о создании еще одного молодежного театра — эстрадного, мечтаем об организации объединения «Дебют» при республиканской киностудии, большие надежды связываем с Клубом творческой молодежи, который будет работать во Дворце молодежи. А еще — новые лектории, студии для рабочей и сельской молодежи... Словом, планов немало. Но, как говорится, дорогу осилит идущий.



СЕНТЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Растет, но не стареет

Недавно исполнилось сто лет, как София стала столицей Болгарии. Но ее будущее, как столицы, вначале висело на волоске: после освобождения страны от турецкого ига в Тырнове был создан парламент, который должен был решить, какой город станет столицей страны — Тырново или София? В пользу Софии было подано на один голос больше...

Первое поселение на территории нынешней столицы было основано 4500 лет назад. Под улицами Софии находится своеобразный слоеный пирог, «деликатес» для археологов: вначале — руины турецких зданий, а еще ниже — развалины эпохи Римской империи. Самый же нижний слой на глубине девяти

метров повествует о том, что здесь жили первобытные люди.

Особенностью Софии является горный массив Витоша, расположенный всего в восьми километрах от центра города. Жителю Софии попасть к Витоше очень легко — достаточно заплатить шесть стотинков за трамвайный билет...

Одним из самых красивых зданий Софии является храм Александра Невского, построенный в знак признательности болгар русским войнам, освободившим страну от многовекового турецкого ига. Здание храма сооружено по проекту известного русского архитектора Померанцева. На колокольне — двенадцать колоколов различной величины. Иконы и фрески выполнил чешский художник Мржавичка со своими учениками. Деньги на строительство храма собирала вся Болгария, те, у кого не было денег, приносили зерно, овощи, фрукты.

В настоящее время в Софии строится метро, общая длина трех линий которого будет составлять 52 километра. Центр пересечения линий находится на самой красивой площади города — площади Ленина. Столица социалистической Болгарии с каждым годом становится все краше. Недаром герб города украшен словами: «Растет, но не стареет».

«ПОГЛЕД», БОЛГАРИЯ



КОРАБЛЬ СО ДНА МОРЯ

10 августа 1628 года в стокгольмском порту собрались тысячи людей, чтобы присутствовать при церемонии спуска на воду гордости шведской королевской флотилии — военного корабля «Ваза». Его длина составляла 70 метров, а водоизмещение — 1300 тонн. С флагами, развевающимися на обеих мачтах, судно плавно тронулось с места стоянки у королевского дворца. Но... случилось неожиданное.

Едва корабль отошел на несколько сот метров от пристани, как налетел резкий порыв ветра, и через несколько минут судно пошло ко дну. Вместе с «Вазой» погибло 18 моряков.

Три с лишним века спустя, в 1956 году, подводные археологи шведского флота обнаружили затонувший корабль. Его корпус был поднят со дна моря и после тщательнейшей реставрации помещен в морском историческом музее Стокгольма. Всего было обнаружено 25 тысяч отдельных частей судна, на многих из них сохранились следы украшений и по-

золоты. В числе находок — десять ящиков, в которых были монеты и запечатанные кувшинки с водкой (кстати сказать, оказавшейся через три столетия вполне пригодной к употреблению). Судно, в общем, сохранилось неплохо, что следует приписать низкому содержанию соли в Северном море.

Доньяне точно не установлено, что же случилось с кораблем. Какова была причина катастрофы? Директор морского музея Ларс Аакс Кварнинг считает, что вряд ли можно говорить о диверсии. Скорее всего корабль, построенный по приказу Густава Второго, пошел ко дну из-за слишком тяжелого вооружения и массы помпезных украшений. Военные суда того времени имели своей задачей не только непосредственное выполнение боевых функций, они должны были служить своего рода «визитной карточкой» правителя страны. В данном случае король, видимо, перестарался...

«НБИ», ГДР

ПРОКЛЯТИЕ БЕЛОЙ СМЕРТИ

Вскоре Западная Германия будет отмечать весьма грустный юбилей: в ближайшее время ожидается смерть двухтысячного гражданина страны вследствие злоупотребления героином. Эта смерть наступит или вследствие повышенной дозы героина, или в результате самоубийства в состоянии наркотической депрессии. Вероятнее всего, труп будет обнаружен в вокзальном туалете или около третьеразрядной пивнушки. Местная газета, как обычно, кратко проинформирует об этом своих читателей, тем дело и кончится.

Первым умершим на почве наркомании в ФРГ считают Бернда Газенкампа. Этот молодой человек (а наркоманы никогда не доживают даже до средних лет) был похоронен на муниципальном кладбище Бремена десять лет назад. В похоронах, кроме священника и двух могильщиков, принял участие только один человек: мать Бернда. Именно ей было адресовано последнее письмо умершего: «Мама, жить так я больше не хочу. Я не хочу приносить тебе позор. Надежды на мое излечение нет — героин отнял у меня волю. Знакомым и коллегам ничего не говори. Я люблю тебя, но уже нет сил, чтобы и впредь жить нынешней жизнью...»

Героин — это самый сильный и опасный из известных наркотиков. Можно с большой степенью вероятности утверждать, что цифра

«2000 жертв» не отражает истинного положения — число погибших наверняка выше. Известно, что домашние врачи нередко выдают семьям умерших наркоманов свидетельства, в которых причиной смерти указываются «инфаркт», «недостаточность кровообращения» или «кровоизлияние в мозг».

Число наркоманов в ФРГ, как, впрочем, и в других странах Запада, постоянно растет. Уполномоченный федерального правительства по вопросам изучения наркомании профессор Манфред Франке сообщил, что с ноября 1978 года по февраль 1979 года число официально зарегистрированных наркоманов увеличилось в ФРГ с 40 до 45 тысяч человек. Особое свойство героина: достаточно 4—5 инъекций, и человек становится его жалким рабом. Вырваться из рокового круга без квалифицированной медицинской помощи оказывается невозможным. Отравленная психика с большим трудом контролируется сознанием, и человек готов на все, чтобы только добыть очередную дозу «белой смерти». Хроника полиции фиксирует множество преступлений, совершаемых наркоманами. Статистики считают, что число смертей от последствий наркомании будет возрастать, ведь после начала систематического самоотравления героинным человеком в среднем живет не более семи лет.

«КВИК», ФРГ

В мире неграмотных

«Он не умеет ни читать, ни плавать» — так говорили некогда древние греки о необразованном человеке. А сколько людей не умеет читать сегодня? Если взять, например, Италию, то число неграмотных все еще остается высоким, хотя совсем недавно здесь было отмечено столетие со дня принятия закона об обязательном и бесплатном посещении школы. Тогда, сто лет назад, в стране жило 20 миллионов человек, из которых неграмотных было 73 процента. В отдаленных же районах страны этот процент достигал 85.

Итак, прошло сто лет, изменился мир, изменилась и Италия. Казалось бы, откуда быть неграмотным в Италии? Но статистические данные министерства просвещения свидетельствуют: полностью неграмотных в стране сейчас два с половиной миллиона. К этому можно добавить еще десять с половиной миллионов полунеграмотных, умение которых не простирается далее возможности кое-как подписать свое имя. Чтение же для таких людей остается неразрешимой проблемой. Таким образом, в настоящее время фактически четверть населения страны составляют полностью или частично неграмотные люди (население Ита-

лии — 56 миллионов человек). Неграмотные, как правило, проживают в экономически и социально отсталых областях страны, к которым относятся Калабрия, Кампанья, Сицилия, долины Альп.

А как обстоит дело в других европейских странах? В Испании и Греции число полностью неграмотных составляет в общей сложности три миллиона человек. Удивительно велико число неграмотных в такой высокоразвитой стране, как Великобритания, издавна гордящейся своими многовековыми традициями в системе просвещения. Неграмотных здесь — два миллиона человек. Как и в других странах, этот факт обусловлен социальными причинами: ведь за последние двадцать лет сюда приехало на заработки огромное число выходцев из Индии и Пакистана. Англичане могут утешаться этим обстоятельством, но в Италии дело обстоит наоборот: из-за неустойчивого экономического положения страна не «импортирует», а «экспортирует» неграмотных. Об этом свидетельствуют анкетные данные итальянцев, выезжающих на работу за границу.

«ДОМЕНИКА ДЕЛЬ КОРРЬЕРЕ», ИТАЛИЯ

И ПОЧТИ НЕТ ВОЗМОЖНОСТИ НАЙТИ ПОХИЩЕННОЕ...

По данным ФБР, кража произведений искусства стоит на втором месте после торговли наркотиками по своей «популярности» в преступном мире. Каждый год музеи и частные собрания несут урон не менее чем в пять миллиардов долларов. За последние месяцы пострадали даже такие «престижные» учреждения, как Институт искусства в Чикаго, который лишился трех картин Сезанна стоимостью в три миллиона долларов.

«И конца этому не видно», — предупреждает Дон Мейзен, прослуживший более двадцати лет в ФБР шефом бюро по расследованию краж произведений искусства. Одна из причин тому, считает он, — безудержная инфляция, при которой приобрете-

ние шедевров искусства стало надежным вкладом капитала (для тех, разумеется, кто капиталом располагает в соответствующих масштабах).

По признанию того же Мейзена, удается обнаружить не более пяти процентов похищенных произведений. Дело осложняется тем, что кражи совершаются не одиночками, а преступными организациями, применяющими весьма изощренные методы.

Что же делать? Эксперты разводят руками. Бюджет большинства галерей и выставочных залов на Западе не позволяет в достаточной степени обеспечить безопасность произведений искусства.

«ПИПЛЗ УОРЛД», США

АВТОМОБИЛЬ ИДЕТ ПОД ВОДОЙ



Итальянец Серджио Груа считает, что в современном парке автомашин всевозможных марок и моделей кое-что отсутствует до сих пор — например, доступный простому смертному подводный автомобиль.

Груа решил восполнить пробел. Он перестроил обычный «джип» и герметично закрыл двигательный блок, а для подсоса воздуха и отвода выхлопных газов удлинил трубопроводы, которые теперь оказались много выше кузова. Для испытания



своего изобретения Серджио Груа выбрал озеро Гарда. За руль он сел в легком водолазном костюме. По дну озера машина продвигалась со скоростью 5 километров в час. На глазах многочисленной толпы Груа удалось благополучно перебраться с одного берега на другой без каких-либо происшествий, если не считать подхваченного в воде в прохладную погоду насморка...

«ЖИВОТ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

БЕСПЛАТНОЕ ОТОПЛЕНИЕ

Разочарование было велико: вместо предсказанного геологами «черного золота» из недр земли хлынула простая вода. Мэр небольшого австрийского городка Вальтерсдорф Карл Кайзер загоревал. Столько денег затратили на эту скважину глубиной 1250 метров, столько надежд возлагали на нее в эпоху энергетического кризиса, когда цены на нефть растут и растут...

Но тут буровики сообщили, что вода не простая, а довольно горячая — ее температура достигала 61 градуса. И тут Карл Кайзер ожил: не нашли нефти, так хоть сэкономим на отоплении. Для начала горячую воду стали использовать

для отопления школы, детского сада и бассейна, а в будущем всю отопительную систему города решено перевести на геотермальный источник энергии. Это даст возможность сэкономить на отоплении 65 процентов нынешних расходов.

В то время как в Австрии продолжают нескончаемые дискуссии о целесообразности строительства в стране атомных электростанций, небольшой городок Вальтерсдорф решает проблему по-своему, показывая, что «внутренние ресурсы» не исчерпаны...

«ШВАЙЦЕР ИЛЛЮСТРИРТЕ», ШВЕЙЦАРИЯ

«ПОБЕДИТЕЛЬ КРОКОДИЛОВ»

Ким Сен, житель столицы Таиланда — Бангкока, выходит каждое утро на работу, не зная, возвратится ли он живым и здоровым. Занятие его столь необычно, столь же и

опасно. Каждый день он прыгает в бассейн, в котором плавают и ползают 50 крокодилов, и проводит с ними «состязания по борьбе» для развлечения туристов и прочей публики. «Крокотерия» — так называется этот крокодилий бассейн — и опасные выступления человека, который умел укрощать хищников, превратились в одну из достопримечательностей Бангкока.

Ким Сен зарабатывает немного: владелец «Крокотерии» получает немалую прибыль от его выступлений, платит ему всего около 10 долларов в неделю — и бесплатно предоставляет банты и пластыри, когда «победителю крокодилов» приходится перевязывать раны и заклеивать царапины, полученные в борьбе. Ким действительно отлично знает своих противников, их нравы и привычки. Благодаря этому он до сих пор не погиб, хотя все его тело покрыто шрамами.

«КОВЕТА И ЖИЧЕ», ПОЛЬША



САМОЛЕТ С СОЛНЕЧНЫМ ДВИГАТЕЛЕМ

Самолет, движимый одним лишь солнечным светом... Эта дерзновенная мечта кажется на первый взгляд недостижимой, представляется игрой воображения писателя-фантаста.

И все же, хотя сложности технического порядка очевидны, несколько моделей телуправляемых планеров с двигателем, использующим солнечную энергию, уже бороздили воздушный океан. В Англии в стадии завершения находится проект самолета небольших размеров, двигателя которого рассчитаны на энергию Солнца вместо традиционного горючего — керосина.

Идея использования этого неисчерпаемого, абсолютно безвредного для окружающей среды источника энергии содержит в своей основе простые расчеты. В ясное время дня каждый квадратный метр земной поверхности получает 1350 ватт световой радиации. Продолжая расчеты, специалисты пришли к выводу, что маленький пассажирский самолет, площадь крыльев которого равна 20 квадратным метрам, может принять около 27 киловатт солнечной энергии. Этого количества вполне достаточно для обеспечения полета. Проблемы возникают, когда начинается практическая реализация превращения светового излучения в электрическую энергию, а затем в кинетическую.

Решение, предложенное специ-

алистами, заключается в использовании фотоэлементов в качестве «ловушки» солнечной радиации. Плоскости крыльев самолета могут быть покрыты фотоэлементами, как сотами. Рассчитано, что один квадратный метр поверхности крыла с фотоэлементами может обеспечить мощность 150 ватт электроэнергии постоянного тока.

В будущем году английские авиаконструкторы закончат проектирование одноместного самолета. Предполагается, что самолет будет иметь площадь несущих плоскостей, равную 35 квадратным метрам. Они сплошь покрыты фотоэлементами, которые обеспечивают мощность 6400 ватт. Будущий самолет рассчитан на скорость свыше 100 километров в час. На нем будет установлена специальная батарея на случай пасмурной погоды. Энергия, необходимая для старта, будет вырабатываться мускульной силой пилота — по принципу велосипеда. Вращая несколько минут педали, пилот передает тем самым усилие на динамо, которое вырабатывает электроэнергию, необходимую для запуска мотора и взлета.

Вполне возможно, считают ученые, что с развитием науки и техники будут созданы предпосылки для строительства гигантских воздушных лайнеров с солнечным двигателем.

«ФЛАКЭРА», РУМЫНИЯ



С большой высоты Пномпень казался игрушечным городом. В общем-то в этом ощущении не было ничего необычного. Стандартное впечатление авиапассажира, смотрящего из окна самолета вниз.

Сделав большой круг, наш самолет снова оказался над кампучийской столицей, правда, летели мы теперь гораздо ниже. Но меня не покидало ощущение, что продолжается полет над игрушечным городом. Улицы были пусты и безжизненны, и город напоминал макет. Дома, деревья, заборы, мосты, пагоды — все казалось вырезанным и кем-то ловко склеенным из папье-маше.

Пустота оставляла на душе странный осадок, даже пугала. Она преследовала нас по пути с аэродрома — пустынные деревни, пригороды.

И запах. Тяжелый трупный запах.

Мне казалось, что я вижу какой-то страшный сон. Нагромождение жутких видений. Хотелось проснуть-



Освобождение Кампучии принесло этой девушке право на жизнь, право на счастье.

АНАТОМИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ся, отогнать от себя этот бред. Но все было явлю, и в голове билась одна и та же мысль: «Возможно ли такое?»

Мертвые города... Не руины, случайно обнаруженные археологами где-нибудь в непроходимых джунглях или пустыне. Города с современной архитектурой и всеми атрибутами нынешнего столетия — бензоколонками, светофорами, рекламными щитами. С магазинами, где стоят холодильники, стиральные машины, штабеля картонных коробок с запчастями для автомобилей новейших марок. С квартирами, где есть телевизоры, ванны, облицованные голубым кафелем, магнитофоны...

В этих городах было все, кроме людей. Их выселили сразу же после прихода к власти клики Пол Пота — Иенг Сари. «Нам не нужны города», — заявил Пол Пот еще в 1975 году, — они создают неравенство между людьми». Печально известный тезис Мао Цзэдуна «деревни окружают города» был воплощен в жизнь за несколько дней. Пномпень. Свайриенг, Сиамреап, Компонгтхом — короче говоря, все города страны были обречены на медленную смерть, на постепенную ликвидацию.

Нелепость, абсурд! Но реальность этого абсурда была ужасающей.

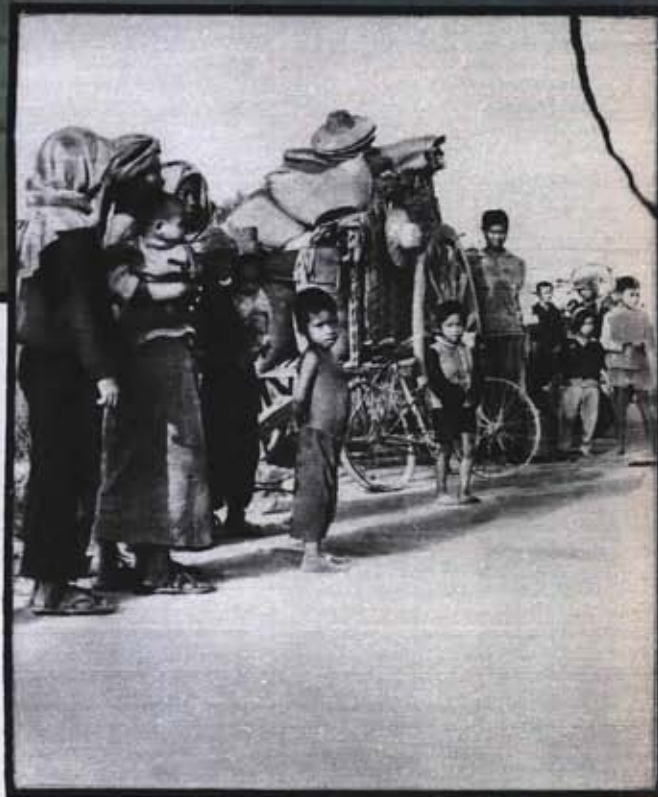
17 апреля 1975 года, когда был свергнут проамериканский режим и полпотовские войска вошли в Пномпень, жители встретили их цветами. Однако радость оказалась преждевременной.

— Мы, конечно, не знали, что этот день будет началом почти четырехлетнего кошмара, — тихим голосом рассказывал мне бывший студент столичного университета Чэй Сон, которого я встретил на стадионе. Он пришел туда на митинг, посвященный победе. — Однако уже в первые часы новой власти я понял, что в жизни Пномпеня произойдут страшные события. Солдаты в черной форме как сумасшедшие носились по городу и требовали, чтобы все уходило в деревни. Они говорили, что скоро американская авиация начнет бомбардировки, что город будет превращен в развалины. Многие этому поверили. И я тоже сначала подумал, что вот, мол, как искренне беспокоятся теперь за жизнь людей. Действовали, однако, новые власти более чем грубо. Солдаты

врывались в дома, вышибая прикладами запертые двери, выталкивали оттуда жителей. На перекрестке я увидел, как солдат выстрелил в какого-то мужчину, и тот упал. «Так будет со всеми врагами», — выкрикнул солдат. В первый момент я подумал, что, быть может, иначе и нельзя. Раз существует опасность бомбардировок, некогда церемониться, объяснять что-то, терять время. Ведь эта жестокость в наших же интересах: человек, которого застрелили на улице, наверняка пытался мешать спасению жителей. Правда, следом за этой мыслью в голову пришла другая. Не слишком ли бесцеремонны революционные солдаты? Ведь можно проявить строгость и при этом остаться в рамках законности. К тому же народная власть, как я слышал, никогда не карает людей, предварительно не разобравшись в их вине. В выстреле на перекрестке было что-то зловещее. А потом... Потом случилось ужасное. В то утро я должен был встретиться со своим другом. Когда я подошел к месту встречи, я увидел его машину у тротуара, а рядом — нескольких солдат в черном. Они только что его остановили. Я подумал, что они просят моего друга подвести их, и заспешил к машине, чтобы он не уехал без меня. Но то, что я услышал и увидел затем, лишило меня дара речи. «Почему ты разъезжаешь в машине один, когда столько патриотов ходят по жаре пешком, выполняя свой революционный долг?» — спросил один из солдат. «Этот автомобиль принадлежит мне...» — начал было мой друг. «Твой автомобиль принадлежит не тебе, а народу», — перебил его солдат. — И твоя жизнь тоже. Ты кто — капиталист? — «Нет, я простой служащий», — сказал мой друг. «Врешь», — закричал солдат, — простые люди не ездят на автомобилях! Ты капиталист, а значит, враг. От имени народа я отбираю у тебя автомобиль и жизнь!»

Они вытащили моего друга из машины и начали бить его прикладами автоматов. Через несколько минут все было кончено. Я был словно в шоке. А когда пришел в себя, понял: так будет не только «со всеми врагами», как сказал солдат, стрелявший на перекрестке, так будет просто со всеми нами...

С первых же дней своего существования режим начал уничтожать гражданских и военных функцио-



Так выглядели дороги Кампучии после свержения клики Пол Пота — Иенг Сари: люди возвращались к родным очагам.

ров бывшей администрации, а заодно и интеллигенцию. Центральной фигурой общества, которое Пол Пот пытался построить в Кампучии по рецептам, полученным из Пекина, был провозглашен крестьянин. В одной из радиопередач того времени, прозвучавших из Пномпеня, говорилось: «Мы должны опираться на бедных крестьян, и если мы не хотим, чтобы власть перешла к другим, мы должны выбрать среди них таких людей, которые могли бы взять в свои руки не только кухни и конюшни, но и медицину, образование, воспитание детей и все прочее...»

Тех, кто не принадлежал к крестьянству, бывшие пномпеньские власти считали врагами или потенциальными врагами. Интеллигенции было уделено «особое внимание». Одной из первых акций полпотовских властей в апреле семьдесят пятого были сожжение книг, разгром культурных учреждений, учебных заведений.



Пномпень. Мертвые улицы мертвого города.

До сих пор улицы одного из провинциальных районов. Ты невольно думал о падении режима полтавичи хунтов, когда видел всех заключенных, содержавшихся в тюрьмах города.



Когда мы ехали с аэродрома, то остановились на несколько минут на улице, которая когда-то называлась бульваром Советского Союза. Там находились большой университетский комплекс и Высший политехнический институт, построенный в шестидесятых годах с помощью и по проекту советских специалистов и переданный в дар кхмерскому народу.

Дворы обоих учебных заведений густо поросли травой, стеклянные двери были разбиты, деревянные выломаны. Я вошел в одно из зданий университета, поднялся на второй этаж. В аудиториях ни мебели, ни учебных пособий. То же самое и в лабораториях: все оборудование разбито, поломано, разбросано по полу. На покрытых пылью и плесенью, изувеченных полках библиотеки — ни одной книги.

Позже, когда я заходил в жилые дома, то нередко попадал (особенно в центре города) в квартиры врачей, художников, инженеров, артистов. О принадлежности хозяина к интеллигенции нетрудно было догадаться по обстановке, по книгам. Вернее, по тому, что осталось от обстановки и книг. Квартиры были буквально вывернуты наизнанку. В спальнях, гостиных, кабинетах царили разгром и хаос. Битая посуда,

поломанная мебель, изодранные, затоптанные чьими-то ногами книги, сорванные со стен картины — все это оставляло гнетущее впечатление. Во многих домах на стенах комнат красовались размашисто выведенные черной краской кресты.

Коль скоро интеллигенция подлежала уничтожению, то ликвидировалась и первоначальная ступень, ведущая к образованности, — школы. Тринадцатилетний мальчишка, которого я встретил на одной из дорог провинции Свайриенг, рассказал о том, как проводилась операция «невежество» у них в деревне.

Это произошло все в тот же черный для кампучийцев день 17 апреля 1975 года. В класс, где проходили занятия, ворвались несколько солдат. Они приказали прекратить занятия и всем выйти во двор. Нуон Хинг — так звали моего маленького собеседника — вместе с другими ребятами, дрожа от страха, покинул класс. Во дворе уже стояли учащиеся остальных трех классов и учителя. Один из солдат, видимо, старший, спросил, кто из детей самый грамотный. «Я», — тихо сказал какой-то мальчик. «Это плохо», — произнес солдат. — А кем ты собираешься стать? — «Учителем», — ответил ничего не подозревавший ре-

Режим Пол Пота — Иенг Сари отменил в стране деньги. Здание Национального банка было взорвано полпотовцами в апреле 1975 года, сразу же после прихода к власти.

бенюк. «Плохо», — повторил солдат. — Нам не нужны учителя». Он подошел к мальчику и прикладом автомата ударил его по голове. Тот упал замертво. Затем таким же способом были убиты учителя. Солдаты заявили, что те внушали детям контрреволюционные идеи, поскольку учили их по программам бывшего реакционного режима. «Идите работать», — сказал старший. — И запомните: жить будет тот, кто будет лучше всех копать канавы».

...Громили все, что имело хоть какое-то отношение к прогрессу. Неподалеку от Национального банка, взорванного полпотовцами еще в 1975 году, я попал в помещение, где, судя по всему, когда-то располагался вычислительный центр. Ценная аппаратура была искорежена до основания — не иначе как по ней гуляли кувалды и ломы. Документация, перфокарты, справочники были выброшены из столов и с книжными полками на пол. И опять следы ног тех людей, которым Пол Пот намеревался отдать «медицину, образование, воспитание детей и все прочее».

Города Кампучии умирали, а вокруг них вырастали «коммуны», созданные по маоистскому образцу. В одной из таких бывших «коммун» я встретил человека по имени Урнг Кхенг. Одиннадцать лет тому назад он учился в Советском Союзе и получил диплом юриста. Потом работал в столичной торговой компании в должности юрисконсульта. После прихода к власти полпотовцев его вместе с отцом, матерью, братом, женой и маленькой дочкой выселили в деревню. Мы долго беседовали с Урнгом, он рассказывал мне о жизни в «коммуне».

Их поднимали в четыре-пять часов утра, давали на завтрак жидкую рисовую похлебку и отправляли работать — рыть ирригационные каналы, сажать рис. Работа длилась до позднего вечера с получасовым дневным перерывом (без еды) и вечерним перерывом на ужин (как и утром, жидкая похлебка, иногда кусок рыбы). Все население деревни было разделено на производственные бригады — «роты». Мужчины и женщины отдельно. Ночевали всей бригадой в специально выстроенном для этого длинном сарае. Семьям вместе жить не разрешалось, они могли видеться только раз в месяц. В домах разрешалось жить лишь старикам и старухам. Никакой личной собственности у людей не было. Они получали кусок черной материи в год, которого едва хватало на то, чтобы пошить рубашку и штаны. Покидать деревню запрещалось, как запрещалось и самовольное передвижение по деревне. С тех пор, как его поселили в «коммуну», Урнг больше не видел своих родных, хотя знал, что они находятся в той же деревне.

Каждый день в деревне кого-нибудь убивали. Это было самой распространенной мерой наказания. Убивали за плохую работу, за слезы, за жалобы на голод. Убивали по доносу или по какому-либо подозрению. С утра функционеры Пол Пота, или, как их еще называли, люди из «ангарк» (по-кхмерски — «организация»), отправляли нескольких человек рыть ямы шириной в

Они освобождали Пномпень. Бойцы Народно-революционной армии Кампучии, участвовавшие 25 января нынешнего года в параде победы на столичном стадионе.

Провинция Свайриенг. Крестьяне обмолачивают рис, который теперь принадлежит им.



10—15 метров. По ночам к ямам приводили людей, которые подлежали ликвидации, забивали их на смерть мотыгами, ломом и закапывали в этих ямах. Когда число жителей в «коммуне» значительно уменьшалось, привозили новых людей.

Время от времени в «коммуне» устраивались «свадьбы». Функционеры из «ангкар» сгоняли в столовую юношей и девушек, рассаживали их вперемешку, и те, кто оказывался рядом друг с другом, объявлялись «мужем и женой». «Молодоженам» разрешалось три ночи провести вместе в отдельной хижине, затем их отправляли в бригады, и зачастую они никогда больше не видели друг друга.

Режим уничтожал людей не только в «коммунах». Для этого в городах создавались специальные тюрьмы, которые размещались в административных зданиях, школах, больницах. Один из таких застенков мы видели в Пномпене. Он располагался на территории бывшей средней школы. Стены между классами были пробиты, в каждом помещении возведены кирпичные перегородки, делившие его на одиночные камеры. Одна из построек была приспособлена под «специальный отдел». Там узников пытали. В каждом бывшем классе стояла железная кровать с прикованными к ней цепями. Рядом — набор «инструментов» и «оборудования»: щипцы, молотки, аккумуляторы для пыток электротоком. В классах на втором этаже я насчитал шесть кроватей. А вокруг них — огромные пятна засохшей крови, пучки человеческих волос, лоскуты содранной кожи. Позже нам показывали документальный фильм, отснятый военными кинематографистами, которые вошли в Пномпень вместе с первыми частями Народно-революционной армии Кампучии 7 января нынешнего года.

Смотреть его было страшно. Кинокадры запечатлели эти же железные койки с лежащими на них трупами узников. У одних были отрезаны головы, у других безжизненно свисали раздробленные конечности, третьи вспороли животы. Спасаясь бегством, палачи предварительно уничтожили всех узников пномпенских тюрем. Впрочем, накануне 7 января убивали не только узников. Чтобы в городе не оставалось живых свидетелей недавних преступлений режима, отступавшие ликвидировали и своих «коллег», находившихся в единственной работавшей в ту пору больнице Пномпеня. Тех, кто не мог самостоятельно передвигаться, выволакивали на улицу и приканчивали ударами прикладов, камней, ломов.

Еще одну тюрьму я видел в городе Прейвэнг. Когда мы приехали в этот небольшой провинциальный городок, он был пуст. Товарищи из народного комитета сказали нам, что в Прейвэнг вернулось лишь несколько семей. Почти все остальное население вырезано. Прейвэнг находится в восточной части Кампучии, и жителей этих районов полпотовские власти считали «провьетнамскими элементами». На центральной улице, перегородженной с двух сторон колючей проволокой, нам показали небольшое здание, где полпотовская охранка свила одно из своих осиных гнезд. Когда-то в этом здании располагались небольшие магазинчики. После прихода к власти пекинских ставленников здесь были организованы пошивочные мастерские, в которых работало человек полтора. Однажды люди из «ангкар» заподозрили, что среди работающих есть недовольные режимом. «Наверх» было сообщено, что раскрыт «контрреволюционный заговор». Ответ последовал незамедлительно и был предельно кратким: «Уничтожить всех».

Мы обогнули здание и вошли во двор. Он был густо усеян не успевшими истлеть человеческими черепами и костями. В соседнем дворе когда-то пролежала канализационная канава, закрытая квадратными цементными плитами. Некоторые плиты валялись рядом, а в образовавшиеся дыры можно было видеть, что вся канава заполнена останками людей.

Когда-то это была оживленная и шумная улочка. Сейчас мы ходили по ней, закрыв носы и рты платками, и наши шаги гулко отдавались в пустых домах.

Пустые города, отмена денег и соответственно торговли, запрет на переписку, на передвижение даже в рамках одной деревни, свадьбы — по разнарядке — могли бы натолкнуть на вопрос о состоянии психики людей, пришедших в апреле семьдесят пятого к власти в Кампучии. Но мешает одно обстоятельство. Кампучийские товарищи говорили мне, что вся политика клики Пол Пота — Иенг Сари была подчинена одной цели, которую преследовало пекинское руководство: уничтожение кампучийской нации и заселение «освободившейся» территории десятками миллионами китайцев. Пол Пот и его окружение не были сумасшедшими, хотя этот вывод напрашивается. Они были исполнителями чудовищного плана маоистов, которые пытались претворить в жизнь одну из программных установок своего «фюрера».

Пол Пот начал идти к своей цели давно. Еще в начале шестидесятых годов неожиданно и бесследно

исчез секретарь Компартии Кампучии Тусамут. Его место занял некий Салот Сар, полукитаец по происхождению, придерживавшийся крайне левых, экстремистских взглядов. С тех пор он стал известен под псевдонимом Пол Пот. Пол Пот переписал заново историю кампучийской компартии, отрицая, что она, как и компартия Лаоса и Вьетнама, выделилась из Компартии Индокитая в 1951 году, и утверждая, что она была создана в 1960 году, когда он, Пол Пот, пришел к власти. Через десять лет после исчезновения Тусамута в Пекине был отравлен еще один ветеран национально-освободительного движения — Шон Нгок Минь. В 1975 году Пол Пот устранил остальных руководителей, которые мешали ему выполнять задания Пекина. Без вести пропали министр информации и связи Ху Ним, министр внутренних дел Ху Юн, министр коммунального хозяйства Ток Фиен. В правительстве Кампучии осталось всего несколько человек: Пол Пот, Иенг Сари, их жены, Кхмиеу Самфан и министр обороны Сон Сен. Сосредоточив в своих руках всю полноту власти, эти люди приступили к планомерному и методичному уничтожению кхмерской нации — таков был приказ пекинских лидеров.

Одновременно Пекин намеревался использовать Кампучию для того, чтобы помешать делу социалистического строительства во Вьетнаме, тем преобразованиям, которые происходили в южной части страны. Маоисты превратили кампучийских солдат в «камикадзе», бросив их в огонь братоубийственной войны на границе. По указке Пекина свергнутые ныне пномпенские власти разжигали среди солдат ненависть к соседней стране, заявляя, будто Вьетнам намерен «поглотить Кампучию». В слепой ненависти они дошли до дикого и чудовищного бреда: 10 мая 1978 года по пномпенскому радио раздались истерические призывы «пожертвовать двумя миллионами человек для того, чтобы уничтожить пятьдесят миллионов вьетнамцев». «У нас в стране останется еще шесть миллионов жителей», — подытожил диктор. Авторы этой передачи, очевидно, забыли, что режим уже успел уничтожить к весне прошлого года свыше двух миллионов соотечественников...

А ведь знакомые все тексты! Списано у Мао, который считал еще одну мировую войну неизбежной и «полезной», если даже половина человечества и погибнет в этой войне...

Но кампучийцы не захотели безропотно умирать. Смертельная угроза, нависшая над всем народом, вызвала соответствующую реакцию. Уже первые месяцы правления кровавой камарильи Пол Пота — Иенг Сари были отмечены вспышками народного гнева. Вот далеко не полный перечень выступлений против режима:

Август 1975 года — восстание жителей провинции Сиенгреап.

Февраль 1977 года — попытка мятежа, предпринятая шестьюстами солдатами и офицерами 170-й дивизии в районе Пномпеня.

Март 1977 года — волнения среди жителей уездов Стунг и Тикренг провинции Компонгтхон.

Август 1977 года — неудавшаяся попытка восстания в столице.

Апрель 1978 года — восстание жителей провинции Кратие и Компонгтхон.

Май 1978 года — крупное восстание в зоне 203, объединявшей провинции Сваириенг, Прейвэнг и Компонгтам. В боях против полпотовцев приняли участие подразделения 280-й и 290-й дивизий, 21-го артиллерийского полка, рабочие каучуковых плантаций Чуп, механического завода, лесопилы Тралангтаху, крестьяне населенных пунктов Тянлоан, Бротхандамнак Суонг, Чонгангкор, Тралангтахок, представители администрации в уезде Тхонгкхнум.

Последнее восстание было самым крупным из выступлений против пропекинской клики. Оно потерпело неудачу, как и все предыдущие, но ознаменовало собой начало нового периода — периода повсеместной борьбы. С этого момента в Кампучии стали формироваться силы, которые через некоторое время уже являлись серьезной угрозой существованию режима.

Созданный в декабре прошлого года Единый фронт национального спасения Кампучии (ЕФНСК) объединил под своими знаменами самые широкие слои населения — рабочих, крестьян, представителей интеллигенции и религиозных организаций, перешедших на сторону народа солдат и офицеров полпотовских войск. Вооруженные силы фронта начали наносить решительные удары по войскам режима, освобождать одну провинцию за другой.

Дни режима были сочтены, и в начале января власть перешла к подлинному представителю кампучийского народа — Народно-революционному совету Кампучии во главе с председателем ЕФНСК Хенгом Самрином.

На кампучийской территории перестал существовать полигон, где маоисты на практике проверяли свои военные, политические и экономические концепции. Рухнул варварский план уничтожения нации.

Кампучия стала свободной.

Иван КИУРУ

ПЛОТОГОНЫ

*Мы в морозные
дамбу рубили
деньки*

*У знакомого переката,
А с восходом уходим в верховье реки,
Багры навостряйте, ребята!*

*Там край и богатый и дикий,
Над протокой там старые ели
Видят пляску бесчелючной форели,
И на острове — камень великий.*

*Бережком каменистым тропинка бежит,
По трясинам расходятся зыбким...
«До свидания!» — парень любимой скажи
И «прощай» — не скажи по ошибке...*

*Меня ль на порогах обманет
Поток, и коварный и шальный?
Или — ловко танцующий малый —
На плоту я промчу горловиной?*

*На лугах, возле старого бора,
Где вовеки коса не звенела, —
Там черемуха черная
скоро
Вся проснется в сиянии белом!*

*Там омуты крутит излука,
Там сосны летят золотые —
Янтарной смолой налитые —
На стремнину,
Как стрелы из лука...*

*Меня ль на порогах обманет
Поток, и коварный и шальный?
Или — ловко танцующий малый —
На бревне я промчу горловиной?*

*И токует глухарь,
И кричат ручейки,
Лось орет за холмом переката...*

*...Мы с восходом уходим
В верховье реки,
Багры навостряйте, ребята!*

КОНИ

*Вечер по земле идет в облачной шинели.
В ельник свет береза льет,
косы отзвенели,
Отшумели лихо, отзвенели звонко, —
Удалились тихо, с песней жаворонка.*

*Отсверкали косы те по росе холодной.
Лист кружится в высоте,
желтый и свободный...
Ветры спят. (Им снятся сны:
рога рев утробный!)
Как ночные табуны,
вышли в поле копны.*

*Песня, притча и судьба,
призрак чьей-то боли,
Вьется, кружится тропа —
в луг, в леса и в поле.
И, как сумерки, по ней
скачет вороненок...
Над печалью желтых пней
воздух чист и тонок.*

*Кони мимо пронеслись,
будто бы приснились:
Пыль дороги дальней ввысь
взвихрили — и скрылись...
Объявились и ушли золотые кони...
Млечный Путь,
простор земли
К снам забытым клонит...*

*Бродят звезды в вышине,
в мировой пустыне.
Только звезды в вышине!*

*...Кони!
Где вы ныне?*

**ЗАГОВОР ПРОТИВ
МИРА,
СВОБОДЫ,
ДЕМОКРАТИИ**



«Люди... Будьте бдительны!» Эти слова мужественного борца-антифашиста Юлиуса Фучика и поныне набатным призывом отдаются в сердцах всех честных людей земли. Ибо с фашизмом еще далеко не покончено. Новая книга политического обозревателя «Правды» Юрия Жукова «Мысли о неммыслимом» — первая из серии, выпущенной издательством «Советская Россия» под рубрикой «По ту сторону», напоминает о том, что есть еще силы, готовые разнести бациллы коричневой чумы по всему миру.

Нынешняя активизация фашизма вызвана многими причинами и в первую очередь дальнейшим углублением общего кризиса капитализма. Оказались несостоятельными лживые обещания буржуазных идеологов создать в рамках капитализма «общество всеобщего благоденствия». Народные массы западных стран с каждым годом все острее ощущают социальное неравенство. «Рабочий класс», говорил на XXV съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — отвечает на это по-пролетарски, усилением борьбы против крупного капитала — главного виновника социальных бедствий». Но капитализм не намерен складывать оружие. Не в силах противопоставить какие-либо конструктивные идеи всепобеждающему учению марксизма-ленинизма, он делает ставку на голое насилие и террор. Не случайно, как подчеркивается в книге, сегодня все чаще предпринимаются попытки замены буржуазно-демократических институтов фашистской диктатурой. Силы реакции, пишет Ю. Жуков, пока что держат неофашистов на поводке. Более того, по тактическим соображениям от них часто отмежевываются. И все же давайте вместе с автором — присмотримся повнимательнее к тому, что происходит пока еще на задворках большой политики».

«Гитлер — в моде! Гитлер стал звездой!» — с тревогой восклицал французский журнал «Экспресс». В Мюнхене и Лондоне, Нью-Йорке и Париже не прекращается бум на побрякушки времен третьего рейха: железные кресты со свастикой, значки членов гитлеровской партии, эсэсовские кинжалы. Особенным спросом пользуются личные вещи нацистских главарей. Но все это лишь наиболее безобидная сторона пропагандистской шумихи, поднятой вокруг фашизма. Существует другая, куда более опасная. Вот вышедший в свет в 1973 году объемистый духотомный труд некоего Иоахима Феста, одного из редакторов реакционной газеты «Франкфуртер альгемайне». Он был переведен и издан в 12 странах и разошелся тиражом в сотни тысяч экземпляров. Фест пытается доказать, будто все, что сделал Гитлер, было необходимо для эволюции немецкого индустриального общества. Попытки обелить фашизм перед лицом истории принимают все более грандиозные масштабы. С конвейера западной пропагандистской машины ежегодно сходят десятки книг, фильмов, журнальных и газетных статей с требованием пересмотра отношений к фашизму и гитлеровским преступникам. Пропагандистская отравка, подчеркивает Ю. Жуков, приносит свои зловещие результаты. Опрос показал, что большинство подростков в западных странах не только совершенно не знает, что такое фашизм, но и иногда симпатизирует ему. Так подготавливается идеологическая и политическая почва для создания неофашистских партий и группировок.

Автор приводит большое количество документальных данных, свидетельствующих о том, насколько широкие масштабы приняло фашистское движение на Западе. Только в ФРГ сейчас насчитывается более 140 неофашистских и других правозэкстремистских партий и организаций. Одной из основных черт современного неофашистского движения, отмечается в книге, является его переход на интернациональную основу, образование международного фашистского объединения — «черный интернационал», на счету которого немало кровавых преступлений. По свидетельству западной прессы, он открыто действует в 60 капиталистических странах, располагая немалыми организационными возможностями и крупными финансовыми средствами. На примере недавних событий в Италии, Испании, Португалии автор разоблачает его опасность для всего мира деятельности. Глубокое знание политической обстановки на Западе позволяет автору проследить связь неофашистов с НАТО, на базах которой проходят военную подготовку вооруженные формирования правых экстремистов, с крупным капиталом, разведывательными службами Запада и реакционными политическими деятелями, такими, как небезызвестный Франц Йозеф Штраус, претендующий на роль нового фюрера в ФРГ.

«Мы отнюдь не склонны переоценивать деятельность этого отребья человечества и его шансы на успех», — отмечает Ю. Жуков. Но если в историческом плане эти шансы равны нулю, то в некоторых случаях капитал в стремлении взять реванш за поражения может в отдельных странах насадить фашистскую диктатуру. Трагический урок Чили нельзя забывать. Когда черное выдают за бе-

лое, белое, естественно, приходится выдавать за черное. Кампания по реабилитации фашизма неразрывно связана со злобной антисоветской пропагандой. Цель ее ясна: сорвать разрядку международной напряженности, разжечь милитаристский психоз, психологически подготовить обывателя к мысли о том, что фашисты — наиболее надежные люди, способные отстоять мир от «коммунистической угрозы». И в этой грязной кампании тон задает самая «богатая и свободная» страна Запада. О том, в чьих интересах средства массовой пропаганды США раздувают антисоветскую истерию, кто оплачивает «музыку», которая ежедневно отравляет сознание миллионов американцев, рассказывает в книге лауреата Государственной премии СССР публициста и драматурга Генриха Боровика «Контра на улице Монтэра».



Внешне совершенно безобидный мультипликационный детский фильм «Сказка о Красной Шапочке и Сером Волке». В нем все, как у сказочника, за исключением небольшой детали: на волке фуражка с серпом и молотом, а бабушку с внучкой спасают охотники — агенты ФБР. Такой один из детских вариантов кинопродукции, показываемой ежедневно на голубых экранах Америки, в которой на сотни ладов муслируется одна и та же тема «советских происков» против «свободного мира».

Антисоветская истерия — одна из ипостасей так называемого массового искусства США, культивирующего насилие, челоуконенавистничество, низменные инстинкты. «Страх — эмоция товарная», — пишет Г. Боровик, и, добавим, особенно подаваемая в соотвествующей идеологической упаковке. В боевиках на политические темы фашисты и фашизм, как правило, не затрагиваются. Согласно стандартам, навязываемым среднему американцу, «хороший парень» — это тот, кто «борется с коммунизмом». Автор подчеркивает, что США не случайно стали «раем» для беглых гитлеровских преступников, уголовников, предателей родины. Неважно, что их руки обгажены кровью невинных жертв, неважно, что в защиту прав «советских евреев» выступает организатор погромов, расстреливавший еврейских детей из пистолета. Все это неважно. Важно одно: эти люди ненавидят коммунизм и будут слушать верой и правдой тем, кто обеспечил им безнаказанность.

Кому же нужен страх, нагнетаемый средствами массовой пропаганды США? За ответом не надо далеко ходить. Г. Боровик приводит высказывание американского психолога Джорджа

Гербнера о том, что пропаганда насилия стала «инструментом», при помощи которого население держат в страхе и смирении. В нагнетании страха нуждаются ЦРУ, ФБР, Пентагон, военно-промышленный комплекс, для которого, по меткому замечанию автора, «инъекции антисоветской, антикоммунистической паранойи в вены американских обывателей означают профит — политический и материальный», все, что плетет сегодня заговор против мира, свободы, демократии.



Провозглашение Организацией Объединенных Наций 1979 года Годом ребенка вновь привлекло внимание прогрессивной мировой общественности к тяжелому положению детей в капиталистическом мире. Буржуазное общество в нарушение общепринятых международных норм, и в частности Декларации прав ребенка ООН, подвергает значительную часть подрастающего поколения беспощадной эксплуатации, обрекает его на голодное существование, нищенство, лишает доступа к образованию и культуре.

Защита детей — нет более благородной и почетной миссии, служению которой отдает свой талант писателя и публициста В. Сырокомский. Советские читатели хорошо помнят его страстные статьи, обличающие эгоизм, бездушие, жестокость буржуазного общества к подрастающему поколению. Его новая книга «Искалеченное детство», созданная на основе документальных материалов и личных наблюдений, разоблачает одну из самых мрачных сторон буржуазной действительности.

Самое страшное, что жертвой «синдрома жестокости», поразившего мир капитала, наиболее часто становится самая беззащитная часть человечества — дети. «Писать о трагедии детей тяжело. Но писать об этом обязательно надо», — говорит Виталий Сырокомский в предисловии к своей книге «Искалеченное детство». Добавлю от себя: читать об этом тоже тяжело. Факты, приводимые в книге, не могут не вызывать чувства отвращения, стыда, гнева и боли. Ежегодно в ФРГ регистрируется 2 тысячи дел о нанесении детям открытых ран, ожогов, переломов костей, других серьезных травм. В среднем в этой стране ежегодно погибает от истязания до 150 детей. Считается, что эти данные лишь видимая часть айсберга, и на самом деле каждый год подвергается тяжелой истязаниям по меньшей мере 30 тысяч детей, из них погибает более тысячи. Две тысячи пятисот подобных дел ежегодно рассматривают суды во Франции. В Англии и Уэльсе от истязания родителей каждую неде-

лю погибает 6 детей, то есть в год 300! В США число случаев избития детей достигает миллиона в год. Примерно в 2 тысячах случаев дело кончается смертью ребенка. И это, подчеркивает В. Сырокомский, не отдельные патологические случаи, это явление, ставшее типичным на Западе.

Страшная статистика! Таково истинное лицо общества, кичащегося своими правами, свободами и гуманностью. Жестокое обращение с детьми — тот самый фокус, в котором сконцентрирована в наиболее неприглядном виде природа общества, где насилие и эгоизм стали нормами повседневной жизни. Вот что говорит об этом американский исследователь доктор Винсент Фонтан: «Жестокое обращение с детьми связано с невыносимыми стрессами, с невыносимыми жилищными условиями, неуважением к человеческой жизни, наркоманией и другими бедями, среди которых мы живем».

И все же жестокие истязания — лишь одна из многочисленных трагедий, с которыми приходится сталкиваться подрастающему поколению на Западе. Автор приводит вопиющие факты, свидетельствующие о безжалостной эксплуатации детей. И, наконец, едва ли не самым отвратительным явлением, получившим широкое распространение на Западе, нужно считать растление малолетних. Попирая всякие моральные нормы, его препохабле капитал эксплуатирует самые низменные инстинкты ради получения прибыли. Только в США свыше 300 тысяч детей стали объектами «сексуальной эксплуатации». Порнобизнес с использованием детей превратился в организованную индустрию, приносящую его владельцам многомиллионный грязный барыш.

«История», — пишет В. Сырокомский, — предьявит много обвинений капитализму. И одним из самых тяжелых, уверен, будет обвинение в безжалостном отношении к миллионным детям».

Капитализм и детство — понятия несовместимые — таков главный вывод книги В. Сырокомского, как несовместимы цветы и пепел ядерного взрыва, детская улыбка и хищный оскал милитаризма, ребячий смех и порнобизнес.

С помощью трех книг невозможно, разумеется, дать полную картину загнивания капиталистического общества. Однако эти книги позволяют нам лучше понять многое из того, что происходит сегодня в мире капитала, лежащем «по ту сторону» разума, добра, простых человеческих чувств.

Издательство «Советская Россия» начало хорошее, нужное дело. Книги серии «По ту сторону» убедительно раскрывают неприглядные аспекты буржуазной действительности.

Юрий КИРПИЧНИКОВ



Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА



ХУДОЖНИК ВЕСЕННЕЙ ЖИЗНЕРАДОСТНОСТИ

Виктор ПЕТЕЛИН

«Среди самых передовых писателей русской литературы советского периода Толстой был индивидуальностью ярчайшей и талантом ослепительным. Он не повторял никого ни в чем и одновременно был тонко оцущимой связью с неумирающим нашим наследием XIX века. Золотая нить, которую он тянул из прошлого, межнейшими волосками своими уводила к Тургеневу, Аксакову, Лермонтову, Пушкину.

Качества его дара разнообразны, но одно из них бросается прежде других в глаза: это художник весенней жизнерадостности...»

Константин ФЕДИН

Удивительна была жизнь Алексея Толстого. Удивительно и поразительно разнообразно его творчество. Чем толще не занимался он в литературе: был фантастом и сказочником, трезвым бытописателем современности и проникновенным историком далекого прошлого России, писал лирические стихи и монументальные эпические полотна, острые детективные произведения и очаровательные веселые комедии. Он был фантазером, весельчаком, любителем розыгрышей, от которых не раз «страдали» и его друзья. Он был интересным собеседником, отличным рассказчиком, прекрасным чтецом своих произведений. Он был пламенным публицистом и искусным оратором. За что бы он ни брался, все получалось просто, естественно, убедительно. А ведь жизнь его была действительно сложной и противоречивой... Уже сами обстоятельства его рождения по тем временам оказались непростыми.

Родился Алексей Николаевич Толстой 10 января 1883 года (29 декабря 1882 года по ст. ст.) в городе Николаевске (ныне Пугачевск, Саратовской области) в доме небогатого дворянина Алексея Аполлоновича Бострома. Александра Леонтьевна Толстая, мать писателя, незадолго перед этим ушла от мужа, графа Николая Александровича Толстого, и троих детей. Детство Алексей Толстой провел в хуторе Сосновка — имении отца. Закончил Самарское реальное училище. Поступил в Технологический институт в Петербурге, но увлечение литературной работой не позволило ему закончить его. Писал стихи в духе модных тогда символистов, подражал Андрею Белому, Валерию Брюсову, Александру Блоку. Однако первый серьезный успех пришел к нему после того, как он создал цикл рассказов и повестей, в которых поведал читателям о семейных преданиях и хронике большого и знаменитого рода Тургеневых: Александра Леонтьевна, в девичестве Тургенева, гордилась своим происхождением, гордилась своим двоюродным дедом-декабристом и родным дедом по матери генералом Багговутом.

Всего несколько лет понадобилось Толстому, чтобы покорить читательские сердца: почти не было ни одного популярного издания накануне войны, где Толстой не печатался бы в эти годы. Самые крупные и талантливые писатели различных поколений были с ним в дружеских отношениях: Бунин, Куприн, Вересаев, Серафимович, Брюсов, Телешов, Волошин и многие другие. Алексей Максимович Горький еще в 1910 году писал одному из своих корреспондентов: «Рекомендую вниманию Вашему книгу Алексея Толстого — собранные в кучу его рассказы еще выигрывают. Обещает стать большим, первостепенным писателем». А через год Горький скажет о нем же как о «несомненно крупном, сильном и с такой правдивостью изображающем психологическое и экономическое разложение современного дворянства» писателя, назовет его «новой силой русской литературы».

26 января 1914 года в большевистской газете «Путь правды» в статье «Возрождение реализма» говорилось: «В нашей художественной литературе ныне замечается некоторый уклон в сторону реализма. Писателей, изображающих «грубую жизнь», теперь гораздо больше, чем было в недавние годы. М. Горький, гр. А. Толстой, Бунин, Шмелев, Сургучев и др. рисуют в своих произведениях не «сказочные дали», не таинственных «тайган», а подлинную русскую жизнь со всеми ее ужасами, повседневной обыденщиной».

Алексей Толстой — явление редкое, поистине сложное и действительно противоречивое. Как человек и художник он был неоглядно многогранен, а порой и многолик. Представить его таким, каким он был в своей поразительной исключительности, никому не удалось, хотя о нем написано много книг и статей. Существуют воспоминания близких ему людей, существуют дневники, записные книжки, письма. Живут в сознании миллионов читателей масс его произведения — нетленный ступок его фантазии и реальной действительности.

Но ближе всего к пониманию фигуры Толстого — человека и писателя — оказываешься, на мой взгляд, когда обращаешься к наиболее ответственным, острым периодам его жизни.

I

События развивались стремительно. Вслед за корниловским мятежом все отчетливее слышались призывы к новой революции. И в какой уж раз Алексей Толстой, пытавшийся все это время идти в ногу с современностью, оказывался отстающим, был не в состоянии дать правильной оценки событиям. В конце концов он находил верные мысли и как честный человек приводил их в соответствие своему положению в обществе. С каким вос-

торгом и оптимизмом он встретил Февральскую революцию! Какие надежды возлагал он на Корнилова, Керенского, на победоносную войну. А сейчас? Ничто не сбылось из его мечтаний. И теперь, после корниловского мятежа, Россия, по его мнению, оказалась в бесславном тупике.

Алексей Толстой в эти дни начал охладевать к политическим вопросам, реже принимал участие в спорах, которые упорно продолжались вокруг одних и тех же проблем. Тяжелые предчувствия каких-то еще более серьезных перемен стали овладевать Толстым. Газеты не зря были переполнены тревожными известиями, а по городу ходили ужасные слухи. О чем писать в такие смутные дни? О том, что на сердце, что не дает покоя ни днем, ни ночью? Или в глухой истории родины попытаться отыскать ответы на злободневные вопросы? Конечно, можно писать о тех, кто закоснел в обывательских беседах, кто способен только на стоны и нытье по поводу того или иного неурядиства. Изо дня в день Толстому доводилось слышать: «Пропадем или не пропадем? Быть России или не быть? Будут резать интеллигентов или останемся живы?» Один уверял, что «вырежут всех, и не позже пятницы», другой возражал: «Оставьте, батенька, зачем нас резать, чепуха, не верю, а вот продовольственные магазины громить будут», третий сообщал из достоверного источника, что «к первому числу город начнет вымирать от голода»...

Сам Алексей Толстой, слушая спорящих, часто возвращался в своих воспоминаниях к тем не столь далеким дням, когда ничего сегодняшнего не было и в помине. Разве накануне войны он мог предполагать, что вскоре будет одним из участников великих исторических событий? Он жил тогда в свое удовольствие. Были кое-какие средства, литературная известность, красивая жена, множество друзей и знакомых, с которыми легко сходился и также легко расставался, и жизнь ему казалась неглупой и приятной благодаря сложившейся привычке умело лавировать между крупными неприятностями и чересчур серьезными страстями. И в Петербурге и в Москве он был участником почти всех маскарадов, званых вечеров, литературных чтений и собеседований, всяческих издательских затей, бывал на премьерных и вернисажах, любил поедки и просто бездумное веселье.

Промелькнуло несколько таких праздных и веселых лет. И нечего вспомнить, будто ничего и не было, настолько все гладко и беззаботно. Но только сейчас, в эти бурные дни, он понял, что ни подлинного счастья, ни настоящего веселья он не испытывал тогда. Слово какой-то легкий безбольный вихрь носил его по кругу жизни. Осталось от всего этого что-то неопределенное, туманное и что-то неизлечимо грустное. Но не было сил противиться этому. Правда, все беспо-

койнее становилось на душе, но он не понимал, почему. Потянуло к философским проблемам. Думал найти в них удовлетворенное успокоение, стараясь постигнуть истинное и призрачное, правду и ложь. Но снова тоска завладела его сердцем. Да, то было отвратительное время, бездельное и бездельное, точно тридцать два года вертел он колесо в каторжной тюрьме и только сейчас увидел, что колесо вделано в стену и смысла от него никакого. Значит, бессмысленно прожил жизнь?

Жизнь его обрела новый смысл, когда началась война и вся Россия встала под ружье в едином патриотическом порыве. И он вместе со всеми, взволнованный, ходил по Тверской и Кузнецкому, писал патриотические статьи, ездил по трудным фронтовым дорогам, где многое повидал, многому научился. Россия пережила подъем и громкие победы, и разгром, отступление, отчаяние. Сколько всего мучительного и страшного произошло за эти военные годы. Стоит ли вспоминать все это? Постыдное и мерзкое, вроде четы Сухомлиновых, беззаботно и легко, как и он, проживавших до войны жизнь. А между тем военный министр мог бы серьезнее отнестись к своим обязанностям и не вводить в заблуждение свое правительство и страну относительно ее готовности отразить вражеское нападение. Или тот же Распутин? Да и царь с царицей оказались совершенно чужими в своей стране. Как легко смела всю эту нечистую революция! Слово налетел могучий вихрь и вдохнул в каждого русского человека желание жить по-новому. Все, кто был тогда на фронте, рассказывали, что творилось там, когда узнали о «дарованной» новым правительством свободе. Голосовали даже тогда, когда шли в атаку...

Никогда еще Алексей Толстой так остро не чувствовал, что может с такой силой любить родину, как в эти трагические для нее дни. Глубоко переживая меняющиеся с лихорадочной быстротой события, стараясь постигнуть суть происходящего, Толстой никак не мог найти самого себя, им овладевали сложнейшие чувства. То он брался за рассказ о современности и торопливо набрасывал «Рассказ проезжего человека» («Народоправство», 1917, 1 октября), в котором старался передать свои мысли, воспоминания о недавнем, пережитом, то прихотливая творческая душа уносила его в глубь веков, где он также пытался отыскать ответы на злободневные вопросы о русской государственности и о русском народе вообще. «Первые террористы», «Наваждение», «День Петра» — вот три первоначальные попытки Алексея Толстого постигнуть эпоху Петра Великого, эпоху ломки, крушения и невиданных преобразований во всех областях человеческой жизни. Но и это мало удовлетворяло, не снимало копившихся противоречий в душе.

Все новые и новые вопросы вставали

где он с интересом стал разглядывать старые портреты на стенах, петровскую мебель. Он и не заметил, как вошел Толстой.

После обычных дружеских приветствий Толстой заговорил о деле:

— Вы ведь, Всеволод Александрович, знаете, что я недавно был в Чехословакии. Удивительные перемены происходят в ней. Всего лишь восемнадцатый год отметила своей самостоятельностью, а снова грозит ей опасность завоевания...

Алексей Николаевич рассказывал о Чехословакии, а сам все время поглядывал на молодого поэта, как бы примериваясь и спрашивая себя: а справится ли тот с делом, ради которого он позвал его сюда.

— И вот я обратил внимание,— продолжал свой рассказ Толстой,— что в Чехословакии за годы свободы восстановили многое из старинного... Но огорчила меня постановка оперы «Проданная невеста». Во имя оберегания старины ее часто ставят в Праге так, как она шла в восьмидесятых годах прошлого столетия, с примитивной условностью. Музыка моцартовской прозрачности, роскошно звучащая всей полнотой оркестра, таит в себе неизмеримо большие возможности.

Толстой встал, прошелся в задумчивости по комнате, посмотрел на свои любимые «Петровские корабли», достал из халата трубку, набил ее табаком, осторожно подхлопывая ртом, раскурил ее.

— Вы не догадываетесь, зачем я пригласил вас?

Рождественский отрицательно покачал головой.

— Я вас затем и пригласил, чтобы предложить вам поработать над новым либретто этой замечательной оперы. Я познакомился со старым и понял, что оно совершенно неприемлемо. Я уже начал работать, но времени у меня совершенно нет. Вот посмотрите,— и Толстой вытащил из-под вораха вчерашних газет пухлую папку—это был клавишник оперы Сметаны.—А я пойду покопаюсь в саду, переоденусь, а за обедом поговорим.

Алексей Николаевич ушел, а Всеволод Рождественский с большой заинтересованностью стал проглядывать клавиш оперы. Но первое же знакомство с материалами охладило его. И как только снова появился в столовой Толстой, он с горечью сказал:

— Алексей Николаевич, я-то думал, это действительно перевод либретто, а тут всего лишь несколько страничек, в которых пересказывается содержание оперы.

Толстой видел растерянность поэта и на свой лад стал успокаивать его:

— Не боги горшки обжигают. Вы справитесь с этой работой. Это даже хорошо, что у вас не будет связывающих творческое воображение старых пут. У нас есть прекрасная музыка и общее направление сюжетных событий. Так будем слушать музыку и сочинять музыкальные эпизоды.

В тот вечер Толстой и Рождественский прослушали главные эпизоды оперы, а Толстой по ходу дела пересказывал сцену за сценой спектакля в Праге. И не только пересказывал содержание оперы, но тут же как бы проигрывал его вместе с будущим соавтором, вдохновляя его простотой найденного. Сыпались шутки по поводу действующих лиц. Толстой то и дело вскакивал, изображая в лицах основных персонажей: крестьянина Мию, упрямого, туповатого отца невесты; весельчака-балагура Кедала—свата невесты; жениха-идиота, недалекого деревенского парня...

— Ситуация проста и обычна,— убеждал Рождественского Тол-

стой.— Любящие друг друга Маженка и Янек соединяются вопреки всем препятствиям, которые ставят на их пути упрямый отец девушки и хитрый сват Кедал. Основное развитие событий нам в общих чертах известно, музыка подскажет остальное, и мы склотим полный жизни и солнца спектакль, который заставит зрителя смеяться от всего сердца. Поэтому не трусьте и принимайтесь за дело, работайте! Давайте начнем с чего-нибудь яркого, наиболее интересного...

«Стоит ли говорить о том,— вспоминал Всеволод Рождественский,— что я принес через два-три дня уже готовую арию свата Кедала: «Есть у невесты дом и дукаты». В ней было почти все, что так вдохновенно и неожиданно показал мне накануне в лицах сам Алексей Николаевич. Так, из живых наших бесед, из слушания музыкальных отрывков, из рассматривания чешских рисунков и фотографий постепенно выросла русский текст оперы Бедржиха Сметаны...»

Летом 1939 года Алексей Толстой задумался над вопросом: какую же трилогию в первую очередь заканчивать: «Хождение по мукам» или «Петра Первого»? Исторические, творческие и житейские обстоятельства убедили его в том, что пора заканчивать «Хождение по мукам».

Двадцать лет тому назад, в эмиграции, в Париже, он начал роман «Хождение по мукам». Еще в ходе войны, революции и гражданской войны собирал материалы для какой-то итоговой книги, завел записные книжки, делал постоянные записи о самом интересном, характерном из той жизни, какой он жил. Вдали от родины, оторванный от привычного и дорогого, Толстой в первые же месяцы почувствовал, что значит быть человеком без родины, «невесомым, бесплодным, не нужным никому, ни при каких обстоятельствах». Как о самом тяжелом периоде своей жизни вспоминал Толстой об эмиграции, хотя в материальном отношении Толстые устроились лучше многих бежавших с родины.

И, как известно, в конце 1921 года Толстой переехал в Берлин, а летом 1923 года возвратился на Родину.

«О, Русская земля» — эти слова из «Слова о полку Игореве» стали рефреном всей трилогии. «Нигде в другом русском романе,— писал Константин Федин,— не называется так часто имя России, как в «Хождении по мукам». О России говорит автор, о ней рассуждают герои, а там, где она не называется, дыхание ее измученной, но титанической груди все время обдаёт тебя горячим жаром... О русском народе говорится в каждой главе, в каждом отрывке, а там, где о русском человеке не говорится, слышишь его тепло, точно лежишь с ним под одной овчиной».

Поначалу мы этого и не замечаем: сюжет развивается по традиционным нормам семейно-бытового романа. Но потом, и довольно часто, эти истории любви сестер Булавиных становятся гораздо шире, объемнее, горькие и радостные чувства очаровательных сестер как бы отходят на второй план, а на первом плане возникают картины страдающей от эксплуатации, войны и внутреннего распада правящей верхушки трудовой России. Так возникает тема Родины, России. Так начинает звучать патриотическая тема, выявляться патриотические чувства, которые, по словам самого Толстого, «на рубеже первой мировой войны и даже в первую мировую в среде интеллигенции были ослаблены».

Да, были ослаблены, но постепенно в ходе стремительно разворачивающихся событий и среди интеллигентов ста-

ли задумываться о судьбах своей Родины. Именно на этом процессе познания собственной роли в ее судьбах и сосредоточивает свое внимание Алексей Толстой. Его герои влюбляются, переживают, мучаются, теряют и вновь находят друг друга. Но все эти личные передряги лишь помогают понять им, как ничтожны их беды и горести по сравнению с тем, что переживает весь русский народ, какие тяжкие испытания выпали на долю их Отчизны, помогают им увидеть подлинного хозяина страны — русский народ.

Толстой, побывавший за три года войны почти на всех ее фронтах, не раз попадавший в эпицентры фронтных операций, действительно мог со всей правдивостью передать патриотические чувства и настроения русского мужика, одетого в солдатскую шинель. Любовь к родной земле становилась движущей силой множества героических свершений на фронте. Это особенно ему стало очевидно в эмиграции, когда он начал работать над романом «Хождение по мукам». Четче представились ему конфликты и разногласия в русском обществе того времени. Постоянно общаясь с бывшими «хозяевами» жизни, владельцами огромных земельных угодий, с бывшими фабрикантами и заводчиками, адвокатами и журналистами, Толстой обнаружил, что все эти «бывшие» теперь дружно ратовали за восстановление монархии. Правда, не возражали бы и против военной диктатуры как переходной формы правления в России. А ведь совсем недавно многие из них «боролась» против монархии, публично бросали резкие обвинения царю и его сановникам, виновным в постыдном ходе военных действий против Германии. Куда ж подевались их демократические призывы и настроения?.. И наглядевшись на всех этих бывших «властителей» России, Толстой отчетливо понял, что их постыдная роль в судьбе России началась задолго до войны и революции. А все они в период Февральской революции, дорвавшись наконец до политической власти, поставили Россию на край гибели. Если бы они, эти «бывшие», оставались у власти, то Россия могла бы действительно развалиться и погибнуть как самостоятельное государство. А это было бы и личной трагедией Алексея Толстого как художника и патриота. Россию он любил. Не всегда он в этом признавался, но когда началась война и Толстой в качестве военного корреспондента поехал по фронтовым дорогам и увидел воюющий народ, стойко переносивший многочисленные бедствия и тяготы,— тогда-то он и понял, кто является истинным властителем жизни, кто по-настоящему дрался за свободу и независимость своей Родины, совершая героические поступки.

Во второй книге трилогии — в романе «Восемнадцатый год», над которым писатель работал в 1927—1928 годах,— Толстой старался быть предельно историчным, предельно точным, используя свидетельства очевидцев, исторические документы для того, чтобы полнее и объемнее представить подлинные картины гражданской войны, чтобы правдивее и величавее показать революционный народ.

22 июня 1941 года, поздно ночью, Алексей Толстой закончил роман «Хмурое утро» — третью часть трилогии. Больше двадцати лет он работал над трилогией, столько творческих мучений осталось позади... Никогда еще не писал он такого произведения. Ни «Сестры», ни «Восемнадцатый год» не были по своему замыслу похожи на то, что получилось в последней части трилогии. Все больше врывались голоса

истории, все больше разветвлялся сюжет, вбирая в себя широту и многогранность действительности. Вместе с психологическими переживаниями своих героев, их страстями, чувствами писатель должен был дать читателю необходимые военные сведения, точные приметы места и времени, передать строй речи и лексику простых людей, смело употребляя диалектные слова и словечки.

Хорошо сказал о всей трилогии «Хождение по мукам» А. Фадеев: «Этот роман — глубоко русский. С самого его начала, — а особенно когда начинается самый тягчайший разворот событий, — чувствуется, что могучий талант автора питается его восхищением перед русским народом. При всех тех ужасах и страданиях, которые переживает народ в великой исторической битве, где кровь льется, где люди рубят друг друга, где вековые ценности гибнут, — роман глубоко пронизан авторской любовью к народу».

«Моя родина, моя родная земля, мое отечество, и в жизни нет горячее, глубже и священнее чувства, чем любовь к тебе», — писал Толстой в годы войны. Гневный голос писателя, разоблачающего зверства фашистов, звучал на весь мир. Его талантливое слово, воссоздающее образы воинов прошлого и настоящего, вдохновляло воюющих солдат на подвиги. Но не суждено было великому патриоту увидеть окончательную победу над врагом.

10 января 1945 года Толстой, как обычно, пригласил своих друзей на день рождения. И, как обычно, было весело и неповторимо просто, душевно в доме Толстых в этот день. Только виновник торжества иногда выходил куда-то, но вскоре возвращался, чтобы снова включиться в общее веселье. Никто и не догадывался, что у него уже шла горлом кровь.

«Алексей Николаевич был весел и шутив, как прежде,— вспоминала этот день Галина Уланова.— Мы приехали к Толстому в Варвику вместе с его старинным другом Николаем Николаевичем Качаловым. Поднялись по деревянной лестнице на небольшую галерею, куда выходили комнаты. Дверь в первую из них была раскрыта, и мы увидели Толстого, сидящего в большом кресле... Я услышала громкий спокойный голос, который почти буквально повторил фразу, сказанную мне столько лет назад, когда я впервые выступала в Большом театре:

— Галя, ты не бойся, это ерунда, все пройдет...

Он долго не отпускал нас. Когда мы уходили, все шутил над своей болезнью, словно хотел отпугнуть неизбежное... И все просил поскорее приехать еще... Больше мы не виделись. Алексей Николаевич умер спустя два месяца».

Эти два месяца Толстой уже не работал. Читал газеты, слушал радио, жадно узнавая о продвижении советских войск к Берлину.

«...Широта эпического дара, талант живописца слова, искусство монументальное и пышное — все это раскрыто Толстым в трех главных памятниках его труда: «Петре Первом», в «Хождении по мукам» и в диалоге об Иване Грозном. Все они созданы в наши дни. Участие в общественной жизни страны, участие в патриотической военной работе не заглушило толстовской музы, а придало ее голосу полноту, раздвинуло в глубину и вверх ее поэтический диапазон».

Константин ФЕДИН

Агата КРИСТИ

ЗАВЕЩАНИЕ В ХАНТЕРБЕРИ

Перевод с английского Ирины БУЖИНСКОЙ

III

После перерыва суд возобновил работу. Доктор Алан Гарсия, видный патологоанатом, подробно, во всех деталях распространяется насчет содержимого желудка умершей: хлеб, рыбный паштет, чай, следы морфина. В организм поступило примерно четыре грана морфина, в то время как смертельной может стать доза даже в один гран. Поднимается довольно благодушно настроенный защитник.

— Нет никаких особых признаков, доказывающих, что морфин был именно в рыбном паштете, а не попал в организм каким-то другим путем?

— Нет.

— Следовательно, морфин мог быть и просто проглочен, скажем, в виде таблетки?

— Теоретически, да.

Слово для перекрестного допроса предоставляется обвинителю, сэру Сэмюэлу Эттенбери:

— Вы, однако, считаете, что морфин был принят одновременно с пищей и питьем?

— Я убежден в этом.

— Благодарю вас.

IV

Инспектор Брилл приносит присягу и дает показания с автоматизмом, выработанным долгой практикой.

— Вызов в дом... Слова обвиняемой: «Это, наверное, недоброкачественный рыбный паштет»... Обыск... Одна банка из-под паштета была уже вымыта, другая оставалась наполовину заполненной... Дальнейший обыск в буфетной...

— Что именно вы обнаружили?

— В щели между досками пола я нашел маленький кусочек бумаги.

Клочок бумаги передается присяжным для ознакомления.

таблет
гидрохлори
морфин 1/2

— Что, по-вашему, это было?

— Обрывок этикетки из тех, что наклеиваются на стеклянные трубочки с морфином.

Неторопливо поднимается защитник.

— Вы нашли этот клочок бумаги в щели на полу?

— Да.

— Но вы не обнаружили остатка этикетки, трубочки или флакона, к которым могла бы быть прикреплена эта этикетка?

— Нет.

— В каком состоянии был найденный вами клочок бумаги?

— Он был чистым, если не считать легкого налета пыли с пола. Следовательно, он пролежал в щели недолго.

— Вы хотите сказать, что он оказался на полу в тот самый день, когда вы нашли его, не раньше?

— Да.

С недовольным ворчанием защитник садится.

V

На месте для свидетелей сестра Хопкинс. Ее лицо красно, губы поджаты.

— Ваше имя Джесси Хопкинс?

— Да.

— Вы дипломированная районная медицинская сестра и проживаете по адресу Роуз-коттедж, Мэйденсфорд?

— Да.

— Где вы были 28 июня сего года?

— В Хантербери-холл. У миссис Уэлман сделался второй удар, и я пришла помочь сестре О'Брайен.

— У вас был при себе небольшой чемоданчик?

— Да.

— Перечислите присяжным, что в нем находилось.

— Перевязочные материалы, шприц для инъекций и кое-какие медикаменты, включая стеклянную трубочку с таблетками гидрохлорида морфина.

— Где вы оставили свой чемоданчик?

— Внизу, в холле.

— Это было вечером 28-го. Когда вы снова заглянули в чемоданчик?

— На следующее утро, как раз перед уходом.

— Там чего-нибудь недоставало?

— Да, трубочки с морфином.

— Сказали вы кому-нибудь об этом?

— Да, сестре О'Брайен, сиделке, ухаживавшей за больной.

— Чемоданчик оставался в холле, через который то и дело проходили люди?

— Да.

Новые и новые вопросы и ответы на них. Как сестра Хопкинс сопровождала Мэри в сторожку; появление Элино; неожиданное приглашение позавтракать; блюдо с сэндвичами, протянутое Мэри первой; предложение Элино вымыть посуду и ее последующая просьба помочь разобрать одежду наверху.

Элино думала: «Да, это все так, и она верит этому. Она убеждена, что я виновна. И каждое сказанное ею слово правда, вот в чем ужас».

Вновь взглянув через зал суда, она увидела лицо Эржюля Пуаро, смотревшего на нее с задумчивым, почти добрым выражением. Смотревшего на нее слишком понимающе.

Тем временем свидетельнице передан кусок картона с наклеенным на него обрывком этикетки.

— Вы знаете, что это?

— Клочок аптечной этикетки.

— Можете вы сказать присяжным, какой именно?

— Да, этикетки с трубочки с таблетками морфина — вроде той, которой я недосчиталась.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно уверена.

В заседании суда объявляется перерыв.

Глава вторая

I

На следующий день слово для перекрестного допроса свидетельнице получает защитник. Все его благодушие как рукой сняло. Он задает вопросы резко и отрывисто.

— Насчет этого знаменитого чемоданчика. 28 июня он всю ночь пролежал в холле в Хантербери?

— Да, — признала Хопкинс.

— У вас, что же, привычка разбрасывать опасные медикаменты там, где они могут попасть в чью угодно руки?

— Конечно, нет!

— Ах, конечно, нет. Но на этот раз произошло именно это?

— В общем, да.

— Значит, любой в доме мог при желании взять этот морфин?

— Полагаю, что да...

— Никаких предположений: да или нет?

— Да.

— Было кому-нибудь известно, что у вас в чемоданчике морфин?

— Я не знаю.

— Говорили вы кому-нибудь об этом?

— Нет.

— Следовательно, мисс Карлайл не могла знать, что там у вас хранится морфин?

— Она могла заглянуть в чемоданчик.

— Это кажется не очень-то вероятным, не так ли?

— Ну... я не знаю.

— Были люди, которые с большей вероятностью могли знать, что в чемоданчике морфин. Например, доктор Лорд. Вы ведь давали морфин по его указанию, не так ли?

— Разумеется.

— Мэри Джеррард тоже знала, что у вас есть морфин?

— Нет, она не знала.

— Она часто бывала у вас в коттедже, правда?

— Не так уж часто.

— Да ну? А я утверждаю, что она бывала у вас очень часто и что именно она лучше кого-либо другого в доме могла знать, что в вашем чемоданчике хранится морфин.

— Я с этим не согласна.

Сэр Эдвин сделал паузу.

— Вы сказали утром сестре О'Брайен о пропаже морфина?

— Да.

— Я утверждаю, что, по сути дела, вы сказали ей следующее: «Я оставила морфин дома. Мне придется вернуться за ним».

— Я этого не говорила.

— Разве вы не высказали предположение, что морфин остался на каминной полке у вас дома?

— Ну, когда я не смогла найти его, то подумала, что это, должно быть, так.

— Фактически вы сами не знали, что сделали с ним?

— Нет, знала. Я положила его в чемоданчик.

— Тогда почему же вы предположили, что оставили его дома?

— Потому что подумала, что это, вероятно, так и было.

— Должен вам сказать, что вы крайне небрежны в своих действиях.

— Ничего подобного!

— И в своих высказываниях тоже.

— Все нет, я никогда ничего не говорю наобум.

— Говорили вы, что укололись о розовый куст 27 июля — в день смерти Мэри Джеррард?

— Не вижу, какое это может иметь отношение к делу.

Вмещивается судья:

— Действительно ли это важно для хода судебного разбирательства, сэр Эдвин?

— Да, милорд, это важный аспект защиты: я намереваюсь доказать, что словам данной свидетельницы доверять нельзя.

Он повторил вопрос:

— Итак, вы по-прежнему утверждаете, что 27 июля укололись о розовый куст?

— Да, — вызывающе ответила Хопкинс.

— И когда же это случилось?

— Перед тем, как мы перешли из сторожки в дом.

— Что это был за куст?

— Вьющиеся розы у самой сторожки, с розовыми цветами.

— Вы уверены в этом?

— Совершенно уверена.

Защитник неожиданно атаковал ее с другой стороны:

— Действительно ли 6 июля умершая девушка, Мэри Джеррард, составила завещание?

— Да.

— Вы убеждены, что она сделала это не потому, что была в подавленном настроении и не уверена в своем будущем?

— Вздор!

— Это то самое завещание, подписанное Мэри Джеррард, засвидетельствованное Эмили Биггс и Роджером Уэйдом, продавцами из магазина готового платья, и оставляющее все имущество Мэри Рили, сестре Элизы Рили?

— Совершенно верно.

Завещание передается присяжным.

II

Показания дает сестра О'Брайен.

— Какое заявление сделала вам медсестра Хопкинс утром 29 июня?

— Она сказала, что из ее чемоданчика исчезла трубочка с гидрохлоридом морфина.

— Насколько вам известно, чемоданчик оставался на ночь в холле?

— Да.

— Мистер Уэлман и обвиняемая вместе были в доме в момент смерти миссис Уэлман, то есть в ночь с 28 на 29 июня?

— Это так.

Окончание. Начало в №№ 14—17.

— Расскажите нам, что произошло 29 июня, на следующий день после смерти миссис Уэлман.

— Я видела мистера Родерика Уэлмана с Мэри Джеррард. Он говорил ей о своей любви и пытался поцеловать ее.

— Он был в то время помолвлен с обвиняемой?

— Да.

— Что случилось потом?

— Мэри пристыдила его и напомнила, что он обручен с мисс Элиноур.

— Как, по вашему мнению, относилась обвиняемая к Мэри Джеррард?

— Она смертельно ненавидела Мэри, — уверенно ответила свидетельница.

Глава третья

I

Из вступительной речи защитника:

«Обвинение утверждает, будто никто, кроме Элиноур Карлайл, не мог убить Мэри Джеррард. Но так ли это? Нет, нет и нет! Не исключено, что Мэри Джеррард покончила жизнь самоубийством. Не исключено, что кто-то подмешал яд в сэндвичи, пока Элиноур Карлайл была в сторожке. И, наконец, есть третья возможность. Один из основных принципов судебного разбирательства гласит: если можно доказать наличие альтернативной версии, согласующейся с имеющимися фактами, обвиняемый должен быть оправдан. Я намерен доказать вам существование еще одного лица, которое не только имело такую же возможность отравить Мэри Джеррард, но у которого была гораздо более веская причина сделать это. Я также вызову в суд людей, которые докажут, что один из свидетелей обвинения дал заведомо ложные показания. Но прежде я вызову обвиняемую, чтобы она сама рассказала вам все и чтобы вы могли судить о необоснованности выдвинутых против нее обвинений».

II

Она принесла присягу и теперь дает заранее вытверженные наизусть ответы на вопросы, которые мягко и ободряюще задает ей защитник.

Да, ее помолвка с Родериком Уэлманом была расторгнута по обоюдному согласию; нет, она не брала морфин из чемоданчика сестры Хопкинс; да, она пригласила двух других женщин позавтракать с ней только для того, чтобы избавить их от утомительного хождения в деревню и обратно в жаркий летний день; да, кто угодно мог проникнуть в буфетную, пока ее там не было.

Другие, уже знакомые ей вопросы.

— Что произошло, когда все вы вернулись в дом?

— Мы прошли в гостиную, я принесла блюдо с сэндвичами и предложила их двум другим женщинам.

— Пили вы что-нибудь вместе с ними?

— Я пила воду. В буфетной было пиво, но сестра Хопкинс и Мэри предпочли чай. Сестра Хопкинс прошла в буфетную и приготовила его. Она принесла его на подносе, и Мэри разлила чай по чашкам.

— Вы не пили чай?

— Нет.

— Но Мэри Джеррард и сестра Хопкинс обе пили его?

— Да.

— Что было потом?

— Сестра Хопкинс вышла и выключила газ. Спустя несколько минут я собрала посуду на поднос и отнесла в буфетную. Сестра Хопкинс была там, и мы вместе вымыли посуду.

— Были ли у сестры Хопкинс засучены в этот момент рукава?

— Да. Она мыла посуду, а я вытирала ее.

— Вы что-нибудь говорили насчет следа на ее запястье?

— Да, я спросила ее, не оцарапалась ли она.

— И что она ответила?

— Она сказала: «Это шип с розового куста близ сторожки. Я потом вытащу его».

— Как она выглядела и вела себя в этот момент?

— Мне показалось, она неважно себя чувствовала от жары. Ее лицо вспотело и было какого-то странного зеленоватого цвета.

— Что произошло потом?

— Мы поднялись наверх, и она помогла мне разобрать тетины вещи. Когда мы час спустя вернулись в гостиную, Мэри была без сознания. Сестра Хопкинс сказала мне, чтобы я позвонила доктору. Он приехал как раз перед тем, как она умерла.

Сэр Эдвин театральным жестом расправил плечи.

— Мисс Карлайл, убили ли вы Мэри Джеррард? (Ну, теперь ее очередь. Голову выше, смотреть прямо перед собой.)

— Нет!

III

К перекрестному вопросу приступает обвинитель. Внимание! Сейчас ей предстоит поединок с врагом. Уже не будет вопросов, ответы на которые она вызубрила заранее. Началось все, однако, довольно мирно.

— По вашим словам, вы были помолвлены с мистером Родериком Уэлманом?

— Да.

— Вы хорошо относились к нему?

— Очень хорошо.

— А я вот утверждаю, что вы не просто хорошо относились к нему, а любили и отчаянно ревновали, когда он полюбил Мэри Джеррард.

— Нет! (Достаточно ли возмущенно прозвучало это «нет»?)

В голосе обвинителя нарастала угроза.

— Я далее утверждаю, что вы сознательно решили устранить эту девушку с дороги в надежде, что Родерик Уэлман вернется к вам.

— Ничего подобного. (Презрительно, немного устало. Это прозвучало лучше.)

Вопрос за вопросом. Страшные, коварные вопросы. К некоторым из них она была готова, другие застают ее врасплох. Как мучительна эта необходимость все время помнить свою роль, невозможность хотя бы раз сказать: «Да, я ненавидела ее... Да, я хотела ее смерти. Все время, пока я нарезала сэндвичи, я думала о том, как было бы хорошо, если бы она умерла».

Но надо оставаться холодной и спокойной, отвечать как можно короче и бесстрашнее. Ведь на карте стоит ее жизнь.

IV

На месте для свидетелей Родди. Бедняга, сразу видно, до чего ему все это тошно. И выглядит он каким-то... нереальным.

Но ведь реального ничего и не осталось. Все перепуталось: белое стало черным, верх — низом, а восток — западом. Да и я уже не Элиноур Карлайл, а «обвиняемая». И повесят меня или отпустят на свободу, ничто уже не будет прежним. Ах, если бы было хоть что-то разумное, надежное, за что можно было бы зацепиться, чтобы не скользить все глубже в эту ужасную пустоту. (Быть может, только Питер Лорд со своим веснушчатым лицом производит впечатление чего-то отраднo обычного, и это успокаивает.) До какого места дошел сэр Эдвин в своем допросе?

— Не будете ли вы столь любезны сказать, каким было отношение мисс Карлайл к вам?

Родди отвечал своим сдержанным тоном:

— Я бы сказал, что она была глубоко привязана ко мне, но ни о какой страстной любви, разумеется, не могло быть и речи.

— А теперь скажите, каковы были ваши отношения с Мэри Джеррард?

— Я находил ее очень привлекательной.

— Вы были влюблены в нее?

— Чуть-чуть.

— Когда вы видели ее в последний раз?

— Должно быть, 5 или 6 июля.

Голос сэра Эдвина не сулил ничего хорошего.

— Я думаю, вы видели ее и после этого.

— Нет, я уехал за границу.

— Когда же вы вернулись в Англию?

— Когда получил телеграмму... дайте вспомнить.

Это было, значит, 1 августа.

— А по-моему, вы были в Англии 27 июля.

— Нет.

— Ну, ну, мистер Уэлман. Не забывайте, что вы даете показания под присягой. Из отметок в вашем паспорте явствует, что вы вернулись в Англию 25 июля и вновь уехали 27 июля ночью.

Сэр Эдвин говорил слегка угрожающим тоном. Элиноур, внезапно вернувшись к действительности, нахмурилась: с чего это защитник набрасывается на собственного свидетеля? Родерик заметно побледнел. Минуты две он молчал, а потом выдал из себя:

— Да... это правда...

— Итак, вы приехали и 25 июля посетили Мэри Джеррард в Лондоне?

— Да.

— Цель вашего визита?

— Я снова просил ее... выйти за меня замуж.

— Что же она ответила?

— Она отказала мне.

— Вы ведь небогатый человек, мистер Уэлман?

— Да, я небогат.

— И у вас много долгов, не так ли?

— Какое вам до этого дело?

— Знали вы о том, что мисс Карлайл по завещанию оставила вам все свои деньги?

— Впервые слышу об этом.

— Были вы в Мэйденсфорде утром 27 июля?

— Нет!

— Благодарю вас, это все.

V

Альфред Джеймс Уоргрейв.

— Вы владели розария и живете в Эмсуорте?

— Да.

— Ездили вы 20 октября в Мэйденсфорд, чтобы осмотреть розовый куст у сторожки в Хантерберрихолл?

— Да.

— Можете вы охарактеризовать этот куст?

— Это вьющиеся розы, известные под названием Зефирен Друфэн. У них розовые цветы с сильным ароматом и нет шипов.

— Следовательно, уколоться о такой розовый куст невозможно?

— Абсолютно невозможно. У этих роз нет шипов.

Перекрестного вопроса не последовало.

VI

— Ваше имя Джеймс Артур Литтлдейл? Вы дипломированный фармацевт и работаете в оптовой фармацевтической фирме «Дженкинс и Хейл»?

— Совершенно верно.

— Можете вы сказать мне, что это за клочок бумаги?

Свидетелю передается одно из вещественных доказательств.

— Это обрывок одной из наших этикеток.

— Каких именно?

— Этикеток, которые мы прикрепляем к стеклянным трубочкам с таблетками для инъекций.

— Можете ли вы на основании этого обрывка определить, что было в трубочке, к которой была прикреплена этикетка?

— Да. Я совершенно уверен, что трубочка, о которой идет речь, содержала предназначенные для инъекций таблетки гидрохлорида апоморфина в дозировке 1/20 грана каждая.

— Но не гидрохлорида морфина?

— Ни в коем случае.

— Почему?

— На такой этикетке слово «Морфин» пишется с заглавной буквы. Тут же, как ясно можно разглядеть под лупой, хотя этикетка и оборвана, буква «М» строчная. Следовательно, это не все слово «морфин», а лишь составная часть слова «апоморфин».

Вещественное доказательство вместе с целыми этикетками, представленными для сравнения, передается присяжным.

Сэр Эдвин возобновляет допрос:

— Что представляет собой гидрохлорид апоморфина?

— Его формула $C_{17}H_{19}NO$. Это производное морфина, получаемое путем нагревания его вместе с разбавленной соляной кислотой в герметически закрытом сосуде. Морфин при этом теряет одну молекулу воды.

— Каковы особые свойства апоморфина?

— Апоморфин является самым быстродействующим и эффективным рвотным средством из всех известных до сих пор. Он действует уже через несколько минут после введения в организм.

— Значит, если кто-нибудь проглотит смертельную дозу морфина, а затем через несколько минут сделает себе инъекцию апоморфина, что произойдет?

— Почти немедленно последует сильнейший приступ рвоты, и морфин будет выведен из организма.

— Допустим, два человека ели одни и те же сэндвичи и пили чай из одного и того же чайника, а потом один из них сделал себе укол апоморфина. Что произойдет, если в пищу или питье был подмешан морфин?

— Пища или питье, содержащие морфин, будут немедленно извергнуты из организма человека, впрыснувшего себе апоморфин.

— И с этим человеком ничего не случится?

— Ничего.

Внезапный гул возбуждения в зале и строгий окрик судьи, призывающего к молчанию.

VII

— Вы Амелия Мэри Седли, постоянно проживающая по адресу Окленд, Бунамба, Чарльз-стрит, 17?

— Да.

— Знаете вы некую миссис Дрейпер?

— Да. Я знаю ее более двадцати лет.

— Известна вам ее девичья фамилия?

— Да. Я была на ее свадьбе. Ее тогда звали Мэри Рили.

— Она уроженка Новой Зеландии?

— Нет, она приехала из Англии.

— Вы присутствуете в суде с самого начала процесса?

— Да.

— Видели вы эту Мэри Рили — или Дрейпер — в зале суда?
 — Да.
 — Где?
 — На месте для свидетелей, где она давала показания.
 — Под каким именем?
 — Под именем Джесси Хопкинс.
 — И вы абсолютно уверены, что эта Джесси Хопкинс — женщина, которую вы знаете как Мэри Рили, или Дрейпер?
 — Абсолютно уверена.
 — Когда вы в последний раз видели Мэри Дрейпер — до сегодняшнего дня?
 — Пять лет назад. Она уехала в Англию.
 Сэр Эдвин отвесил поклон обвинителю:
 — Ваша очередь.
 Сэр Сэмюэл Эттенбери начал в некотором замешательстве:
 — Вы, э... миссис Сэдли, вероятно, ошиблись.
 — Я не ошиблась.
 — Вас могло ввести в заблуждение случайное сходство.
 — Я знаю Мэри Дрейпер достаточно хорошо.
 — Джесси Хопкинс — дипломированная медсестра.
 — Мэри Дрейпер до своего замужества была медсестрой в больнице.
 — Вы понимаете, что обвиняете свидетеля обвинения в лжесвидетельстве?
 — Я прекрасно понимаю, что делаю.

VIII

— Эдвард Джон Маршалл, в течение нескольких лет вы жили в Окленде, Новая Зеландия, а сейчас проживаете по адресу Дентфорд, Рен-стрит, 14?
 — Это так.
 — Знаете вы Мэри Дрейпер?
 — Я знал ее несколько лет в Новой Зеландии.
 — Видели вы ее сегодня в суде?
 — Видел. Она называет себя Хопкинс, но это миссис Дрейпер, можете не сомневаться.
 Судья поднял голову. Он заговорил негромко и четко:
 — Считаю целесообразным вновь вызвать свидетельницу Джесси Хопкинс.
 Пауза. Какой-то шум.
 — Ваша светлость, Джесси Хопкинс покинула здание суда несколько минут назад.

IX

— Эркуль Пуаро!
 Пуаро проследовал на место для свидетелей, принес присягу, подкрутил усы и ждал, слегка склонив голову набок.
 — Мсье Пуаро, узнаете вы этот документ?
 — Безусловно.
 — Каким образом оказался он в ваших руках?
 — Мне дала его районная медсестра Хопкинс. Защитник обращается к судье:
 — С вашего разрешения, милорд, я зачитаю этот документ вслух, а потом он может быть передан присяжным.

Глава четвертая

I

Из заключительной речи защитника:
 — Господа присяжные, к настоящему моменту вы наверняка убедились, что обстоятельства дела весьма отличны от тех, какими они представлялись вначале. Вчера, после сенсационных показаний, данных мсье Эрколе Пуаро, я вызвал других свидетелей, доказав с полной очевидностью, что Мэри Джеррард была незаконной дочерью Лауры Уэлман. Следовательно, ближайшей родственницей миссис Уэлман была не ее племянница Элино Карлайл, а ее прижитая вне брака дочь, известная под именем Мэри Джеррард. Значит, после смерти миссис Уэлман Мэри Джеррард унаследовала огромное состояние. В этом, господа присяжные, ключ ко всему. Мэри Джеррард получила в наследство около двухсот тысяч фунтов стерлингов. Но сама она не знала об этом. Не знала она также, кем была на самом деле женщина, называвшая себя Хопкинс. Вы можете подумать, господа, что у Мэри Рили, или Дрейпер, были какие-то вполне законные основания сменить фамилию на Хопкинс. Но если так, то почему она не явилась в суд и не дала необходимых разъяснений?
 Все, что мы знаем, сводится к следующему: по настоянию Хопкинс Мэри Джеррард написала завещание, оставив все, что у нее было, «Мэри Рили, сестре Элизы Рили». Мы знаем, что сестра Хопкинс в силу своей профессии имела доступ к морфину и апоморфину и была знакома с их свойствами.

Кроме того, доказано, что сестра Хопкинс лгала, утверждая, будто уколола руку о розовый куст, лиственный шипов. Для чего было ей лгать, если не для того, чтобы спешно объяснить происхождение следа, оставленного иглой для инъекций? Помните также, что, как заявила под присягой обвиняемая, когда она вошла в буфетную, у сестры Хопкинс был нездоровый вид, а лицо ее было зеленоватого оттенка — вполне естественно, если предположить, что перед этим ее отчаянно рвало.
 Хочу подчеркнуть еще один момент: проживи миссис Уэлман одни сутки дольше, она составила бы завещание и, несомненно, должным образом позаботилась бы о Мэри Джеррард, но не оставила бы ей всего состояния, будучи твердо уверена в том, что ее непризнанной дочери лучше оставаться в другой сфере жизни.

Не мне давать оценку уликам против какого-то другого лица, помимо обвиняемой. Мое дело лишь доказать, что у этого другого лица были такие же возможности и гораздо более сильные побудительные мотивы для совершения преступления.

II

Из заключительного слова судьи, лорда Беддингфилда, адресованного присяжным:
 — Если обвинение убедило вас, что обвиняемая и только она одна совершила преступление, ваш долг — объявить ее виновной.
 Если альтернативная версия, выдвинутая защитой, возможна и согласуется с известными фактами, обвиняемая должна быть оправдана.
 Настоятельно призываю вас обдумать приговор тщательно и всесторонне, опираясь исключительно на факты, предложенные вашему вниманию.

III

Элино вновь привели в суд.
 В зал гуськом вошли присяжные.
 — Господа присяжные, вынесли ли вы приговор?
 — Да.
 — Взгляните на обвиняемую и скажите, виновна она или невиновна.
 — Невиновна...

Глава пятая

Элино вывели через боковую дверь. Она смутно узнавала лица, радостно улыбающиеся ей... Родди... Детектив с большими усами...
 Но обратилась она к Питеру Лорду:
 — Я хочу уехать отсюда.
 И вот теперь оба они в автомашине, уносящейся прочь из Лондона. Молодой врач ничего не говорил, и Элино наслаждалась этим молчанием, как самым высшим благом. Внезапно она заговорила сама:
 — Мне хотелось бы куда-нибудь, где тихо и где нет... человеческих лиц...
 — Все устроено. Вы едете в санаторий. Тихое зеленое местечко. Никто не будет беспокоить вас там.

Девушка благодарно кивнула. Она хотела забыть, забыть все. Прошлое ушло, исчезло, испарилось — вся прежняя жизнь с прежними чувствами. Она сама была каким-то новым, беззащитным и напуганным существом, начинающим все заново. Они ехали уже через предместье. Элино вновь заговорила:

— Это все вы, вы...
 — Нет, это Пуаро. Он просто маг и волшебник. Элино упрямо покачала головой:
 — Это вы. Вы заставили его сделать это...
 Лорд усмехнулся.
 — Пожалуй, что и заставил.
 Девушка спросила:
 — Вы знали, что я не делала этого, или...?
 Он ответил просто:
 — Я так и не был уверен до конца.
 — Из-за того, что я почти сказала «виновна» тогда, в самом начале? Но, видите ли, я ведь думала об этом... Когда я купила пащтет и готовила сэндвичи, я словно играла сама с собой в какую-то страшную игру и твердила мысленно: «Вот я подмешиваю в сэндвичи яд, она съест их и умрет — и тогда Родди вернется ко мне».
 Врач понимающе улыбнулся.
 — Такое бывает, и это даже неплохо. Вы даете выход своим чувствам в такой игре, и ни до чего серьезного дело не доходит.

Элино подтвердила:
 — Правда. Я внезапно словно стряхнула с себя какое-то наваждение. Когда эта женщина упомянула о розах близ сторожки, я будто очнулась и вновь стала нормальным человеком.
 — Видите ли, — объяснил медик, — думать об убийстве совсем не то, что замышлять его. Если вы

долго думаете об убийстве, обязательно наступит такой момент, когда все лучшее, человеческое в вас возьмет верх, и вы поймете, что все это, в сущности, просто глупо.

Внезапно на глазах Элино выступили слезы.
 — Знаете, там, в суде, я иногда смотрела на вас, и это придавало мне мужество. Вы выглядели таким... таким обыкновенным. О, простите, я, кажется, уже начинаю грубить...

Он вновь улыбнулся.
 — Я понимаю. Когда на тебя обрушивается кошмар, единственная надежда — уцепиться за что-нибудь обыкновенное. Да и вообще, я считаю, обыкновенные вещи — самые лучшие.

Первые за все время, проведенные в машине, Элино повернула голову и взглянула на своего спутника.

«Какое милое у него лицо, — подумала она, — милое, забавное и надежное, что ли...»

Наконец они приехали. На холме перед ними высилось белое здание спокойных, гармоничных очертаний.

— Вам будет хорошо здесь, — сказал Питер Лорд. — Никто вам не будет досаждать.

Неожиданно она положила ладонь на его руку.
 — А вы будете навещать меня?

— Разумеется.
 — Часто?
 — Так часто, как вы захотите.
 — Тогда, пожалуйста, приезжайте как можно чаще.

Глава шестая

— Теперь вы видите, друг мой, — наставительно говорил Эркуль Пуаро, — что ложь, которую преподносят вам люди, столь же полезна, как и правда.
 — Неужели вам лгал каждый? — удивился Питер Лорд.

Пуаро кивнул.
 — О да! А единственный человек, для которого правда была превыше всего, приводел меня в замешательство больше всех других.

— Сама Элино... — пробормотал врач.
 — Она самая. Все указывало на нее как на убийцу, а она, признав себя виновной в стремлении к убийству, если не в самом убийстве, готова была отказаться от унижительной, по ее мнению, борьбы и взять на себя вину за преступление, которого не совершала. Она вынесла себе обвинительный приговор, ибо судила себя строже, чем это сделало бы большинство людей на ее месте.

— Да, она такая, — задумчиво подтвердил Лорд. Пуаро продолжал:

— С первого момента моего расследования существовала явная возможность того, что Элино Карлайл все-таки виновна. Но я помнил об обещании, данном вам, и со временем обнаружил, что серьезные улики существуют и против другого лица.

— Сестры Хопкинс?
 — Сначала нет. Прежде всего мое внимание привлек Родерик Уэлман. И тут мои подозрения были вызваны ложью с его стороны. Он сказал мне, что покинул Англию 9 июля и вернулся 1 августа. Но сестра Хопкинс случайно упомянула о том, что Мэри Джеррард отвергла его ухаживания и в Мейденсфорде и снова, «когда он заявился к ней в Лондоне». Вы же сообщили мне, что Мэри Джеррард уехала в Лондон 10 июля, спустя день после того, как Родерик Уэлман покинул Англию. Так когда же у Мэри Джеррард была встреча с Родериком Уэлманом в Лондоне? Я воспользовался услугами моего друга — взломщика — и, ознакомившись с паспортом Уэлмана, установил, что он был в Англии с 25 по 27 июля. Значит, в этом случае он сознательно солгал.

Ни на секунду я не забывал о том острове времени, когда блодо с сэндвичами оставалось в буфетной, а Элино Карлайл была в сторожке. Но я понимал, что при этом варианте намеченной жертвой должна была быть сама Элино Карлайл, а не Мэри Джеррард. Был ли у Родерика Уэлмана побудительный мотив для убийства мисс Карлайл? Да, и очень веский. Она завещала ему все свое состояние, и мне удалось выяснить, что Уэлман мог знать об этом факте.

— И почему же вы решили, что он невиновен?
 — Из-за еще одной лжи и при этом лжи мелкой и глупой. Сестра Хопкинс сказала, что оцарапалась о розовый куст и шип остался у нее в руке. Но я отправился туда, увидел куст — на нем не было никаких шипов... Следовательно, сестра Хопкинс солгала и солгала настолько глупо и на первый взгляд бесцельно, что это привлекло к ней мое внимание. Я призадумался насчет сестры Хопкинс, мысленно еще раз проанализировал ее показания и понял нечто, до чего не додумался раньше: сестра Хопкинс что-то знала о Мэри Джеррард и очень хотела, чтобы это «что-то» всплыло наружу.

Лорд был удивлен.

— Я думал, дело обстояло как раз наоборот.

— Это только казалось. Она превосходно играла роль человека, что-то знающего, но желающего это «что-то» скрыть. Пораскинув мозгами, я увидел, что каждое произнесенное ею слово преследовало диаметрально противоположную цель. Моя беседа с О'Брайен подтвердила это предположение. Было ясно, что сестра Хопкинс ведет какую-то свою игру. Я сопоставил две лжи: ее и Родерика Уэлмана. Могла ли какая-то из них иметь вполне невинное объяснение?

В случае с Родериком я сразу же ответил на этот вопрос утвердительно. Такому самолюбивому человеку, как он, было бы крайне неприятно сознаваться, что у него не хватило силы воли для того, чтобы остаться за границей на какой-то определенный срок, и что он раньше назначенного времени вернулся в Англию и вновь начал надоедать отвергнувшей его девушке. Поэтому он предпочел просто умолчать об этом коротком визите на родину, не остановившись даже перед прямой ложью.

Но существует ли столь же невинная причина для лжи у сестры Хопкинс? Чем больше я думал, тем более странным казалось мне все это. К чему было Хопкинс лгать насчет следа на своем запястье? Что в нем такого особенного?

Я начал задавать себе кое-какие вопросы. Кому принадлежал похищенный морфин? Сестре Хопкинс. Кто мог ввести этот морфин старой миссис Уэлман? Сестра Хопкинс. Да, но зачем привлекать внимание к его исчезновению? Если сестра Хопкинс была виновна, ответ на этот вопрос мог быть только один: другое убийство, убийство Мэри Джеррард. Было уже задумано и подходящий козел отпущения найден, но необходимо было показать, что у этого козла отпущения имелась возможность получить морфин.

Добавим к этому анонимное письмо, посланное Элинор. Оно должно было вызвать неприязнь между двумя девушками. Хопкинс, несомненно, рассчитывала, что, получив письмо, Элинор придет и постарается воспрепятствовать влиянию Мэри на миссис Уэлман. То, что Родерик Уэлман сразу до безумия увлекся Мэри, было сюрпризом, которым Хопкинс не преминула воспользоваться. Ведь теперь можно было приписать козлу отпущения еще один мотив для совершения убийства: ревность.

Но какую цель преследовали эти два преступления? К чему было сестре Хопкинс убивать Мэри Джеррард? Я начинал понемногу, если можно так выразиться, различать слабый свет в конце туннеля. Сестра Хопкинс имела большое влияние на Мэри и, в частности, воспользовалась им для того, чтобы побудить девушку составить завещание. Но завещание было не в пользу Хопкинс, а в пользу тетушки Мэри, живущей в Новой Зеландии. И тут я вспомнил, что кто-то в деревне случайно упомянул, что эта самая тетушка была медицинской сестрой и работала в больнице. Свет становился ярче. Вырисовывался замысел преступления. Я еще раз побывал у сестры Хопкинс. Мы оба очень мило играли комедию. Под конец она позволила поговорить себя рассказать то, что все время жаждала выложить. Только рассказала она, вероятно, чуть раньше, чем собиралась. Но случай был так хорош, что она не устояла перед искушением. К тому же рано или поздно истина все равно должна была стать известной. С хорошо разыгранной неохотой она извлекла на свет божий письмо. И тут, друг мой, на смену догадкам пришла уверенность! Письмо выдало ее с головой.

Питер Лорд нахмурился и спросил:

— Каким образом?

— Но, дорогой мой, это же так просто! На письме была надпись: «Переслать Мэри после моей смерти». Но содержание ясно показывало, что Мэри Джеррард не должна была знать правду. Да и слово «переслать», а не «передать» на конверте говорило о многом. Письмо предназначалось не Мэри Джеррард, а другой Мэри. Это своей сестре Мэри Рили в Новой Зеландии Элиза Рили писала правду. Хопкинс вовсе не находила письма в сторожке после смерти Мэри. Много лет назад она получила его в Новой Зеландии, куда оно было переслано ей после смерти сестры.

— Допустим, — сказал Питер Лорд, — вы ошиблись, и Хопкинс и Мэри Дрейпер совершенно разные люди?

Пуаро ответил холодно:

— Я никогда не ошибаюсь.

Его собеседник рассмеялся, а Пуаро продолжал:

— Мы сейчас знаем кое-что об этой Мэри Рили, или Дрейпер. Новозеландская полиция не смогла собрать достаточно улик для передачи дела в суд, но к тому моменту, когда она неожиданно покинула страну, наблюдение за ней продолжалось уже некоторое время. У нее была пациентка, старая дама, которая оставила своей «милой сестре Рили» приличное наследство и смерть которой несколько

Рисунок Валерия СМЕРНОВА



озадачила лечащего врача. Муж Мэри Дрейпер застраховал жизнь в пользу своей жены, и кончина его была внезапной и необъяснимой. Вероятно, на ее совете и другие жизни. Это, безусловно, опасная и беспощадная женщина. По-видимому, письмо сестры подтолкнуло ее на новую авантюру. Когда земля Новой Зеландии начала гореть у нее под ногами, она вернулась на родину и стала работать по специальности под именем Хопкинс (это, кстати сказать, имя ее бывшей сослуживицы, умершей за границей). Ее целью был Мэйденсфорд. Не исключено, что она подумывала о шантаже. Но старая миссис Уэлман была не из тех, кого можно безнаказанно шантажировать, и сестра Рили, или Хопкинс, благоразумно отказалась от этой затеи. Безусловно, она навела справки и знала, что миссис Уэлман — очень богатая женщина, а какое-то случайное замечание старой леди открыло ей, что та еще не составила завещания.

Итак, в тот июньский вечер, когда сестра О'Брайен сообщила коллеге, что миссис Уэлман требует юриста, Хопкинс, не колеблясь, начала действовать. Миссис Уэлман должна умереть, не оставив завещания, чтобы ее незаконная дочь могла унаследовать все! Хопкинс уже подружилась с Мэри Джеррард и приобрела на девушку большое влияние. Ей оставалось только убедить Мэри написать завещание и оставить все деньги сестре своей покойной матери. Обратите внимание, как осторожно сформулировано завещание: никакого упоминания о родстве, лишь «Мэри Рили, сестра покойной Элизы Рили». Подписав завещание, Мэри Джеррард тем самым подписала свой смертный приговор. Этой женщине теперь нужен был только удобный случай. Она, я полагаю, уже наметила способ убийства с последующим применением апоморфина, чтобы обеспечить себе алиби. Вероятно, Хопкинс собиралась как-нибудь залучить Элинор и Мэри в свой коттедж, но неожиданное приглашение Элинор облегчило ей задачу. Обстоятельства сложились так, что Элинор не могли не признать виновной.

— И если бы не вы, — медленно сказал Лорд, — ее бы осудили.

— Нет, нет, друг мой, это вам она обязана жизнью.

— Мне? Но я ничего не сделал. Я только старался... — Он осекся. Пуаро ехидно улыбался:

— Да, уж старались вы изо всех сил, просто из кожи вон лезли. Вы изнывали от нетерпения, полагая, что я действую недостаточно энергично. И вы осмелились лгать мне. Эркюлю Пуаро! Ах, дорогой мой, рекомендую вам в будущем заниматься корью и коклюшем, а не сыскным делом, в котором вы ничего не смыслите.

Питер Лорд вспыхнул до корней волос.

— Значит, вы все время знали?

Пуаро строго сказал:

— Вы за руку приводите меня к просвету в кустах и помогаете мне найти спичечный коробок, который сами же только что подбросили туда. Да это просто ребячество! Вы беседуете с садовником и буквально заставляете его сказать, что он видел на дороге вашу машину, а затем вдруг начинаете уверять, что машина была вовсе не ваша.

— Ну и болван же я был, — простонал врач.

— Что вы делали в Хантербери в то утро?

Питер Лорд покраснел так, что на него было жалко смотреть.

— Да просто идиотство... Я услышал, что она здесь, и отправился к дому, надеясь увидеть ее. Я не собирался с ней говорить. Я хотел... ну только взглянуть на нее. Через просвет в кустах я видел, как она нарезает сэндвичи, и... в общем, смотрел на нее, пока она не ушла.

Пуаро негромко спросил:

— Вы с первого взгляда полюбили Элинор Карлайл, не так ли?

— Надо полагать, так.

Наступило долгое молчание. Наконец молодой человек нарушил его:

— Эх, да что тут говорить! Надо надеяться, теперь она и этот ее... Родди будут жить долго и счастливо. Она простит ему случай с Мэри Джеррард. В конце концов это действительно было лишь наваждение.

Пуаро покачал головой.

— Нет, нет... Между прошлым и будущим лежит глубокая пропасть. Если человек вступает в полную тень долины смерти, а потом вновь выходит из нее на солнечный свет, для него начинается новая жизнь, и этой новой жизнью Элинор Карлайл обязана вам. Вы дали ей эту жизнь. Она вам благодарна, правда?

Питер Лорд нехотя ответил:

— Да, она благодарна — сейчас. Но нужен ей не я, а он.

Пуаро снова покачал головой:

— Вы ошибаетесь. Она никогда не нуждалась в Родерике Уэлмане. Элинор Карлайл любила его, да, безответно, до отчаяния.

Лицо Лорда сразу словно осунулось. Он хрипло проговорил:

— Никогда она не будет любить меня так.

— Возможно, и не будет. Но вы нужны ей, друг мой, потому что только с вами может она начать жизнь заново.

Врач молчал.

Голос Эркюля Пуаро зазвучал необычайно мягко:

— Поймите же, наконец... Она любила Родерика Уэлмана. Ну, и что? Эта любовь не принесла ей ничего, кроме горя. А с вами она может быть счастлива...

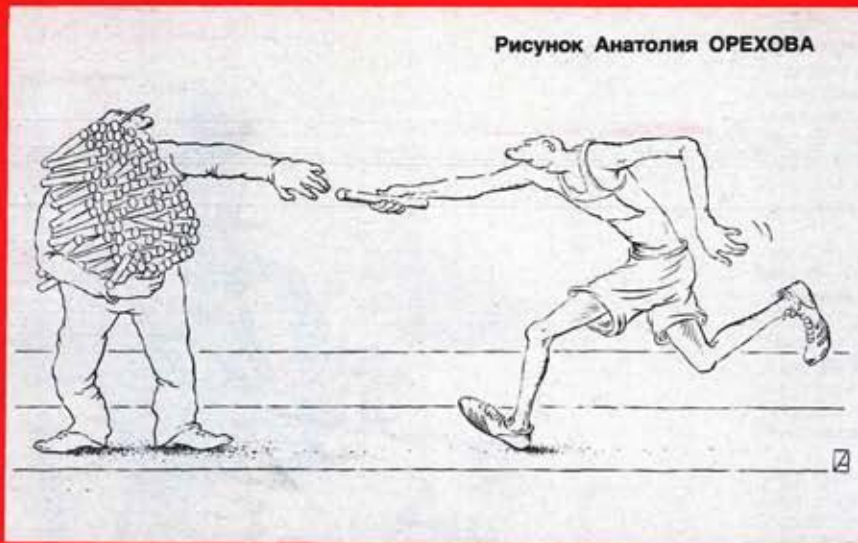


Рисунок Анатолия ОРЕХОВА



Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО



Рисунок Андрея БИЛЬЖО



Рисунок Андрея ДМИТРИЕВА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ



(Продолжение. Начало см. в №№ 11—14, 16 и 17 журнала.)

СЕДЬМОЙ ТУР

Открывая вторую половину заочного соревнования наших читателей — любителей шахмат, мы напоминаем о том, что ответ на каждое задание нужно послать в сокращенной нотации на отдельной открытке в обусловленный срок, не забывая разборчиво указывать свою фамилию, инициалы, адреса редакции и отправителя, ставить пометку «Шахматный конкурс «Смена-79» с номером тура.

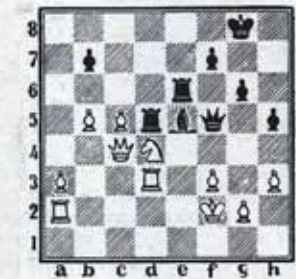
Открытки (без конвертов) на седьмой тур высылайте нам, пожалуйста, не позднее 30 ноября 1979 года.

СПАРТАКИАДНЫЕ БАТАЛИИ

Крупнейшим событием шахматной жизни явился турнир VII летней Спартакиады народов СССР. В командах всех союзных республик, Москвы и Ленинграда участвовало почти двести сильнейших шахматистов. Среди них более 40 международных гроссмейстеров во главе с чемпионами и



Мат в четыре хода (3 очка)



Ход черных. Как должна закончиться игра при лучших действиях обеих сторон (нужны только варианты, а не словесные доказательства)? (3 очка).

экс-чемпионами мира и большая группа молодых, весьма перспективных спортсменов.

Золотые спартакиадные медали завоевала сборная Украины, в составе которой выступали гроссмейстеры Олег Романишин, Александр Белявский, Иосиф Дорфман, Адриан Михальчишин и Марта Литинская (все пятеро из Львова), Геннадий Кузьмин из Ворошилов-

града, харьковчанин Владимир Савон, одесситы Владимир Тукмаков и Семен Палатник, международный мастер Лидия Семенова (Киев), «Серебро» у москвичей, «бронза» у сборной РСФСР. Думается, что читателям «Смены» понравятся фрагменты, иллюстрирующие талантливую игру молодежи на шахматных матчах всеобщей Спартакиады.



Перед вами положение фигур, создавшееся после 20-го хода черных в поединке Леонида Юртаева из команды Киргизии (он играл белыми) с первым номером сборной Латвии экс-чемпионом мира Михаилом Талем.

Стремительной переборской ладьи на свой правый фланг белые приступают к штурму ослабленной короткой рокировки соперника.

21. ...Le1—e4! Lc8—c7 22. Le4—h4 h7—h5 23. Kg5—e4 Ff6—g7 24. Fd2—g5 f7—f6 25. Ke4:f6+!

Наступление развивается смелой жертвой коня. Гроссмейстеру не понравилось продолжение 25. ...K:f6 26. S:e6+ K:h8 27. d5!, и он предпочитает отклонить «данайский дар». Однако получающееся в итоге нескольких разменов окончание оказывается для черных достаточно тяжелым.

25. ...Fg7:f6 26. Ca2:d5 Ff6:g5

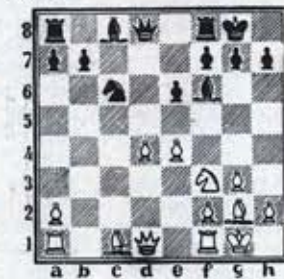
27. Cd5:e6+ Kpg8—g7 28. Kf3:g5 Kc6:d4 29. Se6—b3!

Этот тонкий маневр возможен благодаря связке неприятельского коня по вертикали.

29. ...Lc7—e7 30. f2—f3 Kd4—f5 31. Kg5—e6+!

Красивый тактический удар, приносящий белым лишний материал и технически несложную победу.

31. ...Le7:e6 32. Ld1:d8 Le6—e2 33. Cb3—d1 Le2:b2 34. Lh4—b4 Lb2:b4 35. a3:b4 Cb7—c6 36. Ld8—c8 Kf5—e7 37. Lc8—c7 Kpg7—f6 38. h2—h4 Kpf6—e6 39. Lc7:a7, и черные сложили «оружие».



На этой диаграмме отображена позиция, к которой после 11-го хода черных пришел Виктор Гавриков, сельский шахматист из сборной Молдавии (у него были белые), и гроссмейстер Владимир Тукмаков, защищавший спортивные цвета команды Украины. Быстро овладев инициативой, белые без боязни предложили жертву пешки, энергично использовали неудачные действия ферзя противника и поймали в ловушку черного слона.

12. Sc1—a3! Lf8—e8 13. Lf1—e1 Fd8—a5! Взятие белой центральной пеш-

ки конем выглядит «подозрительным» (13. ...K:d4 14. e5!), но почему не попробовать ее «скушать» слонком (13. ...C:d4)?

14. Ca3—d6! Fa5—d8 15. Cd6—c5 b7—b6? 16. e4—e5! Cf6—e7 17. Cc5:e7 Le8:e7 18. Kf3—g5! Cc8—b7 19. Cg2:c6, и черные сдались, ибо в случае 19. ...C:c6 исход схватки решало бы двойное нападение посредством 20. Fc2!



А здесь вы видите четырехладный эндшпиль, возникший после 26-го хода черных в партии матча Азербайджан—РСФСР уже знакомого нашим читателям юного бакинца Гарика Каспарова с многоопытным гроссмейстером Львом Полугаевским.

16-летний шахматист, игравший белыми, эффектно распорядился силой своей далеко продвинутой проходной пешки и скованностью черных обороной последней горизонтали. Концовка носит явно этюдный, эстетически впечатляющий характер.

27. e4—e5! h7—h6 28. Lg5—h5 Le8:e5 29. f5—f6! Lf3—f2+ 30. Kpd2—d3 Lf2—f3+ 31. Kpd3—d4 Le5—e4+ 32. Kpd4:d5 Le4—e8 33. Lh5:h6 Lf3—f5+ 34. Kpd5—d4 Lf5—f4+ 35. Kpd4—c5 Le8—e5+ 36. Krc5—b6 Le5—e6+ 37. Lc1—c6!, и черные капитулировали.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 03.08.79. Подписано к печати 20.08.79. А 01098. Формат 70×108/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1150000 экз. Изд. № 2062. Заказ № 1041. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды». 24.

Музыкальная партитура с нотами и русскими текстами. Текст: ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ, ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ, ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ. ЗАСТАВЛЯЕТ ТЕБЯ МАМА ПОВТОРЯТЬ, ПОВТОРЯТЬ, ПОВТОРЯТЬ: «ДО», «РЕ», «МИ», «ФА», «СОЛЬ», «ЛЯ», «СИ». А В ОКНЕ, А В ОКНЕ, КАК ВО СНЕ, ДОЖДЬ ИГРАЕТ СВОИ ГАММЫ, И ЗВУЧИТ ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ ЗА ОКНОМ СТАРОМОДНЫЙ КЛАВЕСИН.

Музыкальная партитура с нотами и русскими текстами. Текст: ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ, ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ, ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ. ЗАСТАВЛЯЕТ ТЕБЯ МАМА ПОВТОРЯТЬ, ПОВТОРЯТЬ, ПОВТОРЯТЬ: «ДО», «РЕ», «МИ», «ФА», «СОЛЬ», «ЛЯ», «СИ». А В ОКНЕ, А В ОКНЕ, КАК ВО СНЕ, ДОЖДЬ ИГРАЕТ СВОИ ГАММЫ, И ЗВУЧИТ ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ ЗА ОКНОМ СТАРОМОДНЫЙ КЛАВЕСИН.

Музыкальная партитура с нотами и русскими текстами. Текст: ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ, ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ, ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ. ЗАСТАВЛЯЕТ ТЕБЯ МАМА ПОВТОРЯТЬ, ПОВТОРЯТЬ, ПОВТОРЯТЬ: «ДО», «РЕ», «МИ», «ФА», «СОЛЬ», «ЛЯ», «СИ». А В ОКНЕ, А В ОКНЕ, КАК ВО СНЕ, ДОЖДЬ ИГРАЕТ СВОИ ГАММЫ, И ЗВУЧИТ ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ ЗА ОКНОМ СТАРОМОДНЫЙ КЛАВЕСИН.

Музыкальная партитура с нотами и русскими текстами. Текст: ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ, ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ, ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ. ЗАСТАВЛЯЕТ ТЕБЯ МАМА ПОВТОРЯТЬ, ПОВТОРЯТЬ, ПОВТОРЯТЬ: «ДО», «РЕ», «МИ», «ФА», «СОЛЬ», «ЛЯ», «СИ». А В ОКНЕ, А В ОКНЕ, КАК ВО СНЕ, ДОЖДЬ ИГРАЕТ СВОИ ГАММЫ, И ЗВУЧИТ ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ ЗА ОКНОМ СТАРОМОДНЫЙ КЛАВЕСИН.

Стихи Юрия РЫБЧИНСКОГО Музыка Вадима ИЛЬИНА

УРОКИ МУЗЫКИ

Целый день, целый день,
целый день
Заставляет тебя мама
Повторять, повторять, повторять:
«До», «ре», «ми», «фа», « соль»,
«ля», «си».

А в окне, а в окне, как во сне,
Дождь играет свои гаммы,
И звучит целый день за окном
Старомодный клавесин.

Целый день, целый день,
целый день
Занимаешься зубрежкой.
Ты окно отвори, распахни
И увидишь там и тут:
Вместо нот, вместо нот,
вместо нот

За весенним за окошком—
На пяти, на пяти проводах
Птицы звонкие поют.

Припев:

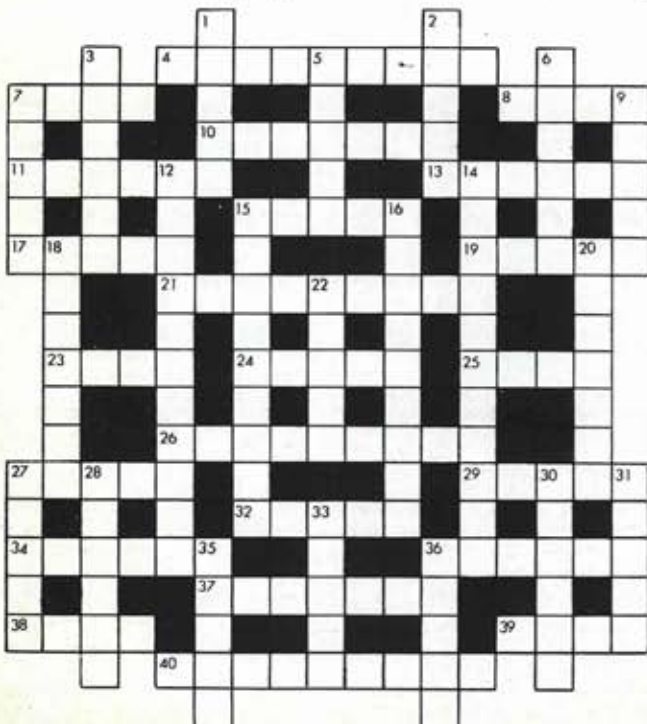
А в переулке узеньком,
Который день подряд,
Дает уроки музыки
Мазстро-Листопад.
Но, видно, эта музыка
Мальчишке не слышна,
И я брожу по городу одна.

Припев.

Целый день, целый день,
целый день
Занимаешься зубрежкой...
Целый день, целый день,
целый день
Занимаешься зубрежкой...
Целый день, целый день,
целый день,
целый день,
Занимаешься зубрежкой...

Музыкальная партитура с нотами и русскими текстами. Текст: ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ, ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ, ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ. ЗАСТАВЛЯЕТ ТЕБЯ МАМА ПОВТОРЯТЬ, ПОВТОРЯТЬ, ПОВТОРЯТЬ: «ДО», «РЕ», «МИ», «ФА», «СОЛЬ», «ЛЯ», «СИ». А В ОКНЕ, А В ОКНЕ, КАК ВО СНЕ, ДОЖДЬ ИГРАЕТ СВОИ ГАММЫ, И ЗВУЧИТ ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ ЗА ОКНОМ СТАРОМОДНЫЙ КЛАВЕСИН.

Музыкальная партитура с нотами и русскими текстами. Текст: ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ, ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ, ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ. ЗАСТАВЛЯЕТ ТЕБЯ МАМА ПОВТОРЯТЬ, ПОВТОРЯТЬ, ПОВТОРЯТЬ: «ДО», «РЕ», «МИ», «ФА», «СОЛЬ», «ЛЯ», «СИ». А В ОКНЕ, А В ОКНЕ, КАК ВО СНЕ, ДОЖДЬ ИГРАЕТ СВОИ ГАММЫ, И ЗВУЧИТ ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ ЗА ОКНОМ СТАРОМОДНЫЙ КЛАВЕСИН.



КРОССВОРД

Составил А. ВЫСОЦКИЙ,
Ленинград

По горизонтали:

- Мореплавание, судоходство.
- Шерстяное покрывало.
- Наклонная береговая площадка для спуска и подъема судов.
- Рассказ А. П. Чехова.
- Путешественник, спортсмен.
- Места в зрительном зале.
- Декоративное эфирномасличное южное растение.
- Большая палатка, матерчатый навес.
- Горная порода, разновидность вулканического туфа.
- Музыкальный темп.
- Порт в Южной Италии.
- Преддверие выдающегося события, праздника.
- Минеральная краска.
- Точка пересечения высот треугольника.
- Ученый, изобретатель радио.
- Озеро на севере Финляндии.
- Город в Литве.
- Курорт в Новосибирской области.
- Герой оперы П. И. Чайковского «Черевички».
- Равнины, вид пальмовой саванны в Южной Америке.
- Сорт яблок.
- Стихотворение В. Маяковского.
- Единица давления.

По вертикали:

- Опера Ш. Гуно.
- Грузо-пассажирский автомобиль.
- Военный сторожевой пост.
- Шерстяная пряжа для вышивания, вязания.
- Промысловая рыба семейства карповых.
- Белый зернистый порошок, добываемый из древесной золы.
- Стихотворение М. Ю. Лермонтова.
- Автор романа «Железный поток».
- Самоходный железнодорожный вагон.
- Прибор, отображающий ход определенного процесса.
- Стихотворение А. С. Пушкина.
- Отношение количества отраженного света к его количеству, падающему на определенную плоскость.
- Садовые ножницы.
- Представитель коренного населения двух автономных округов.
- Ценная промысловая рыба семейства тресковых.
- Разновидность теплицы.
- Минерал, медная руда.
- Автор поэмы «Суд памяти».
- Тригонометрическая функция.
- Приток Волги.
- Пушной зверек.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 17

По горизонтали:

- Сатуратор.
- «Прогресс».
- Барбарис.
- Штокман.
- Камелия.
- Руслан.
- Трент.
- Катран.
- Радиатор.
- Болгария.
- «Восток».
- Турин.
- Бровка.
- Планета.
- Скворец.
- Заколане.
- Портулак.
- Ленинград.

По вертикали:

- Муссон.
- Казбек.
- Сурик.
- Рабле.
- Портал.
- Артист.
- Авторитет.
- Акдюбинск.
- Рубанок.
- Леопард.
- «Калинка».
- Араго.
- Ангар.
- Тюлька.
- «Отелло».
- Непал.
- Афелий.
- «Салюги».
- Октод.

ВОЙДИ И УДИВИСЬ

Начало на 14-й стр.

«Музей детского творчества? Несерьезно, непедagogично, кому это нужно» и т. д. Сегодня вряд ли найдется человек, который бы выразил сомнение по поводу того, быть или не быть галерее. Только быть, и это прекрасно!

Дети рисуют во всем мире, везде рисуют хорошо, постоянно удивляя нас, взрослых, своими бесконечными открытиями, искренностью и удивительной фантазией. Мы же, взрослые, радуемся, восхищаемся и... нередко равнодушно отворачиваемся, забываем о том, что детское творчество — равноправная сфера искусства и что самое главное: дети — будущее страны, будущее ее культуры. К сожалению, об этом пока нередко забывают во многих странах мира. Практически взрослые, энергично эксплуатируя красоту, создаваемую детской интуицией, чаще всего ограничиваются восторгом.

Одной из проблем, стоящих перед детским творчеством, является необходимое сочетание интуиции с ремеслом. Первое может иметь дальнейшее развитие в широком смысле слова, лишь опираясь на ремесло. Приобретая навыки ремесла — прежде всего имеется в виду прикладное искусство, — ребенок и в дальнейшем будет продолжать свои поиски, нередко определяя свою будущую профессию. Часто детская фантазия заходит в тупик, ребенок, разочаровываясь в искусстве, перестает рисовать. Как правило, это происходит в переходном возрасте, когда мы, взрослые, продолжая свое нередко стандартизированное учение, «вытаскиваем» детей из мира сказок, фантастических видений и сажаем их перед скучным гипсом. В итоге рождается бесчисленное количество рисунков с гипса по всей огромной стране, теряется драгоценное ощущение красоты, что приводит к размножению одинаково мыслящих, ничем не отличающихся друг от друга людей, получивших художественное образование.

Разумеется, бывают счастливые исключения, но ведь нашей задачей является максимальное выявление богатейших возможностей, заложенных в каждом человеке. Широкая сеть студий по всей республике — недалекого будущего, суть их сводится к разнообразным формам работы с детьми и юношеством с учетом местных условий, традиций, возможностей, материалов. Почему-то считается, что произведение искусства можно создать только на холсте красками. Не является ли это одной из причин полнейшего отсутствия вкуса и культуры во многих оформлениях интерьеров, витрин, малых формах, экспозициях музеев. Ведь это дело не только архитекторов и дизайнеров, оно значительно шире. Возможно, у читателей возникнет вопрос: а какое это отношение имеет к эстетическому воспитанию, к детскому творчеству? Самое прямое, самое непосредственное.

1978 год принес детям и взрослым республики огромный подарок, без преувеличения, произошло историческое событие в жизни республики. По решению ЦК КП Армении и Совета Министров республики в столице создается большой комплекс эстетического воспитания детей и юношества, не имеющий аналогии в мировой практике. Мечта? Конечно. Но мечта вчерашнего дня, а сегодня реальность. Могли ли наши отцы и деды думать и мечтать в чудовищном 1915 году геноцида о том, что армянский народ создаст на своей возрожденной земле первый в мире Музей детского творчества!

Но это лишь начало. Нам предстоит



МУЗЫКАНТЫ. Рубен ИГИТЯН, 14 лет.



ПАРАШЮТ. Ева ДАРЬЯН, 8 лет.

ДЕКОРАТИВНАЯ ВЫШИВКА. Асмик ОВСЕЯН, 7 лет.



огромная работа, в которой примут участие социологи, философы, искусствоведы, педагоги, художники, музыканты, архитекторы, режиссеры — люди самых различных профессий, объединенных единой целью — создать Республиканский центр эстетического воспитания детей и юношества. Пора наконец уточнить, что же это такое, ибо все новое заставляет проводить бессонные ночи за столом, вступать в жаркие дискуссии, продумывать тщательно все детали, взвешивать все возможные трудности и препятствия, словом, мыслить, мучиться, доказывать.

Представьте себе универсальный детский театр, где все делают сами дети (разумеется, здесь, как и во всем Центре, все будет происходить при

ДЕКОРАТИВНАЯ МАСКА. Рубен МИНАСЯН, 10 лет; Арам ГУЛАБЯН, 11 лет.



АПЛИКАЦИЯ. Бахтик БАБАЯН, 8 лет.

активном участии и руководстве умных, талантливых взрослых). Сказка Андерсена и Туманяна, художественное слово, пантомима, «Ромео и Джульетта»... Представьте себе концертный зал, где поочередно выступа-

ют детский ансамбль старинной музыки, хор, этнографический ансамбль, камерный оркестр, эстрадный оркестр, проводятся утренники, посвященные Моцарту, Чайковскому, Комитасу, советским и зарубежным композиторам...

Представьте себе Музей детского творчества, расширивший свою экспозицию — с международным, всесоюзным, республиканским постоянно функционирующими отделами...

Представьте себе Детскую академию искусства с интернатом, в котором будут обучаться самые одаренные дети.

Детские картинные галереи со студиями уже создаются в Ахурянском районе, Ленинакане, Кировакане, Горисе... Нет ли в этой глобальной программе чего-то от героя Ильфа и Петрова с его идеей превращения провинциального городишка в Нью-Васюки? Скептики могут хором воскликнуть: вот именно! Но посудите сами.

В давние времена без преувеличения вся Армения занималась творчеством, до нас дошли многочисленные свидетельства высочайших образцов культуры: тысячи хачкаров (крест-камень), ковров, ювелирных и керамических изделий, всевозможной утвари, миниатюр, архитектурных сооружений, позволяющих называть Армению музеем под открытым небом. В основном все это было создано не отдельными гениями, а гением народа.

Постановлением ЦК КПСС о народных промыслах своевременно поставлена перед народом задача восстановления лучших традиций и их дальнейшего развития.

Ведь мало гордиться прошлым, надо ему отвечать взаимностью, надо быть достойным прошлого. И начинать осуществление этой обширной программы следует именно путем эстетического воспитания детей и не только с помощью теоретической литературы, дающей ребенку информацию, но и конкретной практической деятельности, пробуждающей в каждом человеке желание создать красивую вещь, предмет искусства, украсить свой быт, свою родину.

Очень скоро при Республиканском центре эстетического воспитания детей и юношества начнет функционировать студия изобразительного искусства, особое значение здесь отводится декоративно-прикладному оформлению, приобретению навыков ремесла, отдельные секторы будут заниматься ковроткачеством, ковроткачеством, гобеленом, керамикой, мозаикой из камня, резьбой по дереву, вышивкой. Открываются неограниченные возможности проявления способности детей. Совет творческой молодежи при ЦК ЛКСМ Армении, Министерство просвещения республики совместно со всеми творческими союзами отберут лучшие кадры в основном из молодежных секций творческих союзов. Естественно, во многом студия должна носить экспериментальный характер, так как, кроме общей подготовки по рисунку, живописи, теоретическим предметам, значительное место в программе займут не освоенные в детском творчестве виды искусства.

Недалек тот день, когда воспитанники студии при Республиканском центре эстетического воспитания начнут оформлять интерьеры детских садов и яслей, и место бескрылых, стандартизированных, нередко халтурных работ, заселивших детские учреждения, займут красивые маски, куклы, аппликации, гобелены, керамика, мозаика, созданные самими детьми. Ведь именно отсюда начинается развитие вкуса, культуры и эстетики ребенка.

Среда формирует человека. Разумеется, у нас нет и в мыслях видеть в каждом рисующем ребенке будущего художника, но видеть в каждом ребенке культурного человека — наш священный долг.